

Подписной индекс по каталогу
РОСПЕЧАТИ – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 23

**Томск
2006**

УЧРЕДИТЕЛЬ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Богомаз, Т.Г. Бохан, Э.В. Галажинский, В.Г. Залевский, В.И. Кабрин (зам. главного редактора),
О.М. Краснорядцева, Т.Е. Левицкая, О.И. Муравьева, О.В. Лукьянов, Э.И. Мещерякова,
Г.А. Финогенова (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.Г. Асмолов (Москва), Н.А. Бохан (Томск), Л.И. Вассерман (Санкт-Петербург), Б.А. Вяткин (Пермь),
Л.Д. Демина (Барнаул), А.И. Донцов (Москва), Е.Л. Доценко (Тюмень), Г.Е. Дунаевский (Томск),
А.П. Забияко (Благовещенск), Г.В. Залевский (Томск), В.П. Зинченко (Москва), В.В. Знаков (Моск-
ва), В.И. Кабрин (Томск), А.Д. Карнышев (Иркутск), В.Е. Клочко (Томск), И.А. Коробейников (Мос-
ква), Г. Кунце (Кассель, Германия), В.С. Мухина (Москва), А.В. Петровский (Москва), Р.Д. Санжае-
ва (Улан-Удэ), Н.М. Сараева (Чита), В.Я. Семке (Томск), А.В. Соловьев (Москва), А.Ш. Тхостов
(Москва), Л.П. Урванцев (Ярославль), К. Павлик (Гамбург, Германия), П. Шюлер (Марбург, Герма-
ния), Д.В. Ушаков (Москва), А.В. Юревич (Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций – Свидетельство ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.
Международным Центром ISSN (Париж) от 4 января 2003 г., печатный вариант – ISSN 1726-7080

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	5
-----------------------------	---

КЛИНИЧЕСКАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Залевский Г.В.</i> К ПРОБЛЕМЕ ПРЕДМЕТА И РАМОЧНЫХ МОДЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	6
<i>Левицкая Т.Е., Степаненко Н.П., Богданович М.Д.</i> МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ, СТРАДАЮЩИХ ОЖИРЕНИЕМ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ	14
<i>Скавинская Е.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В РАМКАХ ЭКСТРЕННОЙ ТЕЛЕФОННОЙ ПОМОЩИ	17
<i>Шульмин М.П.</i> ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕЖИВАЮЩИЙ КРИЗИС «ПОТЕРИ ЗРЕНИЯ»	22
<i>Долганов Д.Н.</i> К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ КОНСТРУКТОВ ПРИ АДДИКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ	27
<i>Орёл В.Е.</i> СИНДРОМ «ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ» И СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА	33
<i>Пакулов М.С.</i> РОЛЬ МИКРОКЛИМАТА СЕМЬИ В ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА ПОДРОСТКА	40

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Галажисинский Э.В.</i> СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ И ПРИНЦИПЫ ДЕТЕРМИНИЗМА: ИСТОРИКО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ	45
<i>Богомаз С.А.</i> АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ ГИПЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	49
<i>Писаренко Н.В.</i> ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДЪЯВЛЯЕМОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ	56
<i>Третьякова Н.А.</i> СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ	63
<i>Шабанов Л.В.</i> МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И БАРЬЕРЫ НЕПОНИМАНИЯ	66
<i>Козлова Н.В., Пусев Д.В.</i> УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА	71
<i>Осипова Т.Ю.</i> ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ МЕНЕДЖЕРОВ НА ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ	76
<i>Непомнящая В.А.</i> ОПТИМИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАБОТЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В ВУЗЕ	81
<i>Уткин А.В.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ О ПРОЕКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	83

ИНФОРМАЦИЯ

Из диссертационных советов	89
<i>Развивающееся образование:</i> саморазвитие личности в условиях взаимопроникновения культур и цивилизаций. Выставка «УЧСИБ-2006»	90
<i>Рецензии</i> на «Сибирский психологический журнал»	92
Наши авторы	94
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	95

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	5
--------------------------	---

CLINICAL AND MEDICAL PSYCHOLOGY

<i>Zalevsky G.V.</i> TO THE PROBLEM OF SUBJECT AND FRAMEWORK MODELS OF PRESENT-DAY CLINICAL PSYCHOLOGY	6
<i>Levitskaja T.E., Stepanenko N.P., Bogdanovich M.D.</i> MEDICAIPSYCHOLOGIST REHABILITATION OF CHILDREN AND TEENAGERN WHO SUFFER FAT OF FIRST DEGREE	14
<i>Skavinskaya E.N.</i> FEATURES OF THE CRISIS CONSULTING IN THE CONTEXT OF THE URGENT TELEPHONE HELP	17
<i>Shulmin M.P.</i> A PERSON WHO IS EXPERIENCING THE CRISIS OF «LOSS OF SIGHT»	22
<i>Dolganov D.N.</i> TO A QUESTION ON PROSPECTS OF STUDYING OF SYSTEM PERSONAL CONSTRUCT AT ADDICTIVE BEHAVIOUR	27
<i>Orel V.E.</i> SYNDROME OF «MENTAL BURNING-OUT» AND BEHAVIOR AND ACTIVITY STYLE FEATURES OF PROFESSIONAL	33
<i>Pakulov M.S.</i> ROLE OF THE MICROCLIMATE OF FAMILY IN PATHOLOGICAL DYNAMICS ACCENTUATION CHARACTER OF THE TEENAGER	40

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Galazhinsky E.V.</i> SYSTEM ORGANIZATION OF SCIENCE AND PRINCIPLES OF DETERMINISM: HISTORICAL AND SYSTEM ANALYSIS	45
<i>Bogomaz S.A.</i> ALGORITHM OF THE RATING OF PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF HYPERSOCIALISATION AND ITS USE IN EXPERIMENTAL RESEARCHES	49
<i>Pisarenko N.V.</i> GENDER ASPECTS OF THE RELATIONS WITH «OTHERS» IN PRESENTED IDENTITY OF STUDENTS	56
<i>Trenkaeva N.A.</i> SOCIAL ADAPTATION AT UVENILE AGE: POSSIBILITY AND PROSPECTS OF THE STUDY	63
<i>Shabanov L.V.</i> METAPHORICAL MODELLING OF SOCIAL PSYCHOLOGY'S PROCESS AND HIM ADIAPHORICAL REFLECTION	66
<i>Kozlova N.V., Pusev D.V.</i> ADMINISTRATIVE ABILITYS AS CRITERION OF COMPETENCE OF MODERN SPECIALIST	71
<i>Osipova T.U.</i> THE INFLUENCE OF MANAGERS' PERSONAL CHARACTERISTICS ON THE ORGANIZATION CULTURE FEATURES OF PRESENT-DAY ENTERPRISE	76
<i>Nepomniacshaya V.A.</i> OPTIMIZATION OF SUBJECTIVE QUALITY OF STUDENTS' LIFE AS ONE OF THE WORK LINES OF PRACTISING PSYCHOLOGIST AT INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION	81
<i>Utkin A.V.</i> METHODOLOGICAL ESSAY ABOUT PROJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH OF INTERNET-COMMUNICATION	83

INFORMATION

About the dissertation counsils	89
<i>Advancing education:</i> individual self-development in the context of cultures and civilizations. Exhibition «Uchsib-2006»	90
<i>Reviews</i> of «Siberian Psychological jornal»	92
Our avtors	94
Rules of registration of materials in SPM	95

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

С удовольствием хочется поделиться радостной, надеюсь, не только для редсовета и редколлегии нашего журнала, но и для всех читателей, вестью о том, что на Сибирской ярмарке «УЧСИБ-2006», которая состоялась 10–12 марта 2006 г. в Новосибирске, Сибирский психологический журнал был награжден золотой медалью и дипломом за высокий теоретико-методологический уровень публикаций. Материалы о выставке и рецензии на наш журнал помещены на страницах 92–93. Во многом благодаря оценке профессоров В.В. Знакова, А.В. Юревича Сибирский психологический журнал был так высоко отмечен.

В настоящем выпуске представленные материалы сконцентрированы в рамках двух рубрик – «Клиническая и медицинская психология» и «Социальная психология», что в целом отражает основные, ставшие уже традиционными акценты научных интересов психологов Западной Сибири, хотя среди авторов есть представители и факультета психологии Ярославского госуниверситета. В то же время, что особенно приятно отметить, наши авторы представили в рамках этих рубрик очень широкий спектр проблем социальной и клинической психологии.

Надеюсь, что все материалы нашего журнала найдут своего заинтересованного читателя как в сибирском регионе, так и за его пределами.

Желаю авторам и читателям крепкого здоровья, творческих успехов и более активного сотрудничества с нашим журналом!

Главный редактор

КЛИНИЧЕСКАЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕДМЕТА И РАМОЧНЫХ МОДЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация. Обсуждаются две наиболее актуальные проблемы современной клинической психологии – проблема ее объектного поля и предмета и проблема рамочных моделей (парадигм, исследовательских программ), а также их динамика (от органической до биопсихосоционоэтической), во многом определяющая самостоятельность клинической психологии как части психологии и ее отношение к пограничным научно-практическим дисциплинам (прежде всего психиатрии).

Ключевые слова: современная клиническая психология, объектное поле, предметное поле и предмет клинической психологии, рамочные модели клинической психологии: органическая, психосоциальная, биопсихосоциальная, биопсихосоционоэтическая.

В данной статье мы продолжаем разговор об актуальных проблемах современной клинической психологии, круг которых был нами очерчен ранее [10], в том числе и на страницах Сибирского психологического журнала [2. С. 10; 3. С. 20; 4. С. 22]. Сегодня мы обратимся к проблеме объектного поля и предмета, а также рамочных моделей (парадигм, исследовательских программ) клинической психологии.

Объектное поле и предмет клинической психологии

Определение «клиническая» (гр. *klinein* – склоняться, подходить, опираться; *klinikos* – лежащий в постели) в связи с психологией часто приводит к недоразумениям. В общем словоупотреблении понятие «клинический» определяет феномены, которые встречаются в стационарных учреждениях или делают необходимым стационарное лечение. В клинической психологии этот термин определяет не учреждение, а потребность человека в психологической помощи в любой ее форме. Клинические психологи оказывают психологическую помощь людям, нуждающимся в этом, с акцентом на проблемы здоровья вне зависимости от учреждения, в котором эта помощь оказывается.

На сегодняшний день адекватным состоянию отечественных и западных исследований и практики представляется определение клинической психологии «...как части психологической науки, которая использует концептуальный аппарат психологии, изучает психологические нарушения при психических и соматических расстройствах, а также отклонениях развития (включая проявления, динамику, психологические и нейропсихологические факторы и механизмы этих нарушений), разрабатывает принципы и методы психологической диагностики, профилактики и помо-

щи при различных нарушениях психики; при этом клиническая психология опирается на психологические знания о нормальном развитии и функционировании психики» [12. С. 80]. Однако мы считаем его неполным. Не является, на наш взгляд, исчерпывающим определение Р. Бастине, который считает, что клиническая психология изучает психические расстройства, психологические аспекты соматических расстройств или болезней, а также психические кризисы, которые обусловлены особыми жизненными обстоятельствами. Как психологическая дисциплина она основывается преимущественно на данных теории, методологии психологии и ее частных дисциплин, используя в качестве инструментария их методы. Задачей психологии является клинико-психологические феномены описывать, объяснять и классифицировать (патопсихология), выявлять (психодиагностика), их появление предупреждать или устранять (профилактика и интервенция) и их связь с экологическими, социокультурными, институциональными рамочными условиями выявлять и оказывать на них влияние (контекстные условия) [14. С. 17].

Как психологическая дисциплина клиническая психология* подходит к своим феноменам с психологической перспективой, не ставя вопрос об основополагающем ограничении психологических, социальных и биологических условий. Социальные и биологические факторы подразумеваются в качестве контекстуальных условий или ковариаций психологических процессов. Состояния, расстройства, болезни или кризисы объясняются с позиций психической нормы. Через эти подобию и отношения между нормальным и аномальным поведением рассматриваются «здоровое» и «больное» поведение, которые резко друг от друга не отделяются. И, наконец, берутся во внимание феномены, которые обычно на-

* Следует отличать от медицинской психологии, которая, на наш взгляд, представляет собой определенную сумму знаний для повышения психологической культуры медперсонала, а следовательно, и врачебного профессионализма.

ходятся в пограничных областях между нормальным и аномальным.

Психологические дисциплины часто подразделяют на фундаментальные и прикладные. Клиническая психология рассматривается как прикладная дисциплина. Однако научно-теоретическая дискуссия показала, что подразделение наук на прикладные и фундаментальные во многом произвольно, т.к. первые касаются также и фундаментальных вопросов, а вторые – решению прикладных проблем. Перед клинической психологией стоят задачи и как перед основополагающей (теоретической), и как перед прикладной наукой. Примером основополагающего научного вопроса может быть, например, вопрос об объяснении возникновения (клинических) страхов. А вопрос, как от страха избавляться, может рассматриваться как «технологическая» постановка проблемы. С точки зрения представителей теории науки, клиническая психология есть эмпирико-научная дисциплина, в которой эксперименту придается особое значение [6]. Однако среди практиков такого единодушия нет, поскольку значительное число практикующих клинических психологов (в последние годы и отечественных) используют в своей работе методы глубинной психологии или гуманистической психотерапии и на этом основании считают себя приверженцами «понимающего подхода» (феноменологическое, герменевтическое понимание науки), а к эмпирической психологии относятся критически.

Уже исходя из приведенных выше определений клинической психологии, можно сделать вывод о сложности трактовки самого ее предмета. Складывается впечатление, что речь должна идти о предметном поле клинической психологии и разведении его с полем объектным. Приведем предметную триаду клинической психологии, как она видится автору известного немецкого руководства по клинической психологии Р. Бастине [14. С. 18].

Мы считаем, что Р. Бастине, во-первых, смешивает объект клинической психологии с предметом; во-вторых, говорит скорее об объектном поле кли-

нической психологии; в-третьих, представляет не все объекты этого поля. На наш взгляд, психические и психосоматические расстройства, психические кризисы – это объекты в поле интересов клинической психологии, которые она разделяет с другими дисциплинами и прежде всего с психиатрией. Иначе говоря, предмет научных и практических интересов в каждой из заинтересованных в этих объектах научных дисциплин разный, а значит, отличается и методический аппарат. Если и происходит заметное в последние годы сближение между, например, психиатрией и клинической психологией [9, 12], то исключительно в силу возрастающего понимания того, что их объединяет и что разъединяет, когда они работают с одним объектом, например с психическим расстройством, в рамках одной его модели – биопсихосоциальной [17, 18] или биопсихосоциоэтической [4], о которых речь пойдет ниже.

На наш взгляд, объектное, а значит и предметное, поле клинической психологии значительно шире. В нем следует выделить и такие объекты, как нормативные кризисы (возрастные, плановая беременность), латентные ненормативные кризисы (потеря работы, предэкзаменационные ситуации, ситуации предполагаемого пребывания, с риском для жизни – группы риска), а также группы практически здоровых людей, ведущих нездоровый образ жизни (вредные привычки, нарушения режима жизни, перегрузки трудового или учебного характера – синдром эмоционального выгорания, специфическая профессиональная деятельность и т.д.). Во всех этих случаях действуют факторы, которые влияют на состояние здоровья и ведут к необходимости обращения в службы здоровья [8].

Во всех указанных объектах предметом клинической психологии могут являться «психологические аспекты», о которых упоминает Р. Бастине, говоря лишь об одной составляющей «предметной триады» – психосоматических расстройствах [1, 11]. Но ведь «психологические аспекты», или «психологические факторы», имеют место и в случае психических расстройств. Психологические аспекты/факторы – это, скорее, ме-

Предметная триада клинической психологии

Предметные области	Примеры
Психические расстройства	Страхи Навязчивости Аффективные расстройства Расстройства личности и поведения
Психологические аспекты соматических заболеваний	Нарушения зрения, слуха и речи Инфекции и СПИД Онкозаболевания Коронарные сердечные заболевания Параличи
Психические кризисы	Расстройства адаптации Острые травматические расстройства Посттравматические расстройства

та предмет клинической психологии, который должен быть конкретизирован в каждом объекте с учетом его специфики. И спектр этих конкретизаций может быть очень большим, например от «внутренней картины болезни» до «внутренней картины здоровья» [1, 25].

**Рамочные модели (парадигмы,
исследовательские программы)
клинической психологии**

В методологии клинической психологии различают два уровня абстракции – уровень рамочных моделей и уровень клинко-психологических моделей [4. С. 63].

В широком смысле термин «модель исследовательской программы, или парадигма» обозначает предпосылки, на которых строится теория и/или метод исследования. Представления о модели существенно влияют на процесс познания, т.е. имеют в науке теоретико-познавательную функцию. Для теории и практики клинической психологии значение широких (метатеоретических) модельных представлений обнаруживается, например, на примере понятия психического расстройства.

Рамочные модели – это исследовательские программы, которые демонстрируют фундаментальные и далеко распространяющиеся различия и соответствуют «научным парадигмам» в смысле Куна [23]. Научная парадигма (парадигма в переводе с греческого – это тоже модель, или паттерн) – собирательное определение набора установок, ценностей, процедур, методов и т.д., составляющих общепринятое направление в определенной дисциплине в определенный момент времени; иначе говоря, это определенная традиция научного исследования.

На сегодняшний день конкурирующими являются главным образом три рамочные модели (исследовательские программы): органическая, психосоциальная и биопсихосоциальная. Возникли они как продукт процесса научного познания и культурного «духа времени». Они отражают разные акценты и связи клинической психологии с пограничными дисциплинами: биологическими (медициной) – органическая рамочная модель; социальными – психосоциальная рамочная модель. Интеграцию и междисциплинарные связи этих дисциплин представляет биопсихосоциальная рамочная модель.

Клинко-психологические модели – это модели более ограниченного охвата, к которым можно отнести, например, психоаналитическую, гуманистическую, поведенческую, когнитивную, интерперсональную и другие модели. Нередко эти модели называют еще «психотерапевтическими школами». Правда, этот термин чаще всего используется для указания на различные виды психотерапий, различающихся терапевтическими подходами и базирующихся на различных концепциях болезни и здоровья.

Органическая рамочная модель. «Невроз – это болезнь» есть утверждение из области психиатрии. В психиатрии психические расстройства определяются как болезни, которые описываются так же, как и органические расстройства. Иначе говоря, к психическим расстройствам прилагается та же органическая, или медицинская, модель.

Органическая модель нашла сильную поддержку в начале XX столетия, благодаря открытию биологических причин некоторых расстройств психики и поведения. Это относится прежде всего к прогрессивному параличу, который характеризуется целым рядом таких проявлений, как раздражительность, истощение, интеллектуальное снижение вплоть до деменции (слабоумия), эмоциональная лабильность и др. Причиной прогрессивного паралича является сифилитическая инфекция. Долгое время паралич считался модельным примером психической болезни, хотя и не демонстрировал характерную и целостную психопатологию; она имела место лишь у немногих (около 10%) больных сифилисом при разной картине в разных случаях. Заболевание сифилисом является необходимым, но ни в коем случае достаточным условием психических расстройств.

После этого открытия начались интенсивные поиски подобных заболеваний с целью объяснить на той же (органической) модели и другие психические расстройства. Эта надежда по большей части не оправдалась, хотя есть уверенность, что различные органические мозговые процессы могут запускать психические расстройства. Воспалительные процессы (энцефалит и менингит), интоксикации, сосудистые заболевания или общесоматические заболевания (например, расстройства обмена веществ, болезни печени и почек) могут существенно сказываться на переживаниях и поведении больного. Однако и сегодня считается, что такие классические психопатологические феномены, как психозы или неврозы, не являются следствием нарушений органического субстрата.

Основными характеристиками органо-медицинской модели считаются следующие:

- психические расстройства понимаются как болезни, при которых психические нарушения являются симптомами телесных расстройств или нарушений;
- психические проблемы вызваны органическими дефектами, т.е. психические феномены являются эпифеноменами соматических расстройств. Если получить достаточно информации, то можно обнаружить причинную связь всех психических расстройств с этим элементарным уровнем;
- психические и социальные факторы в ряду причин имеют лишь вторичное значение, поскольку определяют не сущность психических расстройств, а только внешнюю форму их проявления («патопластику»);
- методология изучения психических расстройств строится на естественно-научном причинном принципе;

– исследование и терапия психических расстройств должны институционально осуществляться в медицинских учреждениях.

Критика органической рамочной модели начинается с работ З. Фрейда (1856–1939), который хотя и был привязан к органо-медицинским представлениям, приложил большие усилия для разработки понятия «психогенетическая обусловленность психических расстройств». Немецкая психиатрия тоже критически оценивала органо-медицинскую модель психических расстройств. Так, Е. Блейлер еще в 1919 г. возражал против различия здоровый–больной в рамках данной модели: «Понятие психической болезни – не медицинское понятие, а социальное. Психические болезни являются изначально отклонениями от психической нормы, которые делают их носителей социально неспособными или доставляют им большие трудности» [16. С. 59]. В этом же плане высказываются и К. Ясперс [20], а также психиатр и психоаналитик Томас Шаш [27, 28], который считал эту модель мифом. Аналогичные высказывания принадлежат интеракционально ориентированным психиатрам [19, 24, 26], поведенческо-когнитивным психотерапевтам [13, 29].

С позиций социологии Г. Койп формулирует существенные концептуальные слабости органо-медицинской модели в виде четырех аргументов [22]: 1) психические отклонения в рамках этой модели, как и другие заболевания, представляются как «заданные природой нормальные константы», т.е. как присущие самому организму качества, а не как социальные оценки. Тенденция этой модели ссылаться на якобы имеющиеся доказательства оказывается несостоятельной в связи с доказанными значениями психосоциальных факторов; 2) диагностика на основании органо-медицинской концепции ведет к приписыванию качеств. Описательная диагностика становится аскриптивной (неописательной), когда лицам, которые получили определенные диагнозы, приписываются и другие, не наблюдаемые симптомы (например, опасность, безответственность). Диагнозы становятся «этикетированием» (приклеиванием ярлыков) и ведут к стигматизации. В процессе приписывания болезни происходит усиление обобщения: вначале лицо ведет себя так, будто испытывает страх, затем проявляет себя как испытывающее страх, наконец, оно испытывает страх. В конце концов, оно классифицируется как невротик; 3) привлекающее внимание поведение (расстройство поведения) истолковывается как симптом, или знак лежащей в его основе «болезни», а не как проблема. Проявление болезни и болезнь различаются, причем последняя представляет соматическую или внутриспсихическую причину внешне видимых симптомов. Одновременно органические или биохимические причины превалируют: «Всем жизненным трудностям

приписываются химико-физические процессы, которые на данный момент открыты якобы медицинским исследованием» [28. С. 45].

В органической модели представлен двойной дуализм, который с психологической точки зрения уже давно непригоден: в различении симптомов и причин психика и сома (тело) резко разделены: можно наблюдать психические симптомы, которые соматически обусловлены. Второй дуализм в том, что психически больной видится в полной независимости от его среды (окружения) – внутренний и внешний миры представляют собой почти независимые единства. В-четвертых, медицинская модель выполняет социальную функцию, поскольку «осуществляется одна из форм социального контроля, которая как таковая остается скрытой» [22].

Психосоциальная рамочная модель. Отвержение критикуемой органической парадигмы психических расстройств произошло благодаря большому числу различных теорий расстройств, общим для которых является признание значения психических и социальных условий при определении, идентификации, возникновении и терапии психических расстройств и проблем. Психосоциальная рамочная модель имеет очень сильную социально- и поведенческо-научную ориентацию. Она возникла как ответ на кризис органической парадигмы и жестко ставит на первый план психические и социальные аспекты в определении, возникновении и изменении психических расстройств. Эта модельная жесткость представляет собой так называемую «стратегию желаемой односторонности» (Койп), чтобы стиммулировать развитие альтернативных позиций.

Психосоциальная рамочная модель охватывает как социологические и интеракциональные подходы (например, этикетирование, антипсихиатрия), так и гуманистические, экзистенциальные, психоаналитические, деятельностные, системные и т.п. Это выражается чаще всего в четырех основополагающих допущениях [13].

1. Континуумное допущение постулирует, что между нарушенной (патологической) и нормальной активностью существует плавный переход и что оба состояния отличаются друг от друга только количественно, а не качественно. Различия между обоими состояниями лежат в частоте, интенсивности или ситуативности способа поведения. И лишь учитывая особенности носителя, оценку ситуации и контекста, а также другие критерии, их можно определить как отклоняющиеся, нарушенные или проблематичные («болезнь») или нормальные («здоровье»).

2. От этого постулата следует отличать допущение эквивалентности. Согласно последнему, в основе нормальной и нарушенной активности (поведения) лежат одинаковые изменяющие условия, т.е. в обоих случаях изменения осуществляются на основе идентичных принципов, например по законам научения и обуче-

ния. Возникновение и изменение (терапевтируемый и нетерапевтируемый процесс) патофизиологических феноменов можно объяснить теми же закономерностями, что и нормальные психологические явления.

3. Допущение контекстного обусловливания исходит из того, что активность человека, с одной стороны, оказывается под влиянием окружающих его условий, но и он, с другой стороны, формирует эти условия, свою среду. И психические расстройства также разнообразным образом являются зависимыми от среды, особенно социальной. Так, социальная среда влияет на определение расстройства, а также его возникновение, течение и терапию. Предполагается, что психическая проблематика всегда определенным образом обусловливается социальными и психическими факторами и что эти условия, при адекватном лечении, учитываются в первую очередь.

4. Мультикаузальное допущение уточняет контекстную обусловленность психических расстройств: возникновение психических расстройств является следствием действия комплексного образования причин, или каузальной сети, а не линейной причиной связи. Причины могут быть разными (психические, социальные, соматические), и проявлять себя в разное время (например, как предрасполагающие, запускающие, удерживающие) и иметь разный относительный вес. При этом разные условия возникновения могут привести к похожим расстройствам. В системной теории этот феномен обозначается как эквивиальность: в открытых системах различные начальные состояния могут вести к одинаковым конечным состояниям.

Итак, как исследовательская программа «психосоциальная рамочная модель» имеет следующие характеристики:

- психические расстройства понимаются как «бросающиеся в глаза», «отклоняющиеся», «неадаптивное», «нарушенное» или «проблемное» поведение и переживание людей, которое отличается от нормального поведения и переживания не качественно, а количественно;
- при возникновении психических расстройств, а также при их дефиниции, изменениях и терапии самое большое значение придается социальным психическим факторам;
- между психическими расстройствами и их причинами имеют место не простые линейные отношения, а комплексные взаимовлияния (каузальные сети, системные связи), в результате которых, с одной стороны, различные исходные условия могут приводить к одинаковым явлениям, с другой стороны, одинаковые исходные условия могут приводить к разным явлениям;
- методологическое (методическое) основание достаточно широкое – от количественно-экспериментальных до качественно-герменевтических подходов;
- исследование и терапия психических расстройств осуществляются преимущественно институционально в социально-научных учреждениях.

Споры между органической и психосоциальной рамочными моделями и попытки их интеграции. Поскольку клиническая психология отягощена интенсивными связями как с биолого-медицинскими, так и с социально ориентированными дисциплинами, она оказывается также под влиянием актуальных акцентов научных течений и моды. Если в 70-е гг. XX в. в клинической психологии доминировали социально- и научно-ориентированные исследовательские программы, то с середины 80-х гг. начали постепенно доминировать бионаучно-ориентированные исследования.

В такой ситуации имеют место две опасности. Первая состоит в тенденции к гипергенерализации результатов с позиции модели, т.е. слишком быстрое и без дальнейшей проверки перенесение с одной проблемной области, например с шизофренических расстройств, на другие расстройства. Вторая опасность заключается в соблазне научного редукционизма как биологического, так и социологического. В обоих случаях требуется дифференцированная процессуальная теория, которая включала бы различные (биологические, социальные и психические) феномены, чтобы объяснить наблюдаемые взаимосвязи.

В то же время в некоторых аспектах наметилось сближение между обеими позициями, которое свидетельствует о постепенном переходе к биопсихосоциальной рамочной модели.

С медицинской точки зрения этому переходу способствуют два концептуальных изменения – динамика понятия болезни и возникновение нового понимания причинности. Динамика понятия болезни особенно заметна, когда, например, сопоставляется концепция Роберта Коха с современным понятием вирусных заболеваний [30].

Но, пожалуй, решающее изменение находится в постепенно вырисовывающейся динамике понятия причины и связанного с ним понятия причин психических расстройств: «Сегодня мы имеем совершенно другое понятие о причинности. В медицине, как и в физике, специфические причины замещены комплексными цепочками сегментов событий, которые находятся в постоянно изменяющемся взаимодействии. Просто идея «причины» потеряла свое значение, она служит еще только в качестве обозначения места в цепи событий, за которое можно легче всего ухватиться» [21. С. 56].

Биопсихосоциальная рамочная модель. В качестве метаконцепции, которая может интегрировать конкурирующие (органическую и психосоциальную) рамочные модели, предлагает себя биопсихосоциальная модель. Этим странным словообразованием делается попытка выразить то, что органические, психические и социальные условия и процессы находятся во взаимоотношающихся отношениях друг к другу и могут образовывать рамки для различных перс-

пектив и факторов. Это представление было предложено психосоматиком Энгелем [17, 18] на основе общей теории систем Бергаланфи [15]. Системы описываемой модели представляют собой динамические целостности, которые находятся в постоянном изменении; их компоненты оказывают влияние друг на друга посредством обмена энергиями, информацией или материей. Системы – это части реальности, которые выбираются не только в познавательных целях (интересах), но отличаются от окружения своей самоорганизацией.

Биопсихосоциальная система представляет собой иерархически организованную структуру, в которой элементарное отличается от более сложных системных частей. Иерархический спектр распространяется, по мнению автора, на физические системы (атом и его части), органические (клетки, совокупность клеток, органы, нервная система), личностные (переживания и поведение людей), психосоциальные (диады, семья, общины), культурные и социальные системы, вплоть до биосферы как образования более сложного системного уровня. Каждая субсистема функционирует согласно собственным закономерностям и требует для анализа и объяснения своих специфических феноменов собственных критериев. Расположенные, согласно иерархии, по соседству субсистемы также находятся в постоянном прямом взаимном влиянии друг на друга, в них отражаются органические, психические и социальные условия. Постоянная интеракция между субсистемами осуществляется в результате комплексных причинных отношений.

Сказанное относительно биопсихосоциальной модели можно проиллюстрировать на примере развития алкогольной зависимости [14. С. 77]:

1. На предпроблематичной стадии употребляющий алкоголь стимулируется преимущественно социокультурными условиями (питьевые традиции, социальный статус взрослого и т.п.), при этом используется психофизиологическое влияние алкоголя (например, его расслабляющее и снимающее торможение действие). Из этого нормального социально приемлемого питья может развиться злоупотребление алкоголем, которое становится уже «проблемным питьем», но остается все еще социально легитимной формой преодоления напряжения и конфликтов. Проблемное принятие алкоголя превращается в генерализованный способ реагирования, которым пьющий пытается устранять не только прежние трудности, но и любые, даже легкие, проблемы.

2. На более поздней стадии процессы начинают влиять друг на друга циркулярно, поэтому все труднее поддаются контролю: человек пьет, чтобы стабилизировать таким образом свое состояние (избегать конфликтов и трудностей в семье, абстинентных состояний); одновременно количество потреб-

ляемого алкоголя растет, чтобы достичь, вопреки привыканию, того же эффекта; в конце концов, с увеличением дозы ухудшается физическое и психосоциальное состояние.

Биологические, психические и социальные факторы в этом процессе влияют друг на друга: биологически важными являются позитивные психофизиологические эффекты легкого употребления алкоголя, а на продвинутой стадии – явления абстиненции и массивных телесных нарушений (особенно желудочных, сердечных, а также центральной и периферической нервной системы). Психическая стимуляция способствует вначале легкому преодолению трудностей, а затем избеганию трудных семейных и профессиональных конфликтов и проблем; социальное стимулирование – это вначале соблюдение питийных традиций, но затем – эксцессивный прием алкоголя, который социально не одобряется, и пьющий социально изолируется и отвергается. Каждое из этих условий в разное время и в разной степени играет свою роль в процессе развития алкоголизма. Поскольку эти условия находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, представляется бессмысленным отдавать предпочтение какому-либо из них [14. С. 77].

Биопсихосоциальная рамочная модель оказалась, без сомнения, полезной для преодоления модельного ригоризма и ограничений органической и психосоциальной концепций психических расстройств и для построения исследовательских программ, учитывающих постоянно изменяющееся взаимодействие органических, психологических и социальных условий (факторов). В данном случае все три условия рассматриваются как величины одного ранга, получающие свой акцент при определенных психических проблемах. Способ и объем участия различных факторов определяются конкретно на основе эмпирических данных.

Существенные признаки биопсихосоциальной рамочной модели состоят в том, что она:

– исходит из участия биолого-органических, психологических и социокультуральных факторов и процессов;

– постулирует комплексные интерактивные (а не только простые линейные) причинные отношения.

Биопсихосоциально-этическая рамочная модель. Итак, сближение между клинической психологией и медицинской (психиатрией) происходило и в связи с изменением представлений о модели психической болезни/расстройства. Места для психологии и (клинических) психологов при «органической» модели, разумеется, не было, хотя и в ее рамках ведущие зарубежные и отечественные психиатры (Крепелин, Блейлер, Корсаков, Бехтерев и др.) не только чувствовали, но и реально многое делали, чтобы это место определилось. Они вносили свою лепту в динамику представлений о сущности модели психического расстройства, об ограниченности ее классического органического варианта.

В рамках биопсихосоциальной модели сегодня открыты возможности для плодотворного партнерского научно-практического сотрудничества клинических психологов и медиков (психиатров в первую очередь). В то же время клиническая и внеклиническая практики оказания психологической помощи все чаще свидетельствуют о том, что такая форма, как «терапия духа», либо оказывается за их рамками (достаточно «терапии души», «духу не поможешь», «терапия духа – это прерогатива религии» и т.д.), либо хотя и имеет место, но, во-первых, не акцентируется, во-вторых, растворяется в разных вариантах «терапии личности» (гуманистической, экзистенциальной и др.), чаще всего не уточняя сущности модели, в рамках которой психологическая помощь оказывается.

На наш взгляд, практика психологической помощи, включающая в той или иной степени и «терапию духа», с неизбежностью расширяет или уточняет биопсихосоциальную рамочную модель за счет духовного (ноэтического) компонента в системной детерминации нарушения здоровья и его сохранения, восстановления и укрепления. На наш взгляд, сегодня становится актуальным обсуждение идеи биопсихосоциальноноэтической модели [4], хотя эта идея звучит уже давно. Здесь, видимо, уместно вспомнить призыв Гиппократов лечить не болезнь, но больного, а также мысль Ювенала о том, что «желательно, чтобы в здоровом теле был здоровый дух». Излишне, нам кажется, приводить многочисленные примеры

«здорового духа» в нездоровом теле, психического – функционального – нездоровья, например слепоглохонемые люди, душевного нездоровья при здоровом теле и здоровье функциональном, например люди с патологией характера или личности; духовном нездоровье при сохранности всех других уровней здоровья, например психогенная депрессия и суицидальное поведение («когнитивная триада» по Беку, «потеря смысла жизни» по Франклу).

Останавливаясь на понятии «внутренней картины здоровья», Г.С. Абрамова и Ю.А. Юдичиц наряду с другими критериями здоровья, выделяют и критерии «духовного здоровья и духовно здорового человека» [1. С. 152–171]. Однако характеризуя «внутреннюю картину болезни», они не поднимаются в ее критериях до уровня «болезни духа» и необходимости «терапии духа». В православной психотерапии это понимается как полнота перерождения павшего человека в «нового», что совершается в три периода, в логотерапии – как оказание помощи в стремлении к поиску и реализации человеком смысла своей жизни [7].

Итак, можно сделать вывод, что клинические психологи – исследователи и практики – продолжают поиски ответов на остающиеся актуальными вопросы предмета (объектного и предметного поля) клинической психологии, а также пытаются определить место и роль ноэтического (духовного) аспекта в моделях здоровья и болезни.

Литература

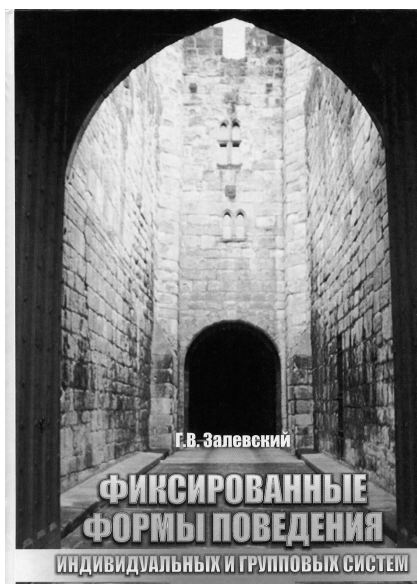
1. Абрамова Г.С., Юдичиц Ю.А. Психология в медицине. М., 1998.
2. Залевский Г.В. К истории, состоянию и проблемам современной клинической психологии // Сибирский психологический журнал. 1999. Вып. 10. С. 53–58.
3. Залевский Г.В. Актуальные проблемы современной клинической психологии // Сибирский психологический журнал. 2004. Вып. 20. С. 81–84.
4. Залевский Г.В. Образование, культура и здоровье: Всероссийская конференция «Психолог в образовании» // Сибирский психологический журнал. 2005 а. Вып. 22. С. 153–155.
5. Залевский Г.В. Объяснение и понимание как методы наук о психике // Вестник ТГУ. 2005 б. № 286. С. 3–14.
6. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1999.
7. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб., 1998.
8. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике (МКБ-10/ICD-10). СПб., 1994.
9. Перре М., Бауманн У. Клиническая психология. СПб., 2002.
10. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основания психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988.
11. Урванцев Л.П. Психология в соматической клинике. Ярославль, 1998.
12. Холмогорова А.Б. Клиническая психология и психиатрия: Соотношение предметов и общие методологические модели исследований // Психология: Современные направления междисциплинарных исследований. М.: ИПРАН, 2003. С. 80–92.
13. Bandura A.A. Principles of behavior modification. N.Y., 1969.
14. Bastine R.H.E. Klinische Psychologie. Bd. I; 3. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln, 1998.
15. Bertalanffy L.V. General system theory. N.Y., 1968.
16. Bleuler E. Das autistisch-undisziplinierte Denken in der Medizin und seine Überwindung. 5. Aufl. Berlin, 1975.
17. Engel R.A. Die Notwendigkeit eines neuen medizinischen Modells: Eine Herausforderung der Biomedizin / Hrsg. H. Keup // Normalität und Abweichung. München, 1979. S. 63–85.
18. Engel R.A. The clinical application of the biopsychosocial model // American Journal of Psychiatry. 1980. № 137. P. 535–544.
19. Goffmann E. Die moralische Karriere des psychisch gestorten Patienten / Hrsg. H. Keup // Die Krankheitsmythos in der Psychopathologie. München, 1972. S. 122–135.
20. Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. (1913). 9. Aufl. München, 1973.
21. Kendell R.E. Die Diagnose in der Psychiatrie. Stuttgart, 1978.

22. Keup H. Modellvorstellungen von Verhaltensstörungen: «Medizinisches Modell» und mögliche Alternative // Kraiker C. Handbuch der Verhaltenstherapie. München, 1974. S. 117–148.
23. Kuhn T.S. Die Struktur wissenschaftlicher Revolution. (1962) 3. Aufl. M., 1978.
24. Laing R.D. Das geteilte Selbst. Hamburg, 1976.
25. Lindsay S.J.E. and Powell G.E. (Eds.) Clinical adult psychology. N.Y., 1997.
26. Sarbin T.R. Sinn und Unsinn der Definition von «psychischer Krankheit» / Hrsg. H. Keup // Die Krankheitsmythos in der Psychopathologie. München, 1972. S. 93–108.
27. Szasz T.S. The myth of mental illness // American Psychologists. № 15. P. 113–115.
28. Szasz T.S. Der Mythos von der seelischen Krankheit // Hrsg. H. Keup // Der Krankheitsmythos in der Psychopathologie. München, 1972. S. 44–56.
29. Ullmann L.P., Krasner L. A psychological approach to abnormal behavior. N.Y., 1969.
30. Weiner H. The illusion of simplicity: The medical model revisited // American Journal of Psychiatry. 1978. № 135. P. 27–33.

TO THE PROBLEM OF SUBJECT AND FRAMEWORK MODELS OF PRESENT-DAY CLINICAL PSYCHOLOGY
G.V. Zalevsky (Tomsk)

Summary. Two problems of current importance of present-day clinical psychology are being discussed. The problem of its objective field and subject and the problem of framework models (paradigms, research programs), and also their dynamics (from organic to biopsychosocioethical), mainly determining independence of clinical psychology as a part of psychology and its attitude to related scientific and practical disciplines (first of all psychiatry).

Key words: present-day clinical psychology, objective field, subjective field and the subject of clinical psychology, framework models of clinical psychology: organic, psycho-social, biopsychosocial, biopsychosocioethical.

Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). – Москва; Томск: Томский государственный университет, 2004. – 460 с.

ISBN 5-94621-92-0

В монографии проанализированы и систематизированы отечественные и зарубежные данные, материалы собственных многолетних экспериментально-психологических исследований фиксированных форм поведения на основе системного структурно-уровневого подхода. Дается классификация широкого спектра фиксированных форм поведения – персеверативного, стереотипного и ригидного. В центре экспериментально-психологического анализа находятся ригидность-флексibilität в континууме predispositional фактора феноменологии фиксированных форм поведения отдельного человека как индивидуальной системы, семьи, организационных сообществ, школы, этносов как групповых систем.

В последнем разделе монографии аргументируется дифференциально-диагностическое, прогностическое, реабилитационное значение проблемы фиксированных форм поведения для медико-психологической практики, а также практик образовательной, инновационной, научного творчества и межнациональных отношений.

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ, СТРАДАЮЩИХ ОЖИРЕНИЕМ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

Т.Е. Левицкая, Н.П. Степаненко, М.Д. Богданович (Томск)

Аннотация. Показаны возможности комплексной медико-психологической реабилитации и психологической коррекции детей и подростков, страдающих нарушением функций эндокринной системы в форме ожирения первой степени, в условиях стационара.

Ключевые слова: ожирение первой степени, психоэмоциональная напряженность, уровень стресса, ситуативная тревожность, медико-психологическая реабилитация.

В последние годы большое медико-социальное значение приобрела проблема расстройства функций эндокринной системы как у взрослого, так и у детского населения. Одним из наиболее часто встречающихся заболеваний, связанных с нарушением эндокринной системы, является ожирение. Несмотря на то, что ожирение относят к факторам риска развития многих хронических болезней, это заболевание является одним из наименее контролируемых и распространенность его в мире продолжает расти [1, 2]. Соматические последствия ожирения в детском возрасте менее очевидны, чем у взрослых, но и они представляют серьезную опасность для организма ребенка. Кроме того, отношение окружающих, особенно сверстников, к тучному ребенку часто причиняет ущерб его психическому здоровью. Таким образом, психологическая профилактика и успешное лечение ожирения в детском возрасте являются залогом здоровья взрослого населения.

Данные медицинской литературы и наши исследования свидетельствуют о значительных нарушениях в психической сфере исследуемой категории пациентов, которые оказывают выраженное влияние на течение заболевания [5].

Многочисленные психологические исследования показали, что к тучным людям в обществе относятся весьма негативно: таких людей считают ленивыми, безвольными, распушенными [3]. Основной причиной такого отношения является непонимание того, что ожирение – это не лень, не прихоть, а болезнь. Следует отметить, что большинство людей с избыточным весом находятся в состоянии хронического стресса, что порождает эмоциональные и психовегетативные расстройства, снижает их самооценку, нарушает и ограничивает социальные контакты. Эмоционально-личностные расстройства у больных ожирением могут выражаться в виде тревожно-депрессивных, депрессивных, а также ипохондрических синдромов. Изменения в психической сфере сочетаются с нарушениями сна, психовегетативными синдромами и хроническими болевыми синдромами [4]. Важно отметить, что алгические синдромы, такие как хронические головные боли, хронические боли в спине, психогенные кардиалгии, связаны не столько с повышенным весом, сколько с психологическими причинами. В основе повышенного аппетита у та-

ких пациентов чаще всего лежит скрытая депрессия, а еда становится единственным источником положительных эмоций.

В терапии ожирения выделяют два основных аспекта: инициирование потери массы тела за счет изменения пищевого поведения и повышения физической активности и поддержание достигнутого эффекта [6]. Таким образом, кроме редуцированной диеты в реабилитации детей и подростков с ожирением, необходим комплексный медико-психологический подход с воздействием на различные патогенетические механизмы заболевания, психику пациента, с формированием мотивации к лечению.

Материалы и методы исследования

Научно-исследовательская работа проводилась на базе детского отделения Томского НИИ курортологии и физиотерапии. В исследовании приняли участие 30 детей и подростков с нарушением функций эндокринной системы, с диагнозом ожирение первой степени в возрасте от 9 до 14 лет. Критериями включения в экспериментальную группу (ЭГ) служили: возраст детей от 9 до 14 лет, индекс массы тела более 95 перцентили, согласие на лечение родителей (письменное) и согласие ребенка. Критериями исключения из группы считали: вторичное ожирение, отказ ребенка или родителей от обследования и лечения, индекс массы тела менее 85 перцентили, а также наличие острых или обостренных хронических заболеваний. В процессе работы нами использовались как клинические, так и психологические методы исследования.

Оценка индекса массы тела проводилась согласно номограммам индекса массы тела (соотношение линейного роста к массе тела) для мальчиков и девочек. Масса тела в пределах 85–95 перцентили оценивалась как избыточная, свыше 95 перцентили – как ожирение первой степени. Также регистрировались следующие физиологические показатели: уровень гликемии, липидный спектр крови и артериальное давление. Все пациенты получали лечение, включающее режим, диету № 8, разгрузочные дни 2 раза в неделю, физические упражнения, физиопроцедуры и массаж.

В контексте нашей работы мы посчитали необходимым исследовать эмоционально-личностную сферу

пациентов, т.к. при данной соматической патологии страдает именно она. Нами был использован проективный метод цветowych выборов Люшера. Данная методика позволяет получить количественную оценку ряда параметров личности, уровня стресса и психоэмоционального напряжения в виде интерпретационных коэффициентов. Также мы использовали методику Спилбергера–Ханина для определения уровня личностной и ситуативной тревожности.

В течение 24 дней, пока дети и подростки находились на стационарном лечении, с ними проводились индивидуальные и групповые психокоррекционные занятия, направленные на снижение уровня стресса, психоэмоционального напряжения, ситуативной тревожности, а также на формирование мотивации изменения пищевого поведения, после чего все исследуемые показатели повторно регистрировались. Для сравнения нами была выделена контрольная группа (КГ) в количестве 10 человек, в которую входили дети и подростки с вышеуказанным заболеванием аналогичной возрастной категории, получающие симптоматическое медикаментозное и физиотерапевтическое лечение, но без элементов психотерапии и психокоррекции.

Все результаты, полученные в процессе исследования, обрабатывались стандартными методами математического анализа из пакета статистических программ Statistics.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ коэффициентов проективной методики Люшера показал, что в начале исследования дети и подростки экспериментальной и контрольной групп практически не имеют различий по регистрируемым параметрам и характеризуются высокими показателями уровня стресса, высокой психоэмоциональной напряженностью и достаточно низкой работоспособностью. Средние значения этих коэффициентов представлены в табл. 1.

Также респонденты обеих групп имели высокие значения личностной и ситуативной тревожности, определяемые по методике Спилбергера–Ханина (табл. 2).

Как видно из таблицы, дети КГ имели более низкие показатели ситуативной тревожности, но, тем не менее, достоверных различий между исследуемыми группами выявлено не было.

Наблюдение за поведением детей в отделении показало, что дети и подростки с исследуемым диагнозом склонны к плаксивости, вспыльчивости, резкой перемене настроения в худшую сторону, а также неадекватным реакциям на действия окружающих (проявление агрессивных форм поведения).

Как уже упоминалось выше, на протяжении всего периода госпитализации с пациентами ЭГ проводились групповые и индивидуальные коррекционные занятия с элементами поведенческой терапии и игротерапии, после чего была проведена повторная диагностика.

Результаты повторного исследования показали, что в ЭГ по сравнению с КГ достоверно снизились уровень стресса, ситуативная тревожность, а также повысилась работоспособность респондентов. Вместе с тем психоэмоциональная напряженность осталась практически неизменной (табл. 3). Мы склонны объяснить это двумя факторами. Во-первых, большинство детей исследуемых групп приезжие и, соответственно, сказывается длительное отсутствие родителей. Во-вторых, за время нахождения на курортно-санаторном лечении у детей и подростков формируются определенные личные взаимоотношения, личные симпатии, находятся новые друзья, которые их понимают, т.к. всех объединяет общая проблема – избыточный вес; но сезон заканчивается, приходится расставаться, что негативным образом и может сказываться на психоэмоциональном состоянии детей.

Повторное медицинское обследование после проведенного комплексного лечения показало, что у 60% детей и подростков экспериментальной группы от-

Таблица 1
Средние значения интерпретационных коэффициентов метода цветowych выборов М. Люшера у детей и подростков, страдающих ожирением

Показатель	КГ		ЭГ	
	Среднее	Ошибка среднего	Среднее	Ошибка среднего
Гетеромность	2,3	2,6	2,6	2,6
Концентричность	1,8	2,7	1,2	2,7
Вегетативный баланс	5,2	2,6	5,0	2,4
Работоспособность	9,8	2,2	9,4	0,6
Уровень стресса	20,1	2,7	19,9	2,9
Устойчивость к стрессу	3,8	2,6	3,9	2,5
Эмоциональная напряженность	17,6	2,4	17,3	2,5

Таблица 2

Средние значения личностной и ситуативной тревожности по методике Спилбергера–Ханина

Показатель	КГ		ЭГ	
	Среднее	Ошибка среднего	Среднее	Ошибка среднего
Личностная тревожность	49,3	8,6	48,9	8,4
Ситуативная тревожность	39,4	6,0	46,3	8,3

Таблица 3

Динамика исследуемых показателей у детей и подростков, страдающих ожирением

Показатель	КГ		ЭГ	
	В начале исследования	В конце исследования	В начале исследования	В конце исследования
Работоспособность	9,8	9,4	9,4	12,9
Уровень стресса	20,1	20,0	19,9	14,2
Эмоциональная напряженность	17,6	17,9	17,3	17,1
Ситуативная тревожность	39,4	40,6	46,3	40,2

мечалось снижение массы тела в среднем на 2,4 кг, у 13,3% – на 1,2 кг, у 16,6% масса тела не изменилась, а у 10% увеличилась на 0,40 кг (в контрольной группе только у 15% детей масса тела снизилась на 1,1 кг, у 85% детей осталась неизменной). Важно отметить, что снижение массы тела у этой категории пациентов сопровождалось нормализацией углеводного и липидного обмена, а также снижением повышенного артериального давления до нормативных значений, характерных для данного возраста.

Проведенное нами исследование показало, что психологическая коррекция психоэмоциональной сферы является важнейшим элементом медико-психологической реабилитации детей и подростков, страдающих

нарушениями эндокринной системы. Опыт собственных исследований и практической работы показывает, что правильно подобранные методы психологической помощи с учетом индивидуально-психологических особенностей пациентов оказывают положительное влияние не только на динамику заболевания, но и их психоэмоциональное состояние. Мы считаем, что психологическую помощь детям и подросткам с данным диагнозом нужно рассматривать как сложную систему реабилитационных мероприятий, в основе которых лежат смягчение эмоционального дискомфорта, повышение активности и самостоятельности детей, а также формирование у них эмоциональной устойчивости, саморегуляции и мотивации к лечению.

Литература

1. Бунина Е.М., Вознесенская Т.Г., Коростылева И.С. Лечение первичного ожирения ДДГ в сочетании с психотерапией // Невропатология и психиатрия. 2001. № 12. С. 37–42.
2. Вознесенская Т.Г., Вахмистров А.В. Клинико-психологический анализ нарушений пищевого поведения при ожирении // Невропатология и психиатрия. 2001. № 12. С. 19–24.
3. Вознесенская Т.Г., Дорожевец А.Н. Роль особенностей личности в патогенезе церебрального ожирения // Советская медицина. 1987. № 3. С. 28–34.
4. Вознесенская Т.Г., Рыльцова Г.А. Психологические и биологические аспекты нарушений пищевого поведения // Психиатрия и медицинская психология. 1994. № 1. С. 29–37.
5. Ожирение. Этиология, патогенез, клинические аспекты // Руководство для врачей / Под ред. И.И. Дедова, Г.А. Мельниченко. М., 2004. 201 с.
6. Малявская С.И., Дворяшина И.В., Терновская В.А. Метаболический инсулинрезистентный синдром: диагностика, клиническое значение, педиатрические аспекты. Архангельск, 2004. 97 с.

MEDICAIPSYCHOLOGIST REHABILITATION OF CHILDREN AND TEENAGERS WHO SUFFER FAT OF FIRST DEGREE

T.E. Levitskaja, N.P. Stepanenko, M.D. Bogdanovich (Tomsk)

Summary. The possibilities of medical-psychological accompanying and psychological correction of the emotional-personal sphere of children and adolescents with obesity under hospital treatment have been presented in the article.

Key words: level of stress, psychiceffective strain, medicalpsychologist rehabilitation, alarming situational, adiposity of first degree.

ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В РАМКАХ ЭКСТРЕННОЙ ТЕЛЕФОННОЙ ПОМОЩИ

Е.Н. Скавинская (Томск)

Аннотация. Рассматриваются понятие кризиса, особенности дистантного консультирования по телефону доверия абонентов, находящихся в кризисных состояниях.

Ключевые слова: кризис, консультирование, телефон доверия, депривационный, ситуационный, интеграционный кризисы, эффективность помощи.

История телефонов доверия начиналась со служб, которые создавались в основном для предотвращения самоубийств. С начала XX в. предпринимались попытки предоставления психологической помощи по телефону (пастор Уоррен, Нью-Йорк, 1906 г.; психиатры Хофф и Рингель, 1948 г.). Основателем службы, которая явилась прообразом современных телефонов помощи, считается англиканский священник Чад Вара.

Российская история создания служб телефонной психологической поддержки также связана с развитием психиатрической системы превенции суицидов. В существующей концепции телефонной помощи органично соединяются христианская идеология помощи нуждающимся и принципы «кризисной интервенции».

Потенциальными клиентами служб телефонного консультирования могут стать люди, обеспокоенные ситуацией, складывающейся в их личной жизни, или происходящими в обществе событиями. Фокусной же группой являются абоненты, переживающие психологический кризис.

Феноменология проблем, заявляющихся как кризисные, весьма разнообразна. Среди доминирующих проблем (из опыта работы телефона психологической поддержки г. Томска) – проблема суицида (11% от общего количества обращений: мысли о самоубийстве, текущий суицид, суицид близких); социальные проблемы – 8% (безденежье, отсутствие работы, жилья, миграция); проблемы детско-родительских отношений – 7% (развод родителей, конфликты, появление отчима или мачехи, смерть одного из родителей); насилие – 6% (избиения, сексуальное насилие, издевательства, домогательства, унижения).

Большая часть отмеченных проблем вызывает у людей кризисные состояния. Телефонное консультирование в большей степени, чем очное, сталкивается с широким спектром психологических и социальных проблем, характеризующих современное общество. Таким образом, одной из первостепенных задач консультанта экстренной психологической помощи является профилактика самоубийств и кризисных состояний.

Кризисная психология и кризисное консультирование – относительно новые области науки и практики, поэтому такие понятия, как «кризис» и «кризисное состояние», пока не имеют четких дефиниций. Например, известно, что клиническое и психологическое понятия кризиса различаются. В клинической те-

ории эти понятия связываются с травматическими или катастрофическими событиями, а психология развития представляет кризис как состояние, характер критических периодов в человеческой жизни. Психологи, по мнению Б.Д. Карвасарского, понимают кризис как острое эмоциональное состояние, возникающее при блокировании целенаправленной жизнедеятельности человека, как дискретный момент развития личности [9].

Понимание кризисной помощи значительно расширяется, когда за определение кризиса принимается состояние экстремального напряжения сил для преодоления принципиально новых препятствий. В жизни человека кризисы возникают как результат внезапного изменения хода событий из-за какой-либо потери. Любой абонент может воспринимать свою ситуацию как кризисную. Разрешение любого кризиса, считают представители кризисного центра в г. Санта-Клара в США, можно достигнуть только с помощью решимости совершить какое-либо действие. Первый шаг в преодолении собственной проблемы у абонентов кризисной линии – обращение за помощью [6, 7].

Считается, что человек может самостоятельно преодолеть собственное кризисное состояние. По мнению исследователей, на первом этапе кризиса нарастает напряжение, усиливается тревога, затем активизируются стратегии решения проблем. Для разрешения кризиса и облегчения состояния используются все психологические и физические ресурсы клиента. В этот момент переживания кризиса человек восприимчив к любой минимальной помощи, он способен к действию – обращается за консультацией, извлекает значительную пользу из простой поддержки, в результате небольшого стимула сам перераспределяет или находит недостающие ресурсы для разрешения проблемы. Такое протекание кризиса считается нормальной реакцией на аномальные события.

Психологи кризисных центров США делят этот период кризиса на следующие стадии.

1. Стадия ускорения событий (первичное напряжение, спровоцированное проблемой): человек использует известные ему модели поведения, обращается за поддержкой к тем, кому доверяет.

2. Стадия дезорганизации (кризис развивается): растет чувство дискомфорта и тревоги, человек обращается к ресурсам второго уровня – к людям, которых он наделяет возможностью помочь (знакомые,

священники). Если и они не помогают, возрастает чувство беспомощности, личной несостоятельности.

3. Стадия поворотной точки (человек способен обратиться к ресурсам третьего уровня – к неизвестным ранее людям, специалистам).

Обращение, поступившее на данной стадии, дает возможность оказать разнообразную помощь. Потребность в психологическом консультировании у абонента велика. По «трехстадийной модели кризисной эрозии» Грифона Плейса, человек готов к восприятию новых идей, хотя гибкость уже уменьшена и напряжение превышает релаксацию.

Как показывает наш опыт телефонного консультирования кризисных абонентов, эффективность помощи высока именно на стадии «поворотной точки». У 80% звонящих снижается напряжение, негативные чувства имеют тенденцию к переходу в позитив, выдвигаются и оцениваются альтернативы, рассматриваются наличные ресурсы, и только тогда возможны следующие стадии выхода из кризиса.

4. Реорганизация (возникает истинное доверие к собеседнику, приходит успокоение, появляется возможность контролировать свои переживания, сосредоточиться на проблеме).

5. Восстановление (восстанавливается обычный уровень функционирования, приходит ощущение жизненной стабильности).

Мнения психологов-консультантов сходятся в том, что восстановления в результате кризиса маловероятно достичь с помощью одного телефонного консультирования, но данная стадия становится важным ориентиром в работе практика.

Телефонное психологическое консультирование абонента, находящегося в кризисном состоянии, предполагает экстренность помощи. Эта помощь нужна ему в тот момент, когда он решился на звонок. Помощь должна быть своевременной и квалифицированной, именно поэтому особое внимание в методологии работы телефонов доверия уделяется основным принципам «кризисной интервенции», внесенными в науку В. Хаусменом и Д. Риочем (1967 г.) [11].

Кризисная интервенция включает в себя:

- безотлагательность помощи;
- близость ситуации;
- взаимответственность;
- социальную поддержку;
- положительное подкрепление.

1. *Безотлагательность.* Специфика служб телефонной помощи полностью отвечает запросу кризисного абонента. Эффективность психологической работы с человеком, находящимся в кризисном состоянии, заключается в экстренности вмешательства. В период кризиса человек открыт к переменам, и чем быстрее осуществится помощь, тем минимальнее возможная деградация личности.

2. *Близость ситуации.* Проблема решается эффективнее в той среде, в которой она появилась. Нужный выход может быть найден благодаря использованию положительных социальных аспектов окружения человека. В кризисном периоде жизни человек приостанавливает свою социальную роль, но она может быть быстро восстановлена, если он не будет отстранен от своей родной среды. Ценность телефонного консультирования и состоит в том, что абонент буквально и в переносном смысле остается в своем окружении, которое дает ему силы для преодоления кризиса.

3. *Взаимответственность.* Принцип разделения ответственности за принятие решения между консультантом и обращающимся за помощью всегда остается одним из базовых принципов консультирования. Клиент, переживающий кризис, должен быть способным принимать ответственность на себя в работе с психологом при решении его проблемы. Адекватность и эффективность работы в кризисе зависит от правильного распределения ответственности за результат.

4. *Социальная поддержка.* В проблемной ситуации человек теряет точку опоры. Одна из задач кризисного консультирования – помочь найти среди окружения связи, позволяющие создать благоприятный климат для восстановления статуса, взаимоотношений с другими людьми. Принцип телефонного консультирования заключается в подчеркивании для личности его важности и ценности в обществе. Телефон психологической помощи считается не только средством консультирования, но и формой социальной работы. Сюда обращаются за поддержкой те, кому некуда больше обратиться: инвалиды, дети, одинокие. Для них телефонное консультирование – единственный способ помощи в кризисе.

5. *Положительное подкрепление.* Человек в кризисе погружен в свое горе, его самооценка снижена. Отношение других к себе он склонен оценивать как негативное. Консультант может разрушить такое представление клиента об окружающих собственным примером общения с ним. Н. Хэнсел, автор концепции кризисного консультирования, призывает относиться к людям, переживающим кризис, как к нормальным, без использования терминов болезни.

К особенностям телефонного консультирования относится невозможность контролировать последующие обращения абонента, малая вероятность попадания на «своего консультанта» [5]. По статистике телефона доверия г. Томска, одноразовые кризисные обращения составляют две трети против повторных. В связи с этим телефонные консультанты ориентированы на позитивную краткосрочную терапию [11]. К принципам кризисной краткосрочной терапии относятся:

1) позитивный подход: опора на ресурсы клиента. Консультант акцентирует свое внимание на тех сторонах жизни человека, которых не коснулся кризис,

позитивная направленность мышления психолога стимулирует поиск ресурсов у клиента. Преимущества дистантного консультирования позволяют клиенту меньше тревожиться, испытывать комплексы. При таком консультировании психолог быстрее принимает клиента, объективнее относится к его ситуации, что способствует расширению зоны ближайшего развития абонента;

2) принцип утилизации: наполнение содержания консультации самим абонентом. Рассматриваются и используются личностные качества абонента, его социальное окружение, знания, убеждения и т.д. Данный принцип хорошо работает при телефонном общении – информация подается через аудиальный канал и абонент сам вправе решать, какой материал о себе преподносить;

3) принцип экономичности: правило И. Ким Берг гласит: «Не чините то, что не сломано». Подчеркивается, что если удастся добиться изменения неэффективного паттерна, то запускается цепочка когнитивных, эмоциональных, поведенческих изменений, это, в свою очередь, преобразовывает субъективную ситуацию клиента;

4) отношения клиент – эксперт: убежденность в мудрости клиента;

5) ориентация на будущее. Проговаривая прошлое, которое является источником ресурсов, консультант видит будущее как область реализации решений, вырабатываемых благодаря ситуации консультирования;

6) принцип сотрудничества. Задачи любого консультативного взаимодействия основываются на сотрудничестве, в телефонном консультировании установление и удержание контакта с абонентом – задача первостепенная.

Телефонное консультирование – адекватная форма вывода людей из кризисных состояний в силу своих преимуществ: сведение до минимума конкурентных влияний на человека (дорога, помещения, внешность консультанта и т.д.), доступность (обратиться может всякий с любой проблемой, в любое время суток), анонимность, конфиденциальность, своевременность, экстренность оказания помощи [7].

По данным нашего исследования, 80% обращений можно считать кризисными. Для телефонного консультирования целесообразно кодировать обращения по типам внешних стимулов (событий), приводящих к кризисным состояниям [9], например:

– депривационный кризис (смерть родственников, близких, друзей; развод; смерть домашнего животного; разлука; потеря здоровья в результате несчастного случая или болезни, инвалидность) (рис. 1);

– ситуационный кризис (кража, болезнь, травма, авария, катастрофа, измена, утрата невинности, провал на экзамене, публичное унижение, изнасилование);

– текущие жизненные изменения, вызвавшие кризис (беременность, новая работа, перемена места жительства, старение, возрастные кризисы) (рис. 2);

– интеграционный кризис (позитивные изменения, вызвавшие стресс: вступление в брак, новые знакомства, экзамен, повышение по службе).

Нами отмечено, что подавляющее количество обращений происходит по типу кризиса «текущие изменения». Основные абоненты по данному типу – молодежь (17–23 лет), представители среднего возраста (41–45 лет) и пенсионеры (51–60 лет).

Внешние стимулы, или события, так или иначе изменяющие жизнь человека, чаще всего происходят в периоды, когда человек заканчивает школу, выбирает специальность, поступает в учебное учреждение, заканчивает вуз. Кризисными являются смена работы, разводы, уход детей из родительской семьи. Не менее стрессогенны выход на пенсию, рождение внуков.

Нами установлено, что депривационный и ситуационный кризисы преобладают у абонентов среднего возраста, а суицид, как следствие многих кризисных состояний, у молодых людей 17–19 лет. Стресс, возникающий в результате кризиса, следует оценивать с точки зрения абонента, а никак не консультанта или общества, – еще один принцип кризисного консультирования. То, что стороннему наблюдателю кажется маленькой неудачей, может тяжело переживаться человеком. По нашим наблюдениям, именно молодежь склонна преувеличивать значимость проблемы и реагировать на трудность чрезмерно и порой неадекватно, что приводит к серьезным эмоциональным срывам. Основными кризисными абонентами телефонов доверия являются молодые люди.

Известно, что в кризисе чувства человека амбивалентны [1–4, 8, 10]. Это вызвано борьбой противоположных стремлений: зависимости и независимости, уверенности в своих силах и стремлении возложить ответственность на других, контролем за своими эмоциями и их потерей. В литературных источниках отмечается, что основной эмоцией в кризисных состояниях является тревога, она появляется первой с высокой степенью интенсивности. Тревога, помогающая мобилизовать силы против угрозы, нормальна. Однако чрезмерная тревога вызывает растерянность, оборонительное поведение, дезорганизует деятельность. При телефонном консультировании тревога проявляется более очевидно. Длительная тревожность порождает чувство беспомощности, и тогда абонент стремится переложить ответственность за себя на психолога.

Печаль обычно отмечается у клиентов как результат переживания утраты. Человек чувствует себя некомпетентным, неспособным справиться с ситуацией потери близкого при разводе или болезни, тогда чувством, сопутствующим кризису, становится стыд. Чувство стыда чаще наблюдается в случаях консультирования жертв, испытавших насилие и жестокое обращение.

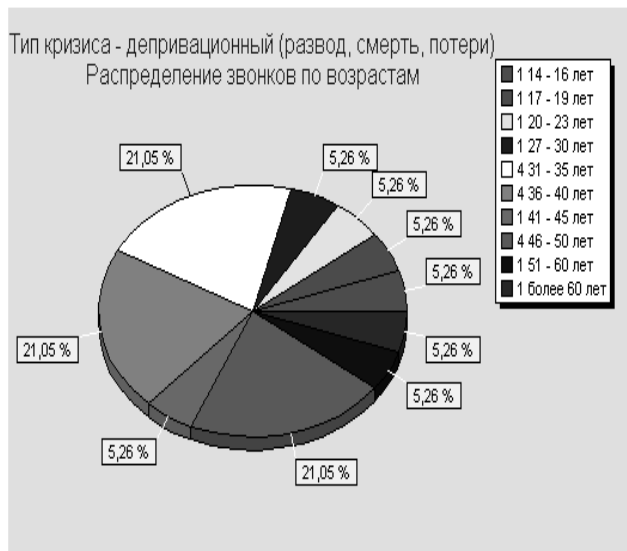

Рис. 1. Распределение звонков по возрастам в типе «депривационный кризис» (первые цифры обозначают количество звонков за год)

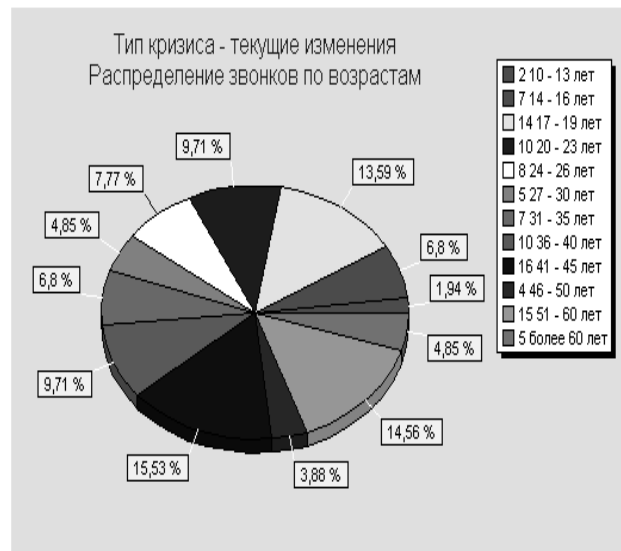

Рис. 2. Распределение звонков по возрастам в типе кризиса «текущие изменения» (первые цифры обозначают количество звонков за год)

Гнев, злость, отчаяние, чувство вины и другие сильные негативные эмоции, порожденные переживаниями в кризисе, чаще проявляются в телефонном консультировании, нежели в очном. Отдаленность от консультанта, отсутствие визуального контакта и спонтанность обращения позволяют человеку «свободнее» реагировать на проблемы и более полно проявить свои чувства.

Важно отметить, что консультанты служб телефонной помощи и сами могут быть подверженными риску оказаться в кризисном состоянии, потому что постоянно имеют дело с сильными негативными эмоциями абонентов. Жизнь человека в кризисном состоянии особенно уязвима, нарушается ее привычное течение. Как он переживает этот период, выйдет ли на новый уровень развития в результате кризиса – многое зависит от консультанта, к которому он обращается за помощью.

Эффективная терапия кризисов сосредоточена на чувствах, испытываемых абонентом в настоящий момент, и на событиях ближайшего прошлого. Телефонная кризисная помощь, может, и отличается от многих других форм оказания психологической помощи тем, что психолог сосредотачивается на чувствах абонента непосредственно во время звонка. Осознание реальных чувств и их связи с текущими событиями помогает человеку принять решение. Цель работы с кризисным абонентом состоит в установлении таких отношений [11].

Важнейшие факторы, определяющие эффективность кризисного консультирования, соответствуют принципам клиент-центрированной терапии К. Роджерса:

- уважение к абоненту;
- искренность и подлинность;
- эмпатия.

В соответствии с этой концепцией общим смыслом стратегии действий консультанта является помощь в понимании смысла происшедшего, в восстановлении контроля над своей жизнью, реконструировании реалистичной самооценки.

Выбор цели психологической помощи в данном случае и результат консультирования зависят от многих факторов: от поступившего запроса, состояния клиента, стадии кризиса, в котором он находится, от уровня проработки проблемы самим человеком, готовности к сотрудничеству и т.д. Существующие модели работы с кризисом имеют общие ключевые моменты. Учитывая специфику телефонного консультирования, можно выделить следующие этапы помощи человеку, находящемуся в кризисном состоянии [4, 5, 7, 9]:

1. *Установление контакта, принятие.* На данном этапе задачей психолога-консультанта является определение чувств клиента, проявление соучастия, опощение абонента чувствовать себя искренним и конгруэнтным. Консультант обязательно должен поддерживать клиента, слушать, «идти за клиентом», не форсировать события, собирать информацию. Работе с чувствами уделяется наибольшее внимание, т.к. это способствует установлению доверительных отношений.

2. *Исследование проблемы.* В задачу психолога входят определение провоцирующего события, выяснение деталей, подробностей ситуации, участников событий (по возможности). Важно определить центральную проблему, отделить ее от прошлого, учесть все аспекты проблемы. Консультант может выяснить, какие способы преодоления кризиса были эффективными ранее.

3. *Альтернативы и решения.* На данном этапе необходимо учесть особенности личности клиента, его состояния, навыков преодоления трудных ситуаций и помочь ему оценить альтернативы, выбрать реальные и соответствующие ситуации, определить план возможных действий и прояснить ответственность человека за свои действия, а также узнать, что произойдет, если проблема будет решена. Нужно проговорить, какова цена решения проблемы, и, наконец, оценить ресурсы для ее решения.

Итак, основная цель телефонного консультанта – поддержать клиента в кризисном состоянии, снять эмоциональное напряжение, создать условия, в которых человек осознает новые возможности преодоления жизненных трудностей и чувствует, что кризис превратился во вполне управляемую ситуацию.

Таким образом, экстренное телефонное психологическое консультирование становится одной из реальных форм помощи человеку, оказавшемуся перед лицом кризисной ситуации.

Литература

1. Абрамова Г.С. Психологическое консультирование. Теория и опыт. М., 2000.
2. Амбрумова А.Г. Психология одиночества и суицид // Актуальные проблемы суицидологии: Труды московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. М., 1981. Т. 92.
3. Василук Ф.Е. Психология переживания (Анализ преодоления критических ситуаций). М.: МГУ, 1984.
4. Елизаров А.Н. Основы индивидуального и семейного психологического консультирования: Учебное пособие. М.: Ось-89, 2003.
5. Кочюнас Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия. М.: Академический проект, 2003.
6. Меновщиков В.Ю. Психологическое консультирование. Работа с кризисными и проблемными ситуациями. М.: Смысл, 2002.
7. Моховиков А.Н. Телефонное консультирование. М.: Смысл, 2001.
8. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2002.
9. Ромек В.Р., Крукович Е.И. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. СПб., 2000.
10. Техники консультирования и психотерапии / Под ред. У.С. Сахакиан. М.: Апрель Пресс, 2000.
11. Хачатурян С.Д. Психологические условия эффективности функционирования «телефонов доверия». Владимир, 2000.

FEATURES OF THE CRISIS CONSULTING IN THE CONTEXT OF THE URGENT TELEPHONE HELP

E.N. Skavinskaya (Tomsk)

Summary. The concept of crisis, the features of the distance consulting of the clients in the crisis states in genre of the telephone of help are viewed in this article.

Key words: crisis, consulting, telephone of help, deprivational, situational, integrational crises, effectiveness of help.

ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕЖИВАЮЩИЙ КРИЗИС «ПОТЕРИ ЗРЕНИЯ»

М.П. Шульмин (Томск)

Аннотация. Представлена интерпретация понятия Бубера о связи «Я и Ты» применительно к проблеме человека, переживающего «кризис потери зрения». Рассматривается модель поведения человека, переживающего данный кризис (спиральная модель фаз Шухард). Через диалог «Я и Ты» он находит смысл существования в пределах физической слепоты.

Ключевые слова: кризис «потери зрения», диалог, время, преодоление, внутренняя картина мира, бытие.

«Мы искалечены множеством влияний; мы инвалиды в той же степени, как слепые и глухие люди. Мы не используем свой потенциал полностью. Наше утраченное чувство важнее, чем зрение и слух или обоняние и вкус; это чувство нашего бытия» [1. С. 155].

Проинтерпретируем понятие М. Бубера о связи «Я – Ты» [2] применительно к проблеме человека, переживающего кризис «потери зрения». В этом случае в качестве «Ты» для человека выступает он сам, но уже в «инаковом» состоянии. Эта «инаковость» заключается в том, что человеку необходимо выстраивать собственное существование, не имея возможности физически видеть окружающий мир. Физически он теряет зрение, а душевно переживает это как «раскол» собственного единения с миром, которое было достигнуто им за время его жизни.

Молодой человек 21 года говорит: «Я каждый раз вспоминаю, кем я был до потери зрения, у меня были друзья, развлечения, планы на будущее, интересная работа. А теперь я не представляю, кто я, что я могу, где мое место в жизни».

Для того, чтобы у человека состоялась встреча с другом, чтобы он снова осознал собственное единение с миром, свое место в картине мира, необходимо, чтобы между «Я и Ты» самого человека состоялся диалог.

Здесь под диалогом я понимаю взаимооткрытое, вопрошающее переживание, обращенное на познание самого себя, собственного существования во временной целостности (прошлое, настоящее и будущее), возрождение с оживленной картиной мира в сознании и активное артикулирование себя в собственном миропредставлении.

Как показывает опыт практических консультаций, чтобы человек был готов вступить в такой диалог, ему необходимо преодолеть влияние ситуации «потери зрения», суметь успешно разрешить ее, а на это необходимо время.

В зарубежной психологии последних лет проблеме психологического преодоления (coping behavior) посвящено значительное количество работ. Понятие «coping» происходит от английского «cope» (преодолевать); в германоязычной психологии в этом же смысле как синонимы используются понятия «Bewältigung» (преодоление) и «Belastungsverarbeitung» (переработка нагрузок). В российской психологии его переводят как адаптивное, совпадающее поведение, или психологическое преодоление.

Обсуждаемый термин успешно существует «на перекрестке» двух выраженных тенденций современной психологии личности, что, по-видимому, и объясняет его широкую распространенность [3]. Понятие «coping» не умаляет возможностей субъекта, который достаточно свободен в выборе и ситуации, в которой оказывается, и собственного поведения.

Исследователи, занимающиеся изучением явления совладания, обращают свое внимание на особенности копинг-поведения лиц, столкнувшихся с травматическим переживанием (потеря зрения, болезнь). В этом случае авторы исходят из того, что имеются различные фазы приспособления к возникшей ситуации, в таком направлении значительные психоаналитические концепции разрабатывались уже в 1917 г. Фрейдом и Вригтом. Авторы исходят из того, что каждый человек должен проходить различные фазы, чтобы обрабатывать переживания. Только если каждая фаза пройдена до конца, проблема может быть обработана на долгий срок [4].

Утверждение, что человек проходит некоторые стадии в процессе преодоления кризиса «потери зрения», является очевидным, но изучение особенностей поведения человека в кризисе не открывает нашему пониманию тех субъективных значений, которыми он наделяет свои внутренние переживания. Даже на простом примере с утолением жажды мы способны все же понять: чтобы напиться, нам необходимо совершить ряд последовательных действий (взять стакан, открыть кран и т.д.). Этот пример выступает в качестве крайнего упрощения, но позволяет прочувствовать все на уровне телесных ощущений. Если хотя бы один шаг на пути удовлетворения жажды окажется малоэффективным, то мы будем обречены оставаться с чувством неудовлетворенной жажды или же снова и снова делать попытки ее удовлетворить, и для каждого из нас это будет иметь собственный смысл.

Человек может иметь четкое представление о том, как следует поступать в той или иной ситуации, но если ситуация имеет для него травмирующее значение и он не готов осознать это значение, то вынужден будет потерять рациональный контроль над собственным поведением и поддаться внутреннему напряжению.

Выходя из своего внутреннего центра и рассматривая самих себя в качестве посторонних, мы теряем доступ к тем источникам, с помощью которых можем управлять своей жизнью. Мы становимся всад-

никами, сидящими задом наперед и жалующимися, что лошадь скачет не в том направлении, но никогда не переворачиваемся сами [1].

Более новой, чем у Фрейда и Вригта, конструктивной концепцией является спиральная модель фаз Шухардт [4]. Автор разрабатывала эту модель в то время, когда изучала автобиографические книги и сообщения инвалидов и их близких.

В авторских работах имеются соответствия с Фрейдом и Вригтом относительно того, что кризисная обработка протекает в определенных фазах. Она описывает 3 стадии (стадия входа, прохождения и цели), которые проходят люди, столкнувшиеся с такой проблемой [4].

Шухардт делит эти стадии на 8 спиральных фаз. Однако в ее модели (в противоположность Фрейду) подчеркивается проницаемость фаз, т.е. человек может переходить через фазу либо возвращаться на предыдущую, а также возможно наложение отдельных фаз друг на друга.

Автор модели заметила отличия понимания психики человека в рамках ортодоксального психоанализа, основателем которого является З. Фрейд. Фрейд сводил понимание психики и личности человека к модели, обладающей некоторой степенью редукции [5], объясняя поступки невротической личности движением сексуальной энергии. Возможно, что это также имело влияние на представления Фрейда о прохождении человеком стадий возникшего кризиса. Шухардт же вышла на понимание человека как сложной реальности, что позволяет учитывать вариативность в преодолении человеком кризиса, которая обусловлена личностными характеристиками и особенностью переживания каждым человеком выделенных ею стадий. Однако в предложенной модели отсутствует такая характеристика, важная для понимания индивидуальности переживания кризиса каждым потерявшим зрение, как время.

Мужчина 25 лет говорит: «Я раньше постоянно отсчитывал, сколько времени прошло с того дня, когда я ослеп. Этот день символизировал для меня начало моих страданий и борьбы за достойную меня жизнь. Со временем я перестал считать дни, месяцы, годы. Я сейчас даже и не вспомню, на вскидку, сколько времени прошло. Я настолько занят делами сегодня, что мне не остается времени постоянно вести календарь жизненным трагедиям. Хм – хм, сказал трагедиям, раньше я действительно относился к наступлению слепоты как к трагедии всей моей жизни, сегодня я переживаю это как возможность для меня стать самим собой».

Для понимания индивидуальности переживания кризиса важно знать время наступления слепоты, для человека оказывается значимым, готов ли он духовно пережить, осознать свои переживания относительно потери зрения и принять их как собственные, го-

тов ли освободиться от тяжести потерянной внешней (объективной) реальности, чтобы начать жить по-новому.

Интересно, но дети, теряющие зрение, переживают его потерю с меньшими последствиями для себя, чем взрослые.

Девушка 23 лет говорит: «Мне всегда становится жалко тех ребят, которые потеряли зрение уже в юности. Я сама ослепла в три года, даже и не помню, чтобы я сильно страдала от этого. А когда в разговоре кто-нибудь из новеньких начинает с надрывом рассказывать о своей жизни, будучи зрячим, и вот он теперь стал слепым, мне становится жалко таких людей».

Рассмотрим восьмифазовую спиральную модель по Шухардт.

1. Незвестность – «Что собственно случилось?»

В этой первой спиральной фазе кризис вызывается аварией, сообщением или событием. Прежняя жизнь вырывается из нормального и упорядоченного течения. Последствием этого является то, что человек находится в паническом страхе перед неизвестным и реагирует на происходящее с отрицанием и вытеснением, спрашивает себя: «Что собственно случилось?».

Даже в процессе тренинговой работы в группе нормально видящих людей была замечена следующая особенность. Выполнялось упражнение, в котором одна половина группы с завязанными темной повязкой глазами должна была перемещаться под руководством остальных участников, на которых не было повязки. У людей, столкнувшихся с ситуацией полной темноты, возникает страх перед неопределенностью, а точнее, перед неспособностью самостоятельно сориентироваться в окружающем мире, происходит фиксация внимания на пугающей темноте и неспособность направить его на другие каналы поступления информации о внешнем мире (слух, обоняние и др.). В ситуации же реального наступления слепоты человек испытывает еще и другую неопределенность: «А как мне теперь с этим жить?».

Между фазой «неизвестность» и фазой «знание» лежит процесс узнавания и открытия правды. Шухардт разделяет этот процесс на три промежуточные фазы:

1.1. Незнание – «Что это должно значить?»

Признаки кризиса недооцениваются и необдуманно отвергаются, сомнение приближается, но оно кажется недействительным, однако признаки кризиса накапливаются и становятся уже необозримыми. Это ведет к переходу от незнания к безнадежности.

Зачастую врачи и родственники умалчивают всю правду относительно состояния зрительного анализатора от самого человека, потерявшего зрение, что действительно приводит к неадекватной оценке сложившейся ситуации. Человек начинает думать, что потеря зрения – это временно, что оно вскоре вернется, что все произошедшее с ним – это лишь случайность, которая обязательно будет исправлена.

Молодой человек 18 лет рассказывает: «Вплоть до второй операции я был, несомненно, уверен, что зрение ко мне вернется, врачи почистят мне мозги, и я буду снова видеть. Представляете, просыпаюсь в реанимации от наркоза, а зрения так и нет, конечно же, испытал разочарование, думаю – вот черт, облом».

1.2. Бездна – «Это должно все же кое-что значить?»

Признаки, что что-то не соответствует, начинают связываться, сомнения не могут больше отрицаться. У человека возникает состояние повышенной чувствительности, все воспринимается до мелочей. Человек задает себе вопрос: «Должно ли это что-то значить?».

Проходит определенное время, но зрение не восстанавливается. Человек постепенно перестает верить в то, что он вообразил, защищаясь от «жесткой» действительности. Он становится восприимчивым ко всему, что касается его слепоты, каждая несущественная ситуация для его прошлой жизни как зрячего человека (в быту или социальной жизни) сейчас же оказывается личной «катастрофой», если она затрагивает переживания своей слепоты.

Мужчина 28 лет: «Я вспыхиваю, как пламя, когда мне какая-нибудь с... говорит: посмотри сюда; я готов ему челюсть свернуть».

Бездна ведет к следующей промежуточной фазе – неприемлемость.

1.3. Неприемлемость – «Все же это должно быть ошибкой»

В этой фазе человек пытается выразить уверенность, с целью удостовериться, что все неправда. Эта промежуточная фаза является последней попыткой убежать от действительности, в конце нее начинается стремление к знанию. У человека, потерявшего зрение, на этой фазе срабатывает рациональная защита: «Этого не может быть, я все равно буду видеть, врачи ошибаются». Человек стремится уверить самого себя, что все произошедшее вскоре будет исправлено.

Мужчина 36 лет: «Макс! Скажи мне, лампочка же сейчас включена? Я ощущаю ее свет. Ни хрена, я еще буду видеть, не все потеряно».

2. Знание – «Да, но...»

Теперь кризис узнается и правда принимается. Однако господствует двойственность между интеллектуальным «да» и эмоциональным «нет». Человек оставляет себе надежду, что все произошедшее является ошибкой. Время от времени необходимо все отрицать, чтобы вообще продолжать дальше жить.

Человек еще не в состоянии эмоционально пережить потерю зрения, это доставляет ему невыносимое страдание, чтобы защитить себя от саморазрушения, он продолжает стремиться убежать от болезненных переживаний.

Женщина 34 лет: «Я стараюсь не задумываться, что мне предстоит доживать свои дни без зрения,

когда думаю об этом, чувствую тяжесть в ногах и невыносимую боль в груди».

3. Агрессия – «Почему именно я...?»

Когда рациональная уверенность проникает в эмоциональное сознание и затрагивает сильные врожденные чувства, а кризис еще не разрешается, то начинается поиск объекта возмещения. Накопленная агрессия прорывается во всех направлениях: против окружающего мира или против себя самого, но это не приносит человеку удовлетворения, не согласуется с тем, что уже пережито. Далее человек чувствует себя одиноким и изолированным. Он спрашивает себя: «Почему именно я...?». За этой фазой следуют усиленная изоляция, апатичное безразличие, а также могут быть активное или пассивное самоуничтожение.

В практике психологического консультирования известны случаи, когда человек, потерявший зрение, трансформирует переживание внутреннего противоречия во внешний конфликт, целью которого является малоосознаваемая попытка самоутвердиться, используя единственно доступный в этот момент источник силы – агрессию. Окружающие люди перестают понимать его поступки, или, по крайней мере, ему начинает так казаться. Постоянно возникает чувство обиды, приводящее человека к «уходу в себя», изоляции, самоуничтожению.

Молодой человек 21 года: «Я потерял зрение по вине брата. Мне в голову прилетела пуля, которая предназначалась ему. Он, козел, накосычил, а я теперь слепой. Порой хочется придушить его собственными руками».

4. Рассмотрение собственного положения – «Если затем надо действовать, однако...»

Силы, освобожденные в агрессии, побуждают человека к действию. Его волнуют все возможные мероприятия, как, например, исследования самых различных врачей, паломничества и т.д. Единственной целью является получить отсрочку и выйти из безвыходной ситуации. Речь идет о последнем «встающем на дыбы» отрицании. Человеком овладевает чувство: «Почему именно я?».

Человек сосредотачивает свои силы на поиске возможного исцеления. Каждый раз новая информация о том, что зрение можно вернуть, порождает у него надежду, а когда надежда рушится, это наносит очередную психическую травму. Человек в состоянии отчаяния внутренне кричит: «Почему именно я?».

Женщина 41 года: «Я у каких бабок только не лечилась, говорят, что порчу сильную, на смерть, плохие люди навели, и никто ее снять не может. И почему именно от меня бог отвернулся?».

5. Депрессия – «Для чего это, все бессмысленно...»

Фаза депрессии наступает в случае, если все совершаемые действия приводят к неудаче. Неудача испытывается человеком как субъективный отказ. За этим следуют чувства депрессии, безнадёжности и отчаяния.

Теперь кризис признается не только рационально, но и эмоционально, его наличие становится явным. Прозрачные надежды исчезают, возникшая печаль подготавливает к принятию собственной участи. Все попытки человека вернуть себе то прежнее состояние, когда он мог видеть окружающую действительность во всех красках, завершились неудачей.

Мужчина 31 года: «Мне постоянно кажется, что между мной видящим и уже незрячим находится лишь темная пленка слепоты, что нужно сделать еще одно усилие, и она порвется, свет снова наполнит мои глаза, я снова буду видеть все, что меня окружает. Но все, что я не делал, ничто не помогло мне вырваться туда, в мир света и красок. Я словно отчаявшаяся муха, которая видит за окном свободу, а вырваться не может».

Женщина 36 лет: «Я уже устала, за последние три года я перенесла 6 операций, зрение возвращалось ко мне и через несколько месяцев я снова слепа, я больше не могу выносить это».

6. Принятие – «Только теперь я признаю...»

Теперь борьба против восприятия кризиса смягчается пустотой чувств. Человек находится в конце тяжелого столкновения и теперь свободен от отрицания, агрессии, рассмотрения собственного положения и депрессии. Он концентрируется снова на себе, собственном мышлении и чувствах, начинает понимать, кем он является, что он хочет и может делать. Он пытается жить со своей индивидуальной особенностью, жить не вопреки кризису, а с ним. Прохождение этой фазы означает, что человек учится принимать неизбежное.

Здесь начинается внутренняя работа человека над самим собой. Потерявший зрение начинает переосмысливать свои отношения с самим собой, окружающими его людьми и миром в целом.

Мужчина 29 лет: «Я знаю, что мне надо научиться жить без зрения, я хочу понять, на что я теперь реально способен, какие возможности открываются передо мной».

7. Активность – «Я делаю это...!»

Теперь силы, которые использовались до сих пор для отрицания, агрессии, рассмотрения собственного положения и депрессии, предназначаются для жизни с индивидуальной особенностью. Эмоции больше не чужие и не бесконтрольные, а управляются человеком. Человек применяет свое Я, социальную и предметную компетенцию, чтобы быть активным. Он признает, что это не решает все проблемы, а лишь очерчивает их.

Учитывая прошлый опыт, человек может изменять свою систему ценностей и норм. Теперь он имеет новую точку зрения на реальность, что вызывает изменение его мышления и действий. Он не изменяет первоначальную ситуацию, а изменяет себя самого, что, однако, может привести к изменению ситуации. Тем не менее, собственная цель не лежит в изменении ситуации. Эти изменения открывают возможности иного бытия, а также альтернативного действия.

У человека происходит изменение «Я-концепции», он мысленно очерчивает свое место в реальной жизни, готов ответить на вопрос: «Кто я?». Это является необходимой основой для последующей реализации жизненных целей.

Женщина 27 лет: «Я прошла элементарную реабилитацию для слепых на Алтае. Познакомилась с людьми, на которых можно только равняться. Узнала, что слепые живут, растят детей и чувствуют комфорт в жизни. Я решила, чем же я хуже, надо снова начинать активно жить».

8. Солидарность – «Мы действуем!»

Появляется желание и необходимость действовать самому, нести ответственность за собственные поступки. Индивидуальная особенность больше не акцентируется в сознании. Общественная жизнь занимает главное место в сознании человека и побуждает его к действию. Только редко этой последней спиральной фазы достигают как инвалиды, так и не инвалиды.

Мужчина 24 лет: «Я не помню, но в какой-то момент времени я перестал воспринимать себя слепым инвалидом. Моя жизнь настолько наполнена различными делами и работой, и семьей, и отдыхом с близкими мне людьми. Этот ритм, который я выбрал, придает мне переживание вкуса жизни, и я счастлив».

Человек, прошедший данную стадию кризиса, вполне может считаться зрелой личностью, готовой и способной принимать на себя ответственность за собственное существование, выступать в общении с другими людьми в качестве партнера, занимать активную жизненную позицию во многих сферах жизнедеятельности.

Возможность вступления человеком в диалог между «Я и Ты» потенциально прослеживается на всех фазах переживания кризиса, но готовность к подлинному познанию, взаимопониманию «Я и Ты» может встретиться лишь на последних стадиях, когда человек не зависит от ситуации, осознает собственный внутренний центр и принимает на себя ответственность за собственное существование.

Литература

1. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии / Пер. с англ. А.Б. Фенько. М.: Класс, 1998. 336 с.
2. Гуревич П.С. Экзистенциализм М. Бубера // Альманах «Квинтэссенция» / Под ред. В.И. Мудрагея. М., 1992.

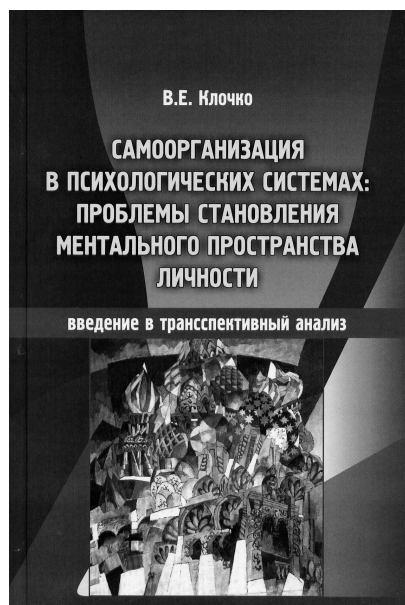
3. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–29.
4. Liane Gierer. Sehbehinderung und drohende Erblindung – eine padagogische Situation zwischen Widerstand und Prevention. Fakultat: Institut fur Sonderpadagogik. Padagogische Hochschule Heidelberg, 2002.
5. Юнг К.Г. Работы по психиатрии, 2000.

A PERSON WHO IS EXPERIENCING THE CRISIS OF «LOSS OF SIGHT»

M.P. Shulmin (Tomsk)

Summary. A person who is experiencing the crisis of «loss of sight»; to understand the the essence of his(its) experiences, means to open opportunities of real existence within the limits of visual restrictions. The person enters the dialogue (inquiring experience) between «I and you» and finds epy answers (senses) in life experience within the limits of own blindness. Readiness of the person to enter dialogue is achieved through spiritual sufferings, clearing of holding down epy influence of becoming blind.

Key words: crisis of «loss of sight», dialogue, time, overcoming, an internal picture of the world, life.

Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.

ISBN 5-94621-162-5

Рассматриваются фундаментальные проблемы психологии, которые открываются в результате анализа «парадигмального сдвига», происходящего в науке, вступающей в стадию постнеклассицизма. Поэтому монографию можно оценить как методологическое введение в постнеклассическую психологию, «вхождение» в которую, по мнению автора, подразумевает смену уровня системности профессионально-психологического мышления. Выделяются признаки нового мышления, которое автор и определил понятием «транспективный анализ». В призме транспективного анализа психика человека выступает в необычном ракурсе, а именно как то, что обеспечивает устойчивость человека, понимаемого в качестве открытой системы. Выход за пределы привычного понимания психики как «отражения реальности» требует настолько серьезной перестройки всего образа мира психолога-профессионала, что автор не считает возможным рекомендовать книгу, как это принято, «широкому кругу» коллег. Скорее этой книгой автор возвращает часть своего долга, который накопился у него перед собственными учениками, а также последователями теории психологических систем (ТПС) за 20 лет ее разработки.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ КОНСТРУКТОВ ПРИ АДДИКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

Д.Н. Долганов (Белово)

Аннотация. Обсуждаются некоторые аспекты, связанные с вариантами деформаций системы личных конструктов (СЛК), патологического изменения сознания и смысловой патологии при аддиктивном поведении, а также при различных аномалиях личности. Рассматривается вопрос актуальности исследования семантических особенностей аддиктивного поведения.

Ключевые слова: система личных конструктов, личный конструкт, деформация системы личных конструктов, смысловой конструкт, субъективная семантика, аддиктивное поведение, измененные состояния сознания, знак, значение, когнитивная сложность, поляризованная оценочная позиция.

Аддиктивное поведение часто рассматривается как форма девиантного поведения, которое в свою очередь понимается как поведение, отклоняющееся от условно принятых в обществе норм. Что же дает основание относить различные аддиктивные паттерны к числу девиаций? Любая форма аддиктивного поведения (химическая или нехимическая) характеризуется тем, что человек использует различные способы устранения психологического дискомфорта; эти способы по своему содержанию являются нетипичными и не одобряемыми в традиционном обществе. Иными словами, та деятельность, которую реализует аддикт, не подчинена моральным, культурным, этическим и другим нормам. Любая аддиктивная реализация – это наикратчайший путь к желаемому результату, устранению возникшего психического напряжения вопреки устоявшимся традициям.

В целом проблема определения девиантного поведения достаточно сложна. Это связано с тем, что отклонение от общепринятых норм может быть с различным знаком (плюс или минус). Гений в силу того, что реализует свои действия вопреки устоявшимся правилам, является типичным девиантом, но социальная значимость результатов его деятельности не дает нам основания относить его к лицам девиантного поведения. Таким образом, девиантное поведение человека можно обозначить как систему поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде уклонения от нравственного и эстетического контроля за собственным поведением [13].

На основании этого определения, мы можем рассматривать различные аддиктивные паттерны как формы отклоняющегося поведения, т.е., поведения, в ходе реализации которого происходит фиксация только на том удовольствии, которое получит человек как основной итог деятельности. При этом не важно, каким именно способом приходится достигать желаемого, что отражает снижение нравственного и морального контроля за собственным поведением; снижаются также адаптивность субъекта и приверженность к прежним ценностям.

Согласно уже устоявшемуся определению, аддиктивное поведение характеризуется стремлением к уходу от реальности посредством изменения сознания. Происходит формирование новой аддиктивной личности, которая имеет собственные мотивацию, интересы, направленность, ценностные ориентации, отличные от прежних. Однако в ходе аддиктивных реализаций фиксируются изменения не только на уровне личности, но и на уровне сознания, поскольку личностные особенности в определенной мере влияют на формирование сознания субъекта, предопределяя субъективное мировосприятие.

Таким образом, в ходе аддиктивных реализаций вслед за деформацией личности происходит перестройка сознания и восприятия окружающей действительности. Другими словами, аддиктивная личность формирует принципиально новый когнитивный образ мира, который, представляя собой определенную информацию о внешнем мире, отражает явления сознания. Но можно ли сказать, что измененные состояния сознания являются собой вариант деформации категориальной структуры сознания?

Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева [8, 9] упоминают о том, что человек в своей жизни может использовать разнообразные формы избавления от психологического дискомфорта, которые связаны и с изменением сознания, но, в отличие от аддиктивных способов, они не акцентируются и не выделяются из общего массива активностей.

Сходное понимание измененных состояний сознания находим у С.В. Дремова, И.Р. Семина. Они отмечают, что ИСС (измененные состояния сознания) можно рассматривать не только как негативный процесс. Благодаря изменениям сознания, осуществляются его основные функции: ориентировка и приспособление [5]. Таким образом, приспособление человека к изменяющимся условиям окружающей действительности сопровождается изменением сознания. При аддиктивном поведении изменение сознания происходит путем очень быстрой и не требующей духовных усилий модификации психоэмоционального состояния, способом моментального и краткосрочного разрушения персональной организации сознания и самосознания. Опасность такой «техноло-

гии» трансформации переживаний состоит в том, что более трудные, гуманизированные способы изменения сознания, образа «Я» становятся ненужными [5].

Для конструктивного изменения сознания характерно наличие ряда опосредующих элементов, а для аддиктивно-измененного сознания можно предположить отсутствие таких опосредований. Продолжая развивать эту мысль, можно предположить, что для аддиктов характерна более простая когнитивная организация, нежели для неаддиктов, сознание которых содержит ряд дополнительных элементов, играющих важную роль в опосредованном взаимодействии со средой.

Исходя из определения аддикции как стремления к изменению сознания, можно предположить, что в ходе аддиктивной реализации, связанной с изменением сознания, происходит изменение значений субъективного опыта. Но прежде чем ответить на вопросы о том, каким образом может идти трансформация систем конструкторов и насколько актуальна данная проблема для исследования, необходимо сказать о том, насколько обозначенные особенности изучены вообще.

Первым из понятий деформации СЛК (система личных конструкторов) необходимо охарактеризовать психопатологию системы конструкторов в теории Дж. Келли [7]. Психопатология, согласно Келли, – это хаотическая реакция человека в ответ на тревогу, неупорядоченное функционирование СЛК. Приведем случаи атипичного функционирования СЛК. Келли говорит, что только плохой ученый при очевидном провале своей теории до последнего пытается удерживать ее. Так и обычный человек в определенных ситуациях применяет 3 способа патологического удерживания системы конструкторов.

1. Попытки приложить конструкторы к новым событиям:

а) *проницаемость конструкторов* наблюдается, когда уже имеющаяся система конструкторов впитывает в себя практически любое новое содержание, т.е. чрезмерная гибкость, хаотичность и несистематичность системы ЛК;

б) *непроницаемость конструкторов* – отвержение любых нововведений, что приводит к снижению гибкости, адаптивности и развитию ригидности СЛК.

2. Патологическое использование конструкторов для прогнозирования:

а) *чрезмерная фиксированность конструкторов* наблюдается, когда человек дает однотипные прогнозы, несмотря на изменяющиеся обстоятельства;

б) *чрезмерная податливость* описывает ситуации, когда человек делает довольно сильно отличающиеся прогнозы с использованием одного и того же конструктора.

3. Патологические действия при безуспешных попытках сохранить организацию системы конструкторов:

а) *сжатие* подразумевает сужение системы ЛК, основная цель – свести к минимуму их несовместимость; зона и фокус применимости системы ЛК становятся весьма малыми;

б) *растягивание* – это попытка человека раздвинуть рамки системы ЛК и преобразовать ее таким образом, чтобы она стала более объемной.

Собственно, понятия, изложенные выше, и исчерпывают представление о психопатологии в трудах Дж. Келли.

Последователи теории личных конструкторов, в частности Д. Баннистер, проводили исследование особенностей СЛК при шизофрении и установили, что СЛК больных шизофренией достаточно широка, включает множество разнообразных конструкторов, но при всем этом не отражает наличия внутренних связей, т.е. система конструкторов непоследовательна и хаотична [16].

Из отечественных исследований СЛК при аномальных состояниях личности, можно выделить работу Л.В. Власенко [2]. В данном исследовании установлена взаимосвязь некоторых особенностей СЛК и эффективности психотерапевтического воздействия. Автор определил, что, во-первых, чем проще когнитивная система химически зависимого (опийная наркомания), чем более она (СЛК) одномерна (допускается наличие не более двух факторов в системе), тем более благоприятен прогноз эффективности психотерапии таких лиц; во-вторых, высокая когнитивная дифференцированность, многофакторность системы являются, наоборот, неблагоприятным признаком для прогноза эффективности психотерапии.

Однако все вышесказанное не определяет специфику функционирования СЛК при аддикциях. Возникают вопросы относительно того, насколько сохранна система личных конструкторов, какие элементы преобладают в когнитивной структуре индивида, существуют ли отличия в системах конструкторов химически зависимых и «независимых» субъектов.

Д.А. Леонтьев дает описание патологии смысловой регуляции при алкоголизме: «Главным содержанием мотивационной перестройки становится превращение алкоголя в ведущий смыслообразующий мотив поведения, в то время как другие мотивы постепенно утрачивают свою побудительную и смыслообразующую силу» [11. С. 318]. Однако, как видим, патология рассматривается в форме перестройки мотивационного и смыслообразующего аспектов личности, что не совсем совпадает с нашими взглядами. Понятие «смысловой конструктор» рассматривается в работе Д.А. Леонтьева как структурный компонент смысловой сферы. Одной из форм проявления смыслового конструктора является смысловая установка. Апеллируя к данным исследования К.Г. Сурнова, Д.А. Леонтьев описывает систему смысловых установок больных алкоголизмом [10]:

- 1) установка к воображаемому удовлетворению потребности;
- 2) установка к пассивным способам защиты от трудностей;
- 3) установка к быстрому удовлетворению потребности при нежелании затрачивать необходимые усилия;
- 4) установка к непринятию на себя ответственности за совершаемые поступки;
- 5) установка к предпочтению эгоцентрических мотиваций;
- 6) установка к малой опосредованности деятельности;
- 7) установка довольствоваться временным и не вполне адекватным потребности результатом деятельности.

Описанием системы установок и исчерпывается описание патологии смысловой регуляции при алкоголизме.

В работах Е.Ю. Артемьевой находим понятие «субъективная семантика» и соответственно варианты патологических изменений. Данные, приведенные Е.Ю. Артемьевой, получены в процессе исследования лиц с клиническими нарушениями: депрессия, психические заболевания (шизофрения), локальные поражения мозга. Основные выводы заключаются в следующем [1].

1. Наряду с негативацией тона семантического отношения к объектам мира имеет место эффект семантико-перцептивной защиты, который заключается в дереализации представленных объектов; наблюдается также изменение семантических оценок – их эгоцентризация, что является следствием обеднения мотивации.

2. Семантическое проявление дефекта при психических заболеваниях – это снижение глубины семантизации. Смысловая патология связана не только с нарушением смыслообразования, но и с нарушениями в слое субъективного опыта «перцептивный мир».

3. В процессе исследования семантических особенностей при локальных нарушениях мозга определена и в достаточной степени аргументирована первичность семантического кода как квалификатора объектов.

В ходе анализа нами было выявлено следующее.

1. Типы деформаций, описываемые в рамках теории личных конструктов, включают в себя изменение функциональных особенностей системы конструктов (степень гибкости, фиксированности, степени и зоны применения), а также особенности системы личных конструктов у больных шизофренией, проявляющиеся в виде наличия противоречивой, непоследовательной системы личных конструктов. Помимо этого, определена связь между когнитивной сложностью субъекта и эффективностью психотерапевтического воздействия у больных опийной наркоманией.

2. Смысловой конструкт есть структурный компонент смыслообразующей сферы, который может проявляться в виде смысловой установки. Для пато-

логии смысловой регуляции при алкоголизме характерен ряд специфических установок.

3. Нарушения в сфере субъективной семантики сводятся к ряду характеристик (негативация тона отношения, эгоцентризация оценок, снижение глубины семантизации, появление эффекта семантико-перцептивной защиты).

Как видим, в области исследования деформаций СЛК и субъективной семантики накоплен достаточный эмпирический и методический опыт, хотя и он не вполне описывает вариативность деформации систем личных конструктов при аддикциях. Данное положение вещей открывает определенные перспективы для исследования семантических особенностей при аддиктивном поведении.

В своем исследовании мы исходим из следующего допущения: система личных конструктов при аддиктивном поведении, возможно, имеет определенные особенности и отличается по структурной организации от систем личных конструктов неаддиктов.

Предполагается, что в ходе аддиктивной реализации происходит трансформация системы значений, отношений к объективной реальности, т.е. формирование новой картины мира, что находит отражение в формировании специфической системы личных конструктов.

Система личных конструктов представляет собой систему значений, т.е. совокупность некоторых признаков, на основании которых происходит восприятие и осмысление объектов окружающей действительности. Поскольку значение есть всегда сторона знаковых систем, посредством которых происходит восприятие мира, бессмысленно говорить о значениях вне контекста знака.

Ф. Де Соссюр говорит о языке как системе знаков [19]. Языковой знак отражает не название вещи, а понятие о ней. Одной из характеристик знака является его произвольность. Означающее с означаемым не имеют жесткой связи, т.к. понятие, отраженное в определенном знаке, не зависит от фактической структуры и последовательности звуков, совокупность которых являет слово. Одно и то же слово может отражать различные понятия. Другой характеристикой знака является линейный характер означающего, протяженность во времени и линейность структуры слова.

В представлениях Л.С. Выготского [3] язык тесно связан с мышлением. Значение выступает в качестве неразложимой единицы речевого мышления, где обобщающая функция значения проявляется в том, что слово относится не к единственному предмету, но к классу предметов. Обобщение как акт мысли отражает действительность иначе, чем она представлена в ощущениях и восприятиях, т.е. значение относится в равной мере как к речи, так и к мышлению. Слово, знак являются внешней стороной речи, потому собственно знак может быть ассоциирован с любым со-

держанием. Таким образом, значение – это то, что оживляет звук, придает ему осмысленность. Другими словами, слово есть внешнее проявление; внутреннее содержание представлено в сознании в форме значения.

Значение языка заключается в том, что он позволяет дифференцироваться от внешнего мира, создает дополнительный план отражения [18]. А.Р. Лурия говорил, что слово позволяет удваивать мир. Каждый субъект формирует специфическую систему значений, следовательно, миры будут получаться разными [12]. М.М. Бахтин дает представление о формировании сознания в знаковом материале, т.е. сознание немислимо вне контекста знака и значения [18].

По сути знаки «наиндивидуальны», индивид не формирует их, а усваивает в ходе своего развития. Только после интериоризации знаковых систем знаки становятся содержанием сознания [18]. Но сам по себе знак, не имеющий значения, малоинформативен. Значения, как отмечает В.Ф. Петренко, общественны по своей природе, но могут существовать лишь в сознании отдельных индивидов [14], значения существуют в языке, который является только его носителем. Общественная природа значения проявляется в том, что поскольку оно фиксирует свойства объекта, «...существенные с точки зрения общественной практики, его можно рассматривать как превращенную форму деятельности» [14. С. 17]. Следовательно, мы можем понимать формирование системы значений как отражение деятельности субъекта. Коль скоро это так, то можно сказать, что деятельность субъекта и ее разнообразие предопределяют сформированность и специфичность системы значений субъекта. Для аддикта будет свойственна специфическая система значений, отражающая характер его деятельности, аддиктивные реализации; а для неаддикта, вовлеченного в большее число разнообразных деятельностей, будет характерна иная система значений. И именно в этом смысле мы полагаем, что происходит трансформация системы значений при аддиктивном поведении. И, таким образом, система значений, представленная в семантическом слое индивидуального сознания, отражает отношение и частично смыслы данного поведения.

Предполагается, что в ходе реализации аддиктивного поведения происходит изменение когнитивной сложности. В широком смысле когнитивная сложность понимается как наличие достаточно большого количества независимых конструкторов, в результате чего существуют большие возможности для интерпретации событий, адаптации и саморазвития [20]. В контексте семантического пространства когнитивная сложность понимается как размерность, представленная в определенном количестве факторов.

Однако, как показал в своих исследованиях Д. Баннистер, большое количество факторов отра-

жает не только когнитивную сложность субъекта, но и диффузность системы конструкторов. В частности, высокая размерность наблюдается при шизофрении, что является следствием разорванности мышления, противоречивости и несогласованности системы конструкторов. В этой связи вместо понятия «когнитивная сложность» было предложено понятие «артикулированность системы конструкторов» – соподчиненность, определенная иерархия, придающая стройность, связанность и одновременно гибкость и устойчивость данной системе [20].

На примере работы Л.В. Власенко мы показали, что не для всех аддиктов характерно когнитивное упрощение, однако когнитивная сложность понимается здесь как наличие определенного количества факторов в семантическом пространстве, что не может в полной мере дать представление о данном феномене.

На наш взгляд, когнитивное упрощение может пониматься как результат исключения из сферы значимости субъекта определенных видов деятельности, в результате чего конструкторы, ранее использующиеся, потеряли свою актуальность и были утрачены. Хотя это, думается, не условие утраты связей и соподчиненности оставшихся конструкторов. Нельзя полностью принимать тот факт, что когнитивное упрощение является специфической чертой, приобретаемой в ходе аддиктивного поведения. В.Ф. Петренко по данному поводу говорит: «Когнитивная сложность не является интегральным показателем развития сознания» [14. С. 103]. Поскольку сознание человека гетерономно, то человек может иметь в одних сферах более высокую когнитивную сложность, а в других более низкую. Включение понятия когнитивной сложности в данное исследование, возможно, даст ответ, в каких содержательных сферах люди, реализующие аддиктивное поведение, имеют более низкую когнитивную сложность, и это, думается, поможет объяснить особенности трансформации системы личных конструкторов.

Предположим, что системы личных конструкторов могут иметь специфические особенности на содержательном уровне. Здесь мы исходим из понимания того, что все конструкторы данного конкретного субъекта можно соотнести с разными содержательными сферами, т.е. для каждого индивида характерно преобладание определенных конструкторов. В ходе анализа систем конструкторов при аддиктивном поведении мы опираемся на классификацию, предложенную С.С. Смагиной [17]:

– конструкторы «личностные черты» дают представление об особенностях восприятия другого человека «...как эмпирическое обобщение (житейского, вне научного) сознания» [17. С. 168];

– «стилевые» конструкторы, используя которые субъект описывает разнообразные аффективные, поведенческие и физические аспекты другого человека;

– социально-ролевые конструкторы, описывающие восприятие других в контексте ролевых и социальных позиций;

– конструкторы отношения дают представление об отношениях, поведенческих склонностях, предпочтениях и пристрастиях;

– аффилиативные конструкторы тождественны конструкторам восприятия общности и групповой принадлежности, в состав которых включены конструкторы любви, отражающие в большей степени чувственный компонент отношений, нежели специфику сексуальных отношений;

– экзистенциальные конструкторы, дающие представление об отношении к наполненности и осмысленности бытия;

– профессиональные конструкторы как конструкторы восприятия в поле профессиональной деятельности и отношений к данной сфере жизнедеятельности субъекта в целом;

– аддитивные конструкторы, дающие представление об отношении к разнообразным проявлениям аддитивного поведения;

– конструкторы «внешности», описывающие особенности внешнего облика в процессе восприятия;

– конструкторы «интересов», отражающие восприятие сферы деятельности, связанной с разнообразными увлечениями и хобби;

– «уникальные» конструкторы, дающие представление об индивидуальной сообразительности и оригинальности восприятия;

– «неудачные» конструкторы, имеющие достаточно большой и неограниченный диапазон пригодности, т.е. имеющие возможность переноситься и быть примененными к разнообразным элементам, что в меньшей степени отражает индивидуальные особенности восприятия.

Таким образом, соотнеся полученные конструкторы с приведенной классификацией, мы сможем проследить содержательные особенности систем личных конструкторов при аддитивном поведении. Полагая, что особенности содержательной стороны систем конструкторов отражают вовлеченность субъекта в разнообразные сферы деятельности. При наличии многообразия сфер деятельности субъект имеет возможность формировать множество значений; следовательно, его дальнейшее восприятие социальных объектов и ситуаций будет более многогранным.

При устоявшемся аддитивном поведении у субъекта меньше возможностей для формирования системы значений и, следовательно, меньшая вариативность восприятия социальных явлений. На наш взгляд, это может выражаться в преобладании какого-либо типа конструкторов. Однако приведенная выше классификация адаптирована к системе конструкторов в сфере межличностного восприятия, что ограничивает возможность ее приложения к иным

подсистемам, в меньшей степени связанным с межличностными отношениями. Этого можно избежать, если адаптировать приведенную классификацию.

Предполагается, что в ходе формирования аддитивного поведения происходит поляризация оценочной позиции субъекта, представление о которой как универсальной причине психологических проблем дано в [6]. Данное представление строится на следующих основных положениях. Во-первых, С.А. Капустин жизнь человека рассматривает как противоречивую по своей природе, что проявляется в существовании одновременно присутствующих и противопоставленных целевых заданностей, реализация одной из которых препятствует реализации другой. Такое положение вещей является нормальной для человека, неотъемлемой характеристикой его существования.

Во-вторых, сама по себе противоречивая целевая заданность не выступает источником проблем, поскольку этот фактор объективен. В качестве универсальной причины возникновения психологических проблем выступает поляризованная оценочная позиция субъекта в отношении целевой направленности собственной жизни. Игнорируя неизбежность противоречивости, человек возводит в ранг значимых одни требования жизни, обесценивая другие, «...он занимает конфронтационную оценочную позицию по отношению к сущностной природе жизни и сознательно противостоит ей» [6. С. 8].

В-третьих, формирование оценочной позиции заключается в том, что она не вырабатывается самим человеком, а является навязанной извне.

В определенной степени обозначенные понятия можно перевести на язык психосемантики. Мы полагаем, что поляризованная оценочная позиция представляет собой специфическое положение конструкторов в структуре индивидуального сознания. Учитывая особенности формирования системы значений, дифференцированность или монолитность системы конструкторов, содержание системы конструкторов, можно сказать, что поляризация конструкторов есть выражение монолитности или ригидности системы конструкторов, а также специфической содержательной наполненности, что препятствует полноценному осознанию подлинности бытия и делает невозможным «...свободное самоопределение человека в жизни» [6. С. 9]. Принимая во внимание навязанность данной оценочной позиции, можно сказать, что определенные специфические особенности системы конструкторов имеют место быть при несформированном аддитивном поведении; т.е. будучи заложенной ранее, поляризованная оценочная позиция может рассматриваться как фон, predisposing к формированию аддитивного поведения. А в ходе его реализации данные особенности приобрели наиболее отчетливую форму, что в определенной мере способствует дальнейшему развитию и закреплению аддитивного поведения.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999. 350 с.
2. Власенко Л.В. Некоторые результаты теста Келли и эффективность психотерапии у больных опийной наркоманией. <http://psycho.chat.ru>
3. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
4. Дмитриева Н.В., Четвериков Д.В. Психология аддиктивного поведения. Новосибирск, 2002. 278 с.
5. Дремов С.В., Семин И.Р. Измененные состояния сознания: психологическая и философская проблема в психиатрии. <http://www.hpsy.ru>
6. Капустин С.А. Поляризованная оценочная позиция как универсальная причина проблем клиентов психологической консультации // Вестник Мос. ун-та. Сер. 14, Психология. 1994. № 1. С. 7–18.
7. Келли Дж.А. Теория личности: Психология личностных конструктов. СПб., 2000. 249 с.
8. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олдсиб, 2001. 251 с.
9. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Факторы, способствующие развитию химических аддикций // Психологические и социокультурные аспекты профилактики нарко-алкогольной зависимости: Сборник научных трудов. Кемерово, 2002. С. 88–97.
10. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, знак, личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
11. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999. 486 с.
12. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998. 335 с.
13. Менделевич В.Д. Поведенческие расстройства или девиации поведения? <http://www.nedug.ru/lib/lit/psych/01oct/psych45/psych.htm>
14. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997. 340 с.
15. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск: Изд-во Смолен. ун-та, 1997. 213 с.
16. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М., 2000. 606 с.
17. Смагина С.С. Семантические особенности ментального конструирования межличностных отношений студентов // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 167–173.
18. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2002. 263 с.
19. Фердинанд Де Соссюр. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
20. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.

TO A QUESTION ON PROSPECTS OF STUDYING OF SYSTEM PERSONAL CONSTRUCT AT ADDICTIVE BEHAVIOUR
D.N. Dolganov (Belovo)

Summary. In article some aspects connected to variants of deformations of system personal construct (SPC), variants of pathological change of consciousness and a semantic pathology are discussed at addictive behaviour, and as at various anomalies of the person. The question of a urgency of research of semantic features addictive behaviour is considered.

Key words: system personal construct, personal construct, deformation of system personal construct, semantic construct, subjective semantics, addictive the behaviour, the changed conditions of consciousness, a mark, value, cognitive complexity, the polarized estimated position.

СИНДРОМ «ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ» И СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА

В.Е. Орёл (Ярославль)

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы психического выгорания и его взаимосвязи со стилевыми особенностями поведения. Исследование данной взаимосвязи осуществлялось на трех уровнях функционирования личности: индивидуально-психологическом, представленном когнитивным стилем, социально-психологическим, проявлениями которого являлись стили управления, и уровнем жизнедеятельности субъекта (организационным), представленным стилями поведения в стрессовых ситуациях.

Ключевые слова: психическое выгорание, стиль поведения, стиль деятельности, профессиональное становление личности.

Исследование феномена психического выгорания в зарубежной психологии в последние годы стало актуальным направлением психологической науки в России и странах ближнего зарубежья [5, 7, 18–20, 26, 27]. Большинство исследователей сходятся в понимании выгорания как состояния физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющегося в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основных составляющих: психоэмоциональное истощение (ПЭИ), деперсонализацию, или цинизм (Ц), и снижение самооценки профессиональной эффективности (СПЭ) [18, 36, 37, 39]. Под ПЭИ понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное собственной работой.

Цинизм, который в профессиях социальной сферы обозначается как деперсонализация, предполагает циничное отношение к труду и объектам труда. В частности, в социальной сфере деперсонализация понимается как бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для получения социальных услуг (лечение, консультации, получение образования и т.д.). Клиенты воспринимаются не как живые люди, а проблемы, с которыми они приходят к профессионалу, с точки зрения последнего, есть благо для них. Сниженная самооценка профессиональной эффективности способствует появлению чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, неуспеха в ней.

Большинство исследований взаимосвязи психического выгорания с особенностями личности профессионала было связано прежде всего со сферой личностных черт и в меньшей степени – с мотивационной сферой [19]. Одной из таких малоизученных проблем являются сегодня стилевые особенности поведения профессионала.

Понятие «стиль» столь многогранно, что многие исследователи считают этот термин междисциплинарным; он широко используется в категориальном аппарате философии, психологии, литературы, искусства, биологии и других наук. Практически отсутствуют работы по систематизации накопленных теоретических и экспериментальных результатов, методологическому обобщению исследований стиля, тогда как в психологической литературе существуют достаточно обширные наработки в этой сфере.

Под стилем понимается характеристика включенности человека в среду; человек всегда индивидуально специфичен и отражает структурированность компонентов среды [31]. В отечественной литературе выделяют четыре группы стилей.

1. *Стили адаптации* (организации и структурирования психической деятельности в определенной сфере её проявления – когнитивной, эмоциональной, моторной) есть локальные стили сопряжения индивидуальности со специфическими внешними условиями (когнитивные стили, эмоциональные, стили действий). Эта группа стилей отражает то, как человек ориентируется в среде, отражает и выражает свою индивидуальность, как организуются его моторная, эмоциональная и когнитивная сферы [12, 14, 33, 40].

2. *Стили деятельности* строятся с учетом объективных структур компонентов среды и представляют собой системы сопряжения индивидуальности с трудовыми, профессиональными, технологическими системами. К ним относятся индивидуальные стили деятельности. Эта группа стилей характеризует, как человек включается в профессионально-трудовые и технологические системы [9, 10, 13, 17, 24, 28, 30].

3. *Взаимодействие индивидуальности с социальными структурами, процессами, отдельными субъектами* – это стили, характеризующие особенности соучастия, взаимоотношений человека с другими людьми в социальных и социотехнических системах (стили руководства, управления, лидерства, общения и т.п.) [6, 11, 15, 32].

4. *Отношения системы сопряжения индивидуальности с социумом, совокупностью условий жизни* – это стили, отражающие особенности восприятия человеком мира, личностные смыслы, ценности и др. (наименее изученная группа, связана с исследованием жизненного пути человека, стиля его жизни, поведения и т.п.) [1–3, 8, 23, 25].

Предложенная классификация отражает две внешние детерминанты стиля (помимо индивидуальности человека) – характер и степень организованности, структурированности среды (деятельности и взаимодействия людей). Усиление любой детерминанты (например, повышение организованности усло-

вий деятельности, взаимодействий людей, равно как и становление интегральной индивидуальности) будет приводить к «смещению» стиля, его изменению и развитию [16].

Классификация стилей позволяет расположить все стили в пространстве выделенных нами трех уровней: индивидуально-психологическом, социально-психологическом и социальном.

Индивидуально-психологический уровень представлен стилевыми особенностями структур личности – когнитивной, эмоциональной, моторной.

Социально-психологический уровень предполагает рассмотрение стилевых особенностей взаимодействия в сфере субъект – субъект. К данной группе можно отнести стили управления, общения, воспитания и т.п.

Наконец, последний уровень отражает особенности взаимоотношения индивида с социумом в целом и характеризуется индивидуальным своеобразием жизненного пути человека или отдельных его этапов и более широким спектром реакций, выходящих за рамки профессиональной деятельности.

В соответствии с предложенной схемой стилевых особенностей и строилось исследование их взаимосвязи с психическим выгоранием.

Индивидуально-психологический уровень анализа предполагал изучение взаимосвязи стилевых особенностей мышления педагогов и уровня развития психического выгорания. В качестве методической базы использовались классификация стилей педагогического мышления и разработанная на ее основе методика их диагностики [12].

Исследование, в котором приняли участие 102 педагога, проводилось по методике выявления преобладающего стиля мышления и результатам теста ОПВ [26].

Данные корреляционного анализа (табл. 1) показывают наличие значимой отрицательной связи между всеми компонентами выгорания и стилем мышления. Это означает, что лица с высокими баллами по стилевым особенностям мышления будут характеризоваться низкой степенью выгорания. Поскольку в соответствии с процедурой обработки и интерпретации данных методики преобладающего стиля мышления повышение балльной оценки означает преобладание надситуативного стиля мышления над ситуативным, мы зафиксируем численное преобладание педагогов с надситуативным типом мышления в группе лиц с низкими значениями психического выгорания.

В содержательном плане «невыгоревшие» педагоги характеризуются внутренним локусом контроля, использованием творческих приемов и методов, они более гибко реагируют на изменения ситуации; вносимые ими поправки имеют осмысленный, а не вынужденный, как в предыдущей группе, характер; они стремятся к пониманию психологии детей, установлению с ними положительных отношений.

На уровне постановки стратегических целей такие педагоги ориентируются на социальные достижения, связанные с возможностью общения и самосовершенствования, что полностью соответствует результатам, полученным нами при исследовании ценностно-мотивационной и когнитивной сфер [20, 21, 29].

В противоположность данной группе учителя с высокой степенью психического выгорания характеризуются ситуативным стилем мышления, который выражается в преобладании репродуктивных методов работы, что не всегда приводит к оптимальному решению педагогических ситуаций. Внешний локус контроля часто не позволяет осмыслить причины собственных неудач, что заставляет их перекладывать вину и ответственность на внешние обстоятельства; они не умеют сформулировать проблему и ориентируются на внешние информационные признаки ситуации, не стремятся к глубокому анализу и пониманию личности учащегося, что влияет на степень их удовлетворенности отношениями с детьми. Приоритетная стратегия деятельности таких педагогов ориентирована на получение конкретного результата в ущерб социальному взаимодействию и саморазвитию.

Цель настоящего исследования – установление взаимосвязи между стилем педагогической деятельности и синдромом психического выгорания педагога. В качестве объекта исследования выступали учителя общеобразовательных школ г. Ярославля ($n = 98$, из них 91 женщина и 7 мужчин; возраст – от 22 до 58 лет). Стиль поведения педагога определялся с помощью специально разработанной анкеты, дифференцирующей респондентов по трем традиционно представленным стилям деятельности – авторитарному, демократическому и либеральному (табл. 2).

В наименьшей степени психическому выгоранию подвержены педагоги, относящиеся к группе демократического стиля деятельности, в наибольшей – учителя из группы авторитарного стиля деятельности. Различия между этими типами деятельности (по t -критерию Стьюдента) значимы.

Это можно объяснить тем, что одной из ярких особенностей характера людей авторитарного типа, занимающихся педагогической деятельностью, является желание везде, всегда и над всем осуществлять тщательный контроль. Такие педагоги несут огромную ответственность за все происходящее, что, конечно же, не может не сказаться на их психологическом здоровье (см. табл. 2).

Картина становится особенно показательной, если обратить внимание на численность группы авторитарного типа деятельности с тенденцией к психическому выгоранию: доля учителей, «выгоревших» и предрасположенных к выгоранию, превышает таковую в группах других типов деятельности.

Попустительское отношение к жизни и работе у «либералов» некоторым образом «спасает» их от

Т а б л и ц а 1

Взаимосвязь стиля мышления и компонентов психического выгорания у педагогов

Параметры выгорания	ПЭИ	Ц	СПЭ	ИПВ
Коэффициент корреляции	-0,23*	-0,21*	-0,23*	-0,21*

* Уровень значимости при $p = 0,05$.

Т а б л и ц а 2

Частота встречаемости стилей управления в группах педагогов с разной степенью психического выгорания, %

Тип стиля	Степень выгорания		
	Высокая	Средняя	Низкая
Авторитарный	38	31	31
Демократический	6	37,2	56,8
Либеральный	20	40	40

эмоционального истощения. Им свойственно пускать все на самотек, у них присутствуют критическое отношение к окружающему, относительный негативизм и нигилизм и одновременно с этим практически отсутствует стремление что-либо изменить в существующем порядке вещей.

Для представителей группы демократического типа деятельности более характерны мягкость, дипломатичность, разделение обязанностей и ответственности, более гуманное и оптимистическое отношение к миру.

Исследование, включающее использование тождественного методического аппарата, но на другой выборке, подтвердило приведенные выше результаты. Объектом исследования была управленческая деятельность. Выборка включала руководителей высшего и среднего звена предприятий г. Ярославля ($n = 60$, возраст – от 23 до 60 лет, стаж работы в должности – от 1 месяца до 30 лет). Диагностика психического выгорания осуществлялась с помощью русскоязычной версии методики MBI-HSS [22], а выявление стилевых особенностей управления – с помощью опросника «Стиль принятия управленческих решений» [11].

Полученные данные свидетельствуют о тенденции изменения содержания стилей управления при повышении степени выгорания (табл. 3). Указанная тенденция подтвердилась и результатами более мощных статистических процедур. Подсчет коэффициента сопряженности Пирсона–Чупрова выявил наличие значимой связи между степенью выгорания и стилями управления. Найденная величина $K = 0,214$ указывает на наличие сильной связи между измеряемыми параметрами (критерий $\chi^2_{\text{факт.}} = 10,98 \leq \chi^2_{\text{стат.}} = 14,86$, $p = 0,05$). Качественный анализ результатов показывает сдвиг в изменении стилевых особенностей поведения руководителей при повышении степени психического выгорания по обеим осям двумерной модели классификации стилей, на основе которой построена опросная методика.

По оси «Властность», характеризующей специфику взаимодействия руководителя с подчиненными и отношение к ним, направленность стиля изменяется

в сторону директивности вектора «либерализм – директивность». По оси «Поведение в проблемной ситуации», отражающей личностную позицию руководителя по отношению к возникающим в его деятельности ситуациям, сдвиг особенностей поведения идет в сторону отказа от их разрешения в векторе «отказ от ситуации принятия решения – продуцирование ситуации принятия решения». В плане типологии стиля это означает увеличение доли авторитарного и попустительского стилей в группе руководителей с высокой степенью психического выгорания, что подтверждает полученные выше данные.

Таким образом, можно констатировать, что существует связь между степенью психического выгорания и стилем управленческой деятельности, которая выражается в численном преобладании среди руководителей с высоким уровнем психического выгорания лиц, демонстрирующих прямо противоположные стили руководства: авторитарный и попустительский.

Если руководители авторитарного типа не боятся ответственности, властны по отношению к подчиненным, опираются на жесткую субординацию и при доминирующей личностной направленности (направленность на себя) демонстрируют высокие производственные показатели, которые достигаются тотальным контролем и жестокой дисциплиной, то руководители-попустители характеризуются прямо противоположными особенностями поведения в ситуации принятия решений и взаимодействия с подчиненными. Они не требовательны к себе и подчиненным, боятся ответственности и всячески избегают принятия решения в критической ситуации; в случае возникновения такой ситуации склонны ее не замечать. Их основной девиз – «оставьте меня в покое», проявляющийся в дистанцированности от подчиненных, достаточно хорошо укладывается в основную симптоматику проявления синдрома психического выгорания.

Преобладание двух альтернативных по содержанию стилей управления в группе «выгоревших» профессионалов объясняется их различной личностной обусловленностью, которая определяет и специфику выгорания.

Таблица 3

Частота встречаемости стилей управления в группах руководителей
с разной степенью психического выгорания, абс. вел. / %

Стиль управления	Степень психического выгорания	
	высокая	низкая
Попустительский	7 / 24,1	3 / 9,7
Маргинальный	1 / 3,4	6 / 19,4
Реализаторский	5 / 17,2	16 / 51,7
Авторитарный	6 / 20,7	3 / 9,7
Ситуационный	10 / 34,6	2 / 6,5

В группе авторитарных руководителей высокий уровень нейротизма тесно коррелирует с ответственностью (положительная связь) и сотрудничеством (отрицательная связь). Высокая степень ответственности, в свою очередь, положительно коррелирует с открытостью опыту. Таким образом, авторитарный руководитель обладает высокой степенью устойчивости к неопределенности, не боится нового и неординарного, ответственно выполняет свои обязанности и в то же время не склонен к сотрудничеству и стремится работать самостоятельно и автономно. Данный комплекс качеств, сопровождающийся высокой степенью нейротизма, определяет склонность к психическому выгоранию, которое может проявляться в повышенной раздражительности и даже агрессивности по отношению к подчиненным.

Наоборот, представители попустительского типа имеют несколько иную личностную организацию, которая проявляется также в достаточно высоком, хотя и в несколько меньшей степени, уровне нейротизма, который отрицательно коррелирует с экстраверсией, открытостью опыту и сотрудничеством. Это означает, что руководители данного стиля управления при высокой степени тревожности, как и «авторитары», не склонны к сотрудничеству, однако направленность их активности в этом случае иная: они не стремятся к самостоятельному и автономному функционированию, а наоборот, избегают контактов с подчиненными, привержены стереотипным способам работы и подчиняются вышестоящему звену. Процесс психического выгорания у представителей данной группы может протекать по «астеническому» типу (депрессивные тенденции, избегание контактов, отчужденное отношение к подчиненным, наличие внутренней агрессии по отношению к ним) [34].

Итак, можно отметить наличие тесной взаимосвязи между степенью психического выгорания и стилевыми особенностями поведения личности на уровне межличностного взаимодействия: у лиц с высокой степенью психического выгорания преобладают стили поведения, основанные на доминировании, с одной стороны, и избегании ответственности за принятые решения – с другой. В типологическом плане это проявляется в преобладании авторитарного и попустительского стилей взаимодействия с людьми в профессиях социальной сферы.

Преобладание противоположных по содержанию стилей в группе «выгоревших» профессионалов обусловлено разной степенью их личностной организации, продуцирующей и разные по своей специфике типы выгорания.

Проявление взаимосвязи психического выгорания и стилевых особенностей личности на организационном уровне предполагало обращение к таким особенностям поведения, которые проявлялись бы не только в профессиональной деятельности, но имели более широкий ареал распространения. Теоретический анализ данного аспекта проблемы показал, что одной из форм проявления стилевых особенностей поведения личности на уровне жизнедеятельности является ее поведение в стрессовых ситуациях, способы реагирования на стресс [16, 35, 38]. В частности, одним из таких способов является субъективно-ориентированный, представляющий собой уход от рационального разрешения проблемы или попытку решить ее на чисто эмоциональном уровне и выступающий как элемент защитного поведения личности. Именно данная форма стиля жизнедеятельности и была нами выбрана в качестве предмета исследования.

Обращение к особенностям защитного поведения было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, данная сфера поведения достаточно широко представлена в контексте жизнедеятельности индивида и, несомненно, должна иметь определенную связь с психическим выгоранием. Во-вторых, исследование защитных механизмов как способов поведения в стрессовых ситуациях является, пожалуй, единственной областью изучения стилей жизнедеятельности, имеющей достаточно надежный диагностический инструментарий.

Для выявления особенностей взаимоотношений психического выгорания с защитными механизмами поведения личности мы обратились к данным, полученным в диссертационной работе А.А. Рукавишниковой, выполненной под нашим руководством [26]. Для определения механизмов психологических защит была использована методика LSI (индекс жизненного стиля) [8], а диагностика выгорания осуществлялась при помощи опросника психического выгорания (ОПВ) [26]. В исследовании приняли участие учителя общеобразовательных школ г. Ярославля, Рыбинска, Иваново и Набережных Челнов (n = 134). Результаты по-

казали наличие высокозначимых положительных связей индекса психического выгорания (ИПВ) с такими защитными механизмами, как В (вытеснение), С (регрессия) и F (замещение) (табл. 4).

Аналогичная картина отмечена и при выявлении различий в стратегиях поведения в стрессовых ситуациях между группами профессионалов с низким и высоким уровнями психического выгорания. Учителя с высоким индексом психического выгорания склонны в большей степени использовать вышеуказанные защитные тенденции. В содержательном плане можно говорить о предпочтении «выгоревшими» профессионалами стратегий пассивно-агрессивного плана при столкновении со сложной жизненной ситуацией. Так, использование стратегии замещения предполагает проявление агрессивных реакций, раздражения, направленного не на объект, вызвавший отрицательные эмоции, а на его более безопасный заменитель. «Выгоревшие» профессионалы не могут открыто выражать свой гнев по отношению к реципиентам, поэтому направляют его на членов семьи, домашних животных и т.п.

Пассивная стратегия поведения в стрессовой ситуации заключается в инертном, пассивном поведении, уходе в себя, отгороженности от социального окружения, отсутствии инициативы и подчинении своего поведения другим людям. Воплощением такого стиля поведения является механизм вытеснения.

Другая форма пассивного поведения представляет собой поведение по типу регрессии, когда личность, подвергшаяся действию стрессового фактора, заменяет решение сложных задач более простыми, пытается уйти на низшие уровни взаимодействия со средой, что выражается в демонстрации инфантильного поведения.

Для выяснения степени влияния исследуемых характеристик друг на друга был использован однофакторный дисперсионный анализ.

Представленные в табл. 4 данные показывают, что для всех переменных методик LSI и ОПВ значения $F_{\text{факт.}} \geq F_{\text{крит.}}$, что свидетельствует о влиянии психического выгорания на формирование стратегий защитного поведения. Наибольшее влияние синдрома психического выгорания наблюдается в отношении формирования рассмотренных выше защитных механизмов, что отражено в более высоких значениях $F_{\text{факт.}}$. Полученные результаты подтверждают положение о том, что при развитии феномена психического выгорания индивид при столкновении с трудной жизненной ситуацией в первую очередь использует стратегии В, F и С. Что касается обратного – влияния психологических защит на выгорание, – то в настоящем исследовании такой зависимости получено не было.

Результаты дисперсионного и корреляционного анализов позволяют констатировать факт влияния психического выгорания на выбор стилей поведения

в стрессовых ситуациях как механизмов психологической защиты. Индивиды с высоким уровнем психического выгорания, в отличие от «невыгоревших», предпочитают использовать такие стратегии, как замещение, вытеснение и регрессию, образующие группу стилей пассивно-агрессивной направленности. Индивиды, прибегающие к агрессивным стратегиям (замещение), стремятся контролировать свой гнев и раздражение по отношению к объекту, их вызывающему, путем переадресовки отрицательных эмоций на объекты, менее угрожающие их благополучию. Реже наблюдается данный вид защитного поведения, связанный с переадресовкой агрессии самому себе (самобичевание и самоосуждение). Пассивные стили защитного поведения в стрессовых ситуациях проявляются либо в виде ухода от действительности, безынициативности и подчиненности другим (вытеснение), либо в виде возврата к моделям детского поведения, символизирующим возврат к раннему периоду жизни, более безопасному и приятному для личности (регрессия). Проявление регрессии у взрослых заключаются в несдержанности, уходе от социального окружения, конфликтах с вышестоящими.

Таким образом, взаимосвязь психического выгорания и стилевых особенностей личности можно отметить на всех уровнях организации: индивидуально-психологическом, социально-психологическом и организационном.

Общий характер этого воздействия заключается в преобладании в действиях профессионалов с высоким уровнем психического выгорания формально-стереотипных тенденций пассивно-доминантной направленности. Такая характеристика стилевых особенностей под воздействием выгорания имеет специфику проявления на каждом уровне функционирования личности. На индивидуально-психологическом уровне она заключается, в частности, в доминировании ситуативного типа мышления, который характеризуется преобладанием репродуктивных способов решения ситуаций, ориентацией на ее внешние признаки и игнорированием личностного фактора.

Влияние психического выгорания на стили социального взаимодействия проявляется в преобладании у лиц с высокой степенью выгорания стилей, основанных на доминировании, с одной стороны, и избегании ответственности в принятии решений – с другой. В типологическом плане это выражается в численном превосходстве случаев авторитарного и попустительского стилей взаимодействия с людьми. Преобладание противоположных по содержанию стилей в группе «выгоревших» профессионалов обусловлено разной степенью их личностной организации, продуцирующей и разные по своей специфике типы выгорания.

Организационный уровень функционирования личности отражает воздействие психического выгорания на особенности поведения индивида в более

Таблица 4

**Результаты однофакторного дисперсионного анализа взаимосвязи
психического выгорания и механизмов психологической защиты**

Механизмы психологической защиты	Индекс психического выгорания		
	F _{факт.}	P	F _{крит.}
А (отрицание)	2,8909	0,025	2,4385
В (вытеснение)	4,4304	0,002	2,4385
С (регрессия)	4,9275	0,001	2,4385
Е (проекция)	3,2023	0,015	2,4385
F (замещение)	7,4055	0,000	2,4385
Н (реактивные образования)	2,9436	0,023	2,4385

широком, чем рамки профессиональной деятельности, спектре жизненных ситуаций. В частности, стилевые особенности поведения человека в стрессовых ситуациях проявляются в предпочтении психологических защитных механизмов определенного типа.

Индивиды с высоким уровнем психического выгорания в отличие от «невыгоревших» предпочитают использовать такие стратегии, как замещение, вытеснение и регрессию, образующие группу стилей пассивно-агрессивной направленности.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда.

Литература

- Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. 291 с.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 339 с.
- Водопьянова Н.Е., Серебрякова А.Б., Старченкова Е.С. Синдром психического выгорания в управленческой деятельности // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1997. Вып. 7, № 13. С. 84–90.
- Гришина Н.В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С. 143–156.
- Журавлев А.Л. Стиль руководства для управления социально-психологическим климатом коллектива // Социально-психологический климат коллектива: Теория и методы изучения. М.: Наука, 1979. С. 134–145.
- Залевский Г.В., Галажинский Э.В., Умняшкина С.В. Синдром эмоционального выгорания как проблема самоактуализации личности (в сфере помогающих профессий) // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14–15. С. 68–71.
- Икстейн Д. Оценка стиля жизни // Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. Москва; Санкт-Петербург: Питер, 2003. С. 534–535.
- Илларионов Г.Г. Индивидуальные особенности предпочитаемого стиля спортивной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1978. 15 с.
- Ильин Е.П. Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 85–93.
- Карпов А.В., Маркова Е.В. Психология стилей управленческих решений. Ярославль, 2003. 108 с.
- Кашапов М.М. Психология педагогического мышления. СПб.: Алетей, 2000. 463 с.
- Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. 278 с.
- Когнитивные стили // Тезисы научно-практического семинара / Под ред. В.В. Колга. Таллинн, 1986. 252 с.
- Коссов Б.Б. Типологические особенности стиля руководителей разной эффективности // Вопросы психологии. 1983. № 5. С. 126–130.
- Либина А., Либин А. Стили реагирования на стресс: Психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами // Стиль человека: Психологический анализ. М.: Смысл, 1998. С. 191–204.
- Мерлин В.С. Типологически обусловленные особенности в труде и производственном обучении ткачих // Проблемы психологии личности и психологии труда / Под ред. В.С. Мерлина. Пермь, 1960. С. 5–57.
- Орёл В.Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии. Ярославль, 1999. С. 76–97.
- Орёл В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: Эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 90–101.
- Орёл В.Е. Исследование взаимосвязи ценностных ориентаций личности и синдрома психического выгорания с позиций структурно-уровневого подхода // Проблемы системогенеза учебной и профессиональной деятельности: Материалы Российской научно-практической конференции. Ярославль, 2003. С. 259–261.
- Орёл В.Е. Особенности проявления психического выгорания в когнитивной сфере // Социальный психолог. 2003. Вып. 2 (6). С. 61–68.

22. Орёл В.Е., Рукавишников А.А. Адаптация методики диагностики феномена психического выгорания // Общество, образование, человек. Ярославль: ЯГПУ, 1999. С. 164–166.
23. Пехунен Р. Задачи развития и жизненные стратегии // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 125–129.
24. Рогов Е.И. Учитель как объект психологического исследования. М.: Владос, 1998. 494 с.
25. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 191 с.
26. Рукавишников А.А. Личностные детерминанты и организационные факторы генезиса психического выгорания у педагогов: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2001. 158 с.
27. Скугаревская М.М. Синдром эмоционального выгорания // Медицинские новости. 2002. № 7. С. 3–9.
28. Толочек В.А. Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл, 2000. 199 с.
29. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 54–67.
30. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. 185 с.
31. Шкуратова И.П. Исследование стиля в психологии: оппозиция или консолидация // Стиль человека. М.: Смысл, 1998. С. 13–33.
32. Fiedler F. Engineer the job to fit the manager // Harvard Business Review. 1965. Vol. 43, № 5. P. 115–122.
33. Gardner R.W., Holzman P.S., Klein G.S. et al. Cognitive control: A study of individual consistencies in cognitive behavior // Psychological Issue. 1959. Vol. 1, № 4. P. 1–186.
34. Gillespie D.E. Correlates for active and passive types of burnout // Journal of Social Service Research. 1981. Vol. 4 (2). P. 1–16.
35. Lazarus R.S., Folkman S. Transactional theory and research on emotions and coping // European Journal of Personality. 1987. Vol. 1. P. 141–169. London; New Dehli, 1983.
36. Maslach C. Understanding burnout: Definition issues in analyzing a complex phenomenon // Job stress and burnout: Research, theory, and intervention perspectives / Ed. W.S. Pain. Beverly Hills; London; New Dehli, 1982. P. 29–40.
37. Maslach C. Burnout: A multidimensional perspective // Professional burnout: Recent developments in the theory and research / Ed. W.B. Schaufeli, Cr. Maslach. London; New Dehli, 1983.
38. Professional burnout: Recent developments in the theory and research / Ed. W.B. Schaufeli, Cr. Maslach & T. Marek. Washington DC: Taylor & Francis, 1993. 299 p.
39. Schaufeli W.B., Enzmann D. The burnout companion to study and practice: A critical analysis. Washington DC: Taylor & France, 1998. 220 p.
40. Witkin H.A., Goudenough D.R. Field dependence and interpersonal behavior // Psychological Bulletin. 1977. Vol. 84, № 4. P. 661–689.

SYNDROME OF «MENTAL BURNING-OUT» AND BEHAVIOR AND ACTIVITY STYLE FEATURES OF PROFESSIONAL
V.E. Orel (Yaroslavl')

Summary. The offered article is dedicated to the problem of a mental burn-out and its interconnection with stylistic behavior peculiarities. Such an interconnection investigation was realized on three different levels of individuality functioning that were: individualistic-psychological level represented by cognitive style, socially-psychological level the manifestation of which became a control style, and the level of individual's vital activity (organizational) that was represented by different styles of a behavior in a stressful situation.

Key words: mental (psychic) burning out, behavior style, activity style, personality professional making.

РОЛЬ МИКРОКЛИМАТА СЕМЬИ В ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА ПОДРОСТКА

М.С. Пакулов (Томск)

Аннотация. Работа посвящена исследованию характерологических изменений личности подростка, воспитание которого проходит в неблагоприятном микроклимате семьи. Представлены результаты взаимосвязи акцентуаций характера подростка и стиля воспитания родителей (родителя).

Ключевые слова: динамика акцентуаций, психопатии в подростковом возрасте, ригидность в структуре личности, микроклимат семьи, стиль воспитания, психическое нездоровье, формирование патологии, воспитание и подростковый возраст.

Проблема влияния семьи на становление личности как возможная причина развития психического нездоровья была и остается одной из важнейших тем в психологии. Растет численность детей, у которых выявляется психическое нездоровье. Доказано, что психические аномальности возникают в любом возрасте; некоторые виды отклонений чаще всего проявляются в определенные периоды человеческой жизни, в частности в подростковом возрасте, и могут быть вызваны специфическими для этого периода жизни стрессовыми факторами, незаурядными переживаниями, биологическими аномалиями, физиологическими и психическими изменениями, в которых немалая роль принадлежит семье и стилю воспитания [1, 2].

Во власти семьи укрепить или подорвать психическое здоровье ее членов, семья создает личность или разрушает ее, помогает адаптироваться и успешно социализироваться или препятствует этому. Семья поощряет одни личностные влечения, одновременно препятствуя другим, удовлетворяет или пресекает личные потребности. Семья структурирует возможности достижения безопасности, удовольствия и самореализации, указывает границы идентификации, способствует появлению у личности образа своего «Я», формирует характер и персональное миропонимание [3].

Таким образом, актуальность исследования определяется следующими параметрами:

1) необходимостью разработки теоретических и методологических исходных положений понимания и происхождения психической патологии на уровне микроклимата семьи;

2) исследованием характерологических изменений личности подростка в неблагоприятном микроклимате семьи при наличии в структуре личности родителей признаков ригидности;

3) необходимостью рассмотреть и переосмыслить с позиции теоретическо-практических концепций особенности семьи и ее влияния на подростка в современном мире.

Целью нашей работы явилось исследование характерологических изменений личности подростка, воспитание которого проходит в неблагоприятном микроклимате семьи.

Была выдвинута следующая гипотеза: стиль воспитания и воспитательные особенности родителей

(родителя) в сочетании с наличием в структуре их личности признаков ригидности приводят к патологической динамике акцентуаций характера подростка (невротизации и психопатизации).

Теоретико-методологической основой нашей работы послужили исследования О.В. Кербикова [2, 8], Н.И. Озерецкого [3, 12] и его последователей – Г.Е. Сухаревой и Н.И. Фелинской [2, 12], труды А.С. Спиваковской, А. Варга, А.Е. Личко [9, 11, 13, 14], В.А. Гурьевой и В.Я. Гиндикина, В.И. Гарбузова, Г.К. Ушакова [2], Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса [13, 14], а также Г.В. Залевского [4].

В качестве инструментария мы использовали следующие опросники/методики:

– модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков на основе ПДО А.Е. Личко (МПДО);

– опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса;

– «Томский опросник ригидности Залевского» (ТОРЗ);

– опросник определения уровня невротизации и психопатизации (УНП).

Общее количество испытуемых, принявших участие в исследовании, составляет 60 человек, из них 30 подростков общеобразовательной средней школы № 15 г. Томска в возрасте 14–17 лет (50% мальчиков и 50% девочек) и 30 родителей этих подростков в возрасте от 35 до 48 лет (29 мам и один папа, по одному из семьи каждого подростка). Сбор эмпирического материала проводился в период с января по апрель 2005 г.

Результаты сравнительного анализа в группе подростков и в группе родителей по категории ригидности были получены при использовании статистического U-критерия достоверности различий Манна–Уитни; данные корреляционного анализа по показателям ригидности у подростков и родителей, по показателям ригидности родителей с типом акцентуаций подростков, а также по показателям ригидности с типом акцентуации у подростков определены по критерию Пирсона (r^2); стиль и особенности семейного воспитания у ригидных родителей с типом акцентуаций подростков приведены по критерию Спирмена (r_s); проверка основной гипотезы проводилась с помощью корреляционного анализа значимых взаимосвязей стиля и особенностей семейно-

го воспитания у ригидных родителей и типа акцентуаций подростков по опроснику УНП на основе показателей невротизации и психопатизации по критерию Пирсона (r^2).

При исследовании подростков и родителей с применением опросника ТОРЗ нами были зафиксированы следующие результаты:

1) значения по шкале «Симптомокомплекс ригидности» (СКР), которая отражает склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения, у подростков были следующие: очень слабо выражены у 3%, выражены слабо у 43% и выражены сильно у 53%. У 27% родителей этих подростков ригидность выражена слабо, у 67% – сильно и у 4% – очень сильно;

2) значения по шкале «Актуальная ригидность» (АР), которая отражает навязчивости, стереотипии, упрямство, педантизм и собственно ригидность как неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы и модус переживания [4, 5], у 7% подростков были выражены очень слабо, у 77% – слабо и у 17% – сильно; у 57% родителей уровень актуальной психической ригидности невысок, у 40% – выражен сильно и у 3% – очень сильно;

3) значения по выбранной нами шкале преморбидной ригидности как показателю для подростков их актуального состояния, а для родителей – их состояния в подростковом возрасте, т.к., по мнению автора опросника, высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о том, что испытуемые уже в подростковом и юношеском (школьном) возрасте испытывали трудности в ситуациях каких-либо перемен. Взрослые, опрашиваемые ретроспективно, оценивают то, как они себя вели, переживали и решали те или иные проблемы в соответствующих ситуациях в школьном возрасте. Значения по этой шкале были следующими: у 63% подростков слабо выражены, у 37% – сильно; у 47% родителей слабо выражены и у 53% – сильно, т.е. преморбидная ригидность, выражающаяся в поступках, поведении, реакциях на протяжении школьной жизни родителей, в ретроспективном взгляде присутствует отчетливо – уровень высок.

Опираясь на полученные значения, мы предложили дополнительную эмпирическую гипотезу: психическая ригидность родителей (родителя, который занимает активную позицию в воспитании) является основанием для психической ригидности подростка.

По U-критерию достоверности различий Манна-Уитни значения психической ригидности у родителей превысили таковые у детей. Из этого мы сделали вывод: психическая ригидность родителей является причиной психической ригидности детей, о чем и свидетельствуют невысокие, но достоверные значения корреляции по критерию Пирсона. Возможно, склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения свойственна как родителям, так и детям ($r^2 = 0,38$;

$r^2 = 0,39$), но последним в меньшей степени. Вероятно, неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания и собственно ригидный (фиксированный) стиль поведения ($r^2 = 0,55$) свойственны как родителям, так и детям [4, 5]. В структуре личности родителей и детей присутствует психическая ригидность ($r^2 = 0,37$), следовательно, можно предположить, что как и родители, так и дети испытывают трудности в ситуациях каких-либо перемен, нового. Взаимосвязь актуальной ригидности родителей и преморбидной ригидности подростков ($r^2 = 0,40$) свидетельствует о том, что переживание трудностей в ситуациях каких-либо перемен и нового у родителей может быть причиной переживания трудностей в ситуациях перемен, отношений, установок на принятие–непринятие нового, необходимости изменения самого себя и своего поведения и у подростков.

При исследовании подростков с применением опросника МПДО акцентуации по гипертимному типу выявлены у 15% подростков, циклоидному – у 9%, лабильному – у 9%, астено-невротическому – у 12%, сенситивному – у 6%, психастеническому – у 18%, шизоидному – у 3%, эпилептоидному – у 3%, истероидному – у 3%, неустойчивому – у 9% и лабильно-циклоидному – у 3%.

Исходя из этого, мы выдвинули вторую дополнительную эмпирическую гипотезу: психическая ригидность родителей взаимосвязана с наличием у подростков акцентуаций.

По критерию Пирсона была определена взаимосвязь показателей ригидности родителей с типом акцентуаций подростков (табл. 1), а также показателей ригидности и типом акцентуации у подростков (табл. 2).

Таким образом, в обоих случаях дополнительные гипотезы подтвердились.

При исследовании родителей по методу опросника АСВ мы получили показатели практически по всем шкалам, но нас интересовали только те, которые взаимосвязаны с психической ригидностью. На основании ранее полученных данных был проведен корреляционный анализ по критерию Спирмена и выявлена взаимосвязь стиля воспитания ригидных родителей с типом акцентуаций характера подростков, в структуре личности которых тоже наличествовала психическая ригидность (табл. 3).

Значение $r_s = 0,41$ при специфике воспитания, когда родители предпочитают видеть в подростке с гипертимной акцентуацией детские качества, по нашему мнению, неминуемо может привести к психопатологии. Это подтверждают данные, полученные на основании опросника УНП, и существенная взаимосвязь гипертимной акцентуации и предпочтение в подростке детских качеств с высоким уровнем психопатизации ($r^2 = 0,58$). При такой воспитательной особеннос-

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа по критерию Пирсона (r^2) ($p < 0,05000$). Взаимосвязь показателей ригидности родителей и типом акцентуаций подростков

Тип акцентуации	Шкала ригидности		
	СКР	АР	ПМР
Гипертимный	0,43	0,01	0,06
Циклоидный	-0,38	0,17	0,16
Лабильный	0,08	0,11	0,10
Астено-невротический	0,16	0,38	0,21
Сенситивный	-0,09	0,15	0,34
Психастенический	0,52	0,37	0,40
Шизоидный	-0,07	0,07	0,17
Эпилептоидный	0,05	-0,06	0,07
Истероидный	-0,10	-0,24	0,17
Неустойчивый	0,15	-0,32	-0,39

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа по критерию Пирсона (r^2) ($p < 0,05000$). Взаимосвязь показателей ригидности с типом акцентуации у подростков

Тип акцентуации	Шкала ригидности		
	СКР	АР	ПМР
Гипертимный	0,22	0,39	0,17
Циклоидный	0,38	0,12	0,20
Лабильный	0,24	0,02	-0,05
Астено-невротический	0,40	0,14	0,16
Сенситивный	0,39	0,02	0,11
Психастенический	0,45	0,19	0,19
Шизоидный	0,21	-0,10	0,14
Эпилептоидный	0,05	0,05	0,06
Истероидный	-0,10	0,01	-0,08
Неустойчивый	0,09	0,12	0,01

Таблица 3

Взаимосвязь акцентуаций подростков со стилем воспитания и воспитательными особенностями у ригидных родителей

Стили воспитания – воспитательные особенности	Коэф. корреляции
Гипертимный – Предпочтение в подростке детских качеств (ПДК)	0,41
Циклоидный – Минимальность санкций (С–)	0,42
Циклоидный – Расширение сферы родительских чувств (РРЧ)	0,45
Астено-невротический – Чрезмерность требований-запретов (З+)	0,54
Сенситивный – Воспитательные конфликты	0,47
Психастенический – Игнорирование потребностей (У–)	-0,43
Психастенический – Недостаточность требований-обязанностей (Т–)	-0,39
Психастенический – Минимальность санкций (С–)	-0,40
Психастенический – Фобия утраты ребенка (ФУ)	-0,61

ти наблюдается стремление игнорировать взросление детей, стимулировать сохранение у них таких детских качеств, как непосредственность, наивность, игривость. Рассматривая подростка как «еще маленького», родители снижают уровень требований к нему, создавая потворствующую гиперпротекцию, стимулируя развитие психического инфантилизма [13, 14]. Становление этого типа акцентуации осуществляется по пути психопатического развития. Важнейшим фактором является тип неправильного воспитания – потворствующая гиперпротекция и «кумир семьи» [9, 11]. Это может привести к беспечности и несерьезности, холодному отношению к людям, упорству и упрямству в межличностных взаимодействиях. Подросткам с высоким уровнем психопатизации присуща тенденция к выходу за рамки общепринятых норм и морали, что может привести к непредсказуемости их поступков и созданию конфликтных ситуаций.

Значения невротизации и показатели корреляции невротизации с особенностями воспитания, когда родители предпочитают видеть в подростке с гипертимной акцентуацией детские качества, были недоверенными и нами не рассматривались ($r^2 = 0,08$).

Особенность воспитания, когда родители предъявляют подростку минимум санкций и расширяют сферу родительских чувств во взаимосвязи с акцентуацией подростка по циклоидному типу ($r_s = 0,42$; $r_s = 0,45$), по нашему предположению, не приведет к психической патологии, что подтверждают результаты тестирования и незначительная корреляция между циклоидной акцентуацией и воспитательными особенностями – минимум санкций и расширение сферы родительских чувств с невротизацией и психопатизацией ($r^2 = 0,18$).

Чрезмерность требований-запретов к подростку может лежать в основе типа негармоничного воспитания «доминирующая гиперпротекция», что особенно неблагоприятно при астено-невротическом типе акцентуаций характера ($r_s = 0,54$). На основе этой акцентуации может начаться «невроз развития» [10], или невротическое развитие [2, 7, 8]. Тестированием по опроснику УНП это не подтвердилось, значения были невысокие как по невротизации, так и по психопатизации, корреляция незначительная (0,23 и 0,31 соответственно). Можно говорить лишь о маловероятной тенденции к патологическому развитию акцентуаций характера.

Воспитательные конфликты, когда члены семьи не способны повлиять на мнение другого по самым различным вопросам, для подростка с сенситивным типом акцентуаций характера ($r_s = 0,47$), чрезмерной чувствительностью и впечатлительностью и наличием в структуре личности ригидности чревато развитием пугливости, боязливости, неуверенности и впоследствии невротизации, когда выраженная эмоциональная возбудимость продуцирует различные нега-

тивные переживания (тревожность, напряженность, беспокойство, растерянность, раздражительность). Такие подростки становятся безынициативными, что формирует переживания, связанные с неудовлетворенностью желаний. Их эгоцентрическая личностная направленность проявляется как в склонности к ипохондрической фиксации на неприятных соматических ощущениях, так и в сосредоточенности на переживаниях личностных недостатков. Это, в свою очередь, формирует чувство собственной неполноценности, затрудненность в общении, социальную робость и зависимость. Родители же не обращают внимания на ребенка, занимаясь выяснением отношений.

Невротическое развитие на основе сенситивной акцентуации возможно при воспитании по типу эмоционального отвержения («Золушка») [11]. Это подтверждают значения корреляции невротизации с сенситивным типом акцентуации и воспитательным конфликтом ($r^2 = 0,57$).

Возможно, важнейшим фактором, способствующим становлению психастении, является воспитание в условиях «повышенной ответственности» [2, 12], что подтверждают полученные значения по опроснику УНП и корреляции психастенического типа акцентуации и воспитательных особенностей: игнорирование потребностей, недостаточность требований-обязанностей, минимальность санкций, фобия утраты ребенка ($r^2 = 0,62$). На наш взгляд, сочетание перечисленных выше особенностей воспитания во взаимосвязи с психической ригидностью как родителей, так и подростков ведет к невротизации.

Подводя итог, можно сделать следующее заключение: стиль семейного воспитания родителей, в структуре личности которых присутствует психическая ригидность, с высокой степенью вероятности может привести к патологической динамике акцентуаций характера подростков, что подтверждает нашу гипотезу.

Исследование помогло более отчетливо представить истоки формирования психического нездоровья подростков в микроклимате семьи, благодаря чему можно обозначить пути предотвращения психических расстройств и психического нездоровья подростков, особенно в семьях с потенциально неблагоприятным микроклиматом по стилю воспитания при наличии в структуре личности родителей психической ригидности.

На основании результатов исследования мы сделали следующие выводы.

1. Формирования патологической динамики акцентуаций характера личности подростка – сложный и многоплановый процесс, в котором задействовано много факторов.
2. Риск возникновения психического нездоровья в подростковом возрасте определяется влиянием стиля воспитания в семье, микроклиматом и психическими особенностями родителей.

3. К патологической динамике акцентуаций характера (невротизации и психопатизации) могут привести следующие особенности семейного воспитания родителей с наличием в структуре их личности ригидности: предпочтение в подростке детских качеств; чрезмерность требований-запретов; воспитательные конфликты; игнорирование потребностей; недостаточность требований-обязанностей; минимальность санкций и фобия утраты ребенка.

4. К психопатизации может привести акцентуация по типу «Гипертимная» в сочетании с психической ригидностью родителей (родителя) и со стилем воспитания и воспитательными особенностями «Предпочтение в подростке детских качеств».

5. К невротикизации может привести акцентуация по типу «Сенситивная» со стилем воспитания и воспитательными особенностями родителей (родителя) «Воспитательные конфликты»; а также акцентуация

по типу «Психастеническая» со стилем воспитания и воспитательными особенностями «Игнорирование потребностей», «Недостаточность требований-обязанностей», «Минимальность санкций», «Фобия утраты ребенка».

6. Тенденция к патологической динамике акцентуаций характера при типе акцентуации «Циклоидная» со стилем воспитания и воспитательными особенностями «Минимальность санкций» и «Расширение сферы родительских чувств» не выявлена.

7. Сохраняется вероятная тенденция к патологической динамике в случае сочетания типа акцентуации «Астено-невротическая» со стилем воспитания и воспитательными особенностями «Чрезмерность требований-запретов».

8. Психическая ригидность подростков является следствием психической ригидности, присутствующей в структуре личности родителей.

Литература

1. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М.: Медицина, 1993. С. 400.
2. Гурьева В.А., Семке В.Я., Гиндикин В.Я. Психопатология подросткового возраста. Томск, 1994. С. 310.
3. Дружинин В.Н. Психология о современной семье: результаты исследований // Семейная психология и семейная терапия. 2001. № 3. С. 3–19.
4. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, норме и патологии). Москва;Томск, 2004. С. 140–144; 157–172; 386–390.
5. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. [Электронный ресурс]
6. Залевский Г.В., Сафин В.Ф., Бакеев В.А. К вопросу о соотношении внушаемости и ригидности // Материалы Московской конференции молодых психологов. М., 1969. [Электронный ресурс]
7. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. М.: Медицина, 1985. С. 136–140; 163–166.
8. Кербинов О.В. Избранные труды. М.: Медицина, 1971. С. 312.
9. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.
10. Мясисев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960.
11. Личко А.Е. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. Л.: Медицина, 1985. С. 33–72.
12. Сухарева Г.Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста. М.: Медгиз, 1985. Т. 1. С. 485.
13. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В. Психология и психотерапия семьи. 2-е изд., расшир. и доп. СПб.: Питер, 2000.
14. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В. Семейная психотерапия. Л.: 1990.

ROLE OF THE MICROCLIMATE OF FAMILY IN PATHOLOGICAL DYNAMICS ACCENTUATION CHARACTER OF THE TEENAGER

M.S. Pakulov (Tomsk)

Summary. Work is devoted to research characterology changes of the person of the teenager which education passes in an adverse microclimate of family. Submitted results of interrelation accentuation character of the teenager and style of education of parents (parent).

Key words: dynamics accentuation, psychopathic at the teenage age, inflexibility in structure of the person, microclimate of family, style of education, a mental illness, formation of a pathology, education and teenage age.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ И ПРИНЦИПЫ ДЕТЕРМИНИЗМА: ИСТОРИКО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Э.В. Галажинский (Томск)

Аннотация. Рассматривается движение психологической науки к целостному человеку как предмету научного познания. Сопоставлены и разведены между собой понятия «историко-системный подход» и «системно-исторический» подход. Определены некоторые методологические проблемы историко-психологического исследования самореализации личности.

Ключевые слова: тенденции развития науки, историко-системный подход, самореализация личности.

Если снять ограничения, свойственные описанию развития любых наук через призму идеала рациональности, побуждающую мерить зрелость науки по аналогии с классической физикой, то, как полагает А.Г. Асмолов, будут поставлены под сомнение многие традиционные периодизации истории психологии [1].

Идеал рациональности приводит к утверждению того, что подлинная история психологии как науки начинается лишь с появлением экспериментальной психологии, а все другое – лишь предыстория ее пребывания в лоне философии. Сегодня все понятнее становятся слова С.Л. Франка о том, что «человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта *направленность* человеческой души на мир, образующая самое существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставалась совершенно вне поля зрения обычной, так называемой «эмпирической психологии» [20. С. 441].

Соглашаясь с вышесказанным, стоит отметить и те изменения в науках, которые всегда были для психологии источником такого идеала. Одним из самых приметных сдвигов такого рода является *историзация* естествознания. В.Е. Кемеров отмечал, что идеи историчности проникают в такие дисциплины, которые прежде обходились (да и нынче еще часто обходятся) без учета развития своих объектов, но уже вынуждены фиксировать изменчивость форм своих исследований, отнесенность их к исторически определенным экспериментальным и технологическим схемам, к положению человека в бытии. Из области анализа живой природы историзм распространяется в термодинамику и космологию, затрагивая общефизические принципы трактовки мироздания. Складывается общая идея историзма природы, тем самым рушится одна из главных перегородок, разделивших естественно-научную и гуманитарную культуры.

Необходимо отметить роль психологии в разрушении этой «перегородки». Почему историзация вообще затронула все науки? Новые требования к историческим и детерминистическим реконструкциям объек-

тов, к осуществлению синтеза и использования различных моделей, замещающих объекты, в исследованиях специальных дисциплин были вызваны, по мнению В.Е. Кемерова, представлениями об «открытости», незавершенности объектов в связи со все более признаваемой открытостью человека и его деятельности.

В теории психологических систем (ТПС) человек рассматривается именно как открытая самоорганизующаяся система. В этом качестве открытости она и становится предметом исследования в психологии. В ТПС последовательно выдерживается тезис о том, что только системно определенный предмет науки может стать подлинным основанием для создания системной науки [8, 10, 11]. Вся история науки является движением к целостному человеку как предмету психологического познания. В частности, в одной из последних работ А.Н. Леонтьев сформулировал тезис о том, что в психологии, осознавшей себя ведущей наукой о человеке, принципиально иначе переплетутся психологические знания, родится иная их система [17].

Для осознания этого движения науки «к человеку» необходимо вскрыть внутреннюю тенденцию ее развития, которая проявляется не только в преобразовании категориального аппарата науки, но и в закономерных трансформациях ее предмета. Историко-системный подход нацелен на вскрытие того, как проявляется внутренняя тенденция развития науки в закономерно усложняющихся системных представлениях о ее предмете [8, 10–13]. Однако прежде чем приступить к более детальному его анализу, необходимо развести между собой понятия «историко-системный подход» и «системно-исторический» подход.

Прежде всего, историко-системный подход мы используем для выявления влияния системных представлений все более высокого уровня на принципы детерминизма, с ними связанные, а значит, и на всю организацию науки. Системно-исторический подход, который, по мнению его разработчиков, уже включает в себя принцип детерминизма, отражает многоуровневую детерминацию сменяющих друг друга психологических теорий [3, 4, 6].

Этот подход был реализован на материале истории психологических концепций личности в западной психологии. Подход включает три уровня анализа. Первый, науковедческий, касается условий возникновения, круга проблем, системы понятий, специфики практики, породившей ту или иную теорию. Раскрывается зависимость теорий «от эпохальных исторических событий», преломление их личностью. На втором уровне системный подход утверждает принцип исторической изменчивости объекта изучения – личности, обладающей системным качеством совокупностей социальных связей, в которую она включена.

Третий уровень системно-исторического анализа относится к внутренней организации личности. Здесь решаются вопросы о связи истории индивидуального развития личности с ее сложившейся организацией.

Сближает два принципа (историко-системный и системно-исторический) положение о том, что психологические теории прошлого можно правильно понять только с позиций более высокого уровня развития науки, в рамках которого развиваются тенденции, содержащиеся в ранее созданных теориях. Только историко-системный подход изначально основывается на предположении о том, что наука представляет собой самоорганизующуюся систему, следовательно, развитие ее идет по линии усложнения системной организации. Это означает, что внутренняя тенденция развития науки может быть понята как движение ее по линии реализации все более высоких по уровню типологических форм системного подхода.

Предполагается, что возникновение категорий и принципов психологии является результатом этого движения науки по линии закономерно сменяющих друг друга уровней системного изучения психологической реальности. Отсюда следует, что внутренняя тенденция развития науки направлена на все более целостное, многомерное и многокачественное изучение психологической реальности, которое и можно проследить через анализ этапов развития науки, фиксацию закономерного движения психологической мысли с одного «этажа» познания на другие, все более высокие, с которых по-новому открывается предмет науки и по-другому оформляются принципы его изучения и категории, в которых фиксируется изучаемый предмет [8, 10].

Самый первый (нижний) – досистемный уровень. Это уровень непосредственного, простого знания, рассмотрение предмета исходя из него самого, «предметоцентризм». Психология начала свою историю с этого уровня. Предметом науки является то, что непосредственно дано сознанию, а сама она пытается понять его назначение, структуру и принципы работы, не выходя за пределы самого сознания (интроспекция). Ни о какой самореализации личности речь вообще не идет – впервые это понятие появится в 1902 г. [14]. Примерно в это же время в психологии

начнется «бархатная» революция – состоится ее выход «за пределы сознания», сменится предмет науки. Случайно ли именно в это время заговорят и о самореализации? Думается, что нет.

Разрешение внутренних противоречий науки стадии «предметоцентризма» закономерно обуславливает возникновение первого, собственно системного определения предмета науки. Первый уровень системности возникает на фоне конкретизации понятий «внешнее» и «внутреннее», происходящей в связи с выходом науки за пределы «внутреннего» (сознание), которое и составляло полный предмет науки, замыкая ее на себя. Новый предмет исследования (психика) стал рассматриваться не только с точки зрения выявления внутренней сущности, внутреннего качества, которое только проявляется в актах воздействия на него внешних явлений, но и с точки зрения связи психики с целым классом различных явлений. С нашей точки зрения, это и обусловило возможность постановки проблемы самореализации. Однако человек, который и является субъектом самореализации, в психологии так и не появился.

Психическое стало исследоваться в различных связях и отношениях – по отношению к сознанию, мозгу, поведению, деятельности, субъекту, личности и т.д. Произошло достаточно быстрое обнаружение различных характеристик психического, несопоставимых между собой. Предмет психологии стал превращаться в нечто неуловимое, «расползающееся» по разным микросистемам, в каждой из них открывалась какая-то определенная качественная специфика психического или особая его функция. Принципы детерминизма, устанавливающие причинную связь между «внутренним» и «внешним», гипертрофирующие при этом роль первой либо второй из взаимодействующих сторон, не могут не гипертрофировать понимание детерминации поведения человека, его жизнедеятельности в пользу либо внутренних, либо внешних факторов.

Понятно, что очень непросто объяснить детерминацию самореализации личности, используя принцип детерминизма, устанавливающий причины на полюсе внешнего. Поэтому и остались нерешенными проблемы детерминации инициативного поведения (свободного, творческого, за пределами необходимости, нефункционального и т.д.). Самореализацию также можно отнести к числу инициативных форм поведения, т.е. такого поведения, которое иницируется самим субъектом. Необходимо, однако, заметить, что принцип детерминизма С.Л. Рубинштейна «внешнее через внутреннее», сформировавшийся на этой стадии развития науки, особым образом определявший связь внешнего и внутреннего, содержал внутри себя потенциал, который наука будет реализовывать в будущем. Особенности процессов гуманизации, гуманитаризации и онтологизации в

отечественной психологии прямо или косвенно зависят от конкретизации этого принципа на разных стадиях системного определения психологической реальности (анализ этого потенциала не входит в задачи данной статьи).

Итак, уходя от противоречий досистемного «предметоцентризма», психология вышла на первый уровень системности, что и привело к выделению множества аспектов в исследовании психического. Невозможность соединить разнокачественные характеристики психики, выявленные в различных связях, в которые включалась психика, привело к тому, что различные школы и направления продолжали углубленно изучать значимые для них связи и отношения.

Преимущество историко-системного подхода заключается в том, что он позволяет проследить, каким образом микросистемы (психика и поведение, психика и деятельность, психика и личность и т.д.) стали преобразовываться в методологические принципы и подходы (деятельностный подход, личностный подход и т.д.), а затем в моносистемы (деятельность, личность и т.д.), которые и становились предметом исследования в теоретических моносистемах (психологическая теория деятельности, психологическая теория личности и т.д.).

В каждой монотеории имелось свое представление о детерминации инициативного поведения, источники которого одни находили в деятельности, другие в личности, третьи в сознании, а четвертые упорно искали в характеристиках внешнего (побудительные свойства предметов и т.д.).

Вторая форма системного подхода характеризуется тем, что в основу ее положено понятие однородности, однотипичности явлений. Наиболее ясно выразил суть этой формы Б.Ф. Ломов. «Будучи многообразными, психические явления выступают как явления одной природы. Поэтому они и сами могут рассматриваться как система» [18. С. 87]. На базе принципов деятельностного подхода, личностного подхода, принципа отражения возникли различные моносистемы, ставшие предметом исследования в соответствующих научных школах, каждая из которых брала один из принципов в качестве исходного.

Деятельность – это «система, имеющая строение, свои внутренние переходы, свое развитие» [16. С. 81]. Личность – это развивающаяся система. «Процесс становления личности можно представить себе как развертывание целостной органической системы, в которой каждая часть предполагает каждую иную и порождается целостной системой» [3. С. 6]. Психика объективно является системой компонентов, изначально развивающихся из единого основания [5. С. 5]. За каждой системой постулатами закреплена способность к самодвижению, саморазвитию, выходу за пределы самой себя.

Легко представить, что эти постулаты могут снять большинство проблем, в том числе и проблему са-

мореализации, но не разрешают их. Ясно, что ни внешнее, даже если оно и действует на человека, ни деятельность, направленная на внешний мир, ни мозг, ни психика не являются сами по себе субъектами деятельности и познания. Но ведь и личность, взятая в изоляции от внешнего, от деятельности, психики, мозга, субъектом быть не может.

Проблема самореализации личности может быть решена, если указанные моносистемы взять вместе, но это требует выхода на третий уровень системности – туда, куда выводит внутренняя тенденция развития науки. Без этого подъема, как показывает историко-системный анализ, приемлемых способов интеграции принципиально не существует, а интеграция науки в виде проекции моносистем на одну «плоскость» приводит к эклектике [8–11]. Это доказано в специальных диссертационных исследованиях, выполненных в рамках теории психологических систем и посвященных изучению способов интеграции психологического знания в контексте историко-системного подхода [2, 7, 15, 19].

Третья форма системного подхода связана с открытием метасистемы, по отношению к которой изолированные до сих пор моносистемы могут быть определены как подсистемы, т.е. элементы моносистемы. Доказано, что переход к третьей форме подготовлен диалектическим отрицанием второй формы системного подхода, в ходе реализации которой накопилось определенное количество внутренних противоречий и сформировалось достаточное количество предпосылок для перехода. «Третья форма системного подхода, к которой приблизилась современная психология, позволит осуществить интеграцию всех изолированных моносистем (личность, психика, деятельность, природная и социальная системы), позволит представить их взаимодействие и те продукты взаимодействия, которые определяют дальнейшее развитие той интегративной целостной системы, в которую объединены все моносистемы и в которой они выступают как взаимодействующие подсистемы. Такую интегративную целостность мы и определяем как психологическую систему» [8. С. 22].

Трансцендирует, выходит за пределы не субъект, не деятельность, а человек, понимаемый как целостная, самоорганизующаяся, гетеростатическая (саморазвивающаяся, нормотворческая, самореализующаяся) психологическая система. Однако прежде чем приступить к теории и экспериментальным доказательствам системной детерминации самореализации, нужно объективировать те внутренние тенденции развития представлений о детерминизме и детерминации в психологии, которые, как нам кажется, выводят науку к системной детерминации как методологическому основанию новой парадигмы.

Итак, проблемы самореализации личности могут быть разрешены в процессе дальнейшего развития

системного взгляда на природу человека как целостного явления. Собственно методологическими проблемами историко-психологического исследования проблемы самореализации личности являются:

– проблема соотнесения историко-системного подхода, позволяющего выявить внутреннюю тенденцию развития науки, с другими подходами, прежде всего с историко-категориальным, парадигмальным, когнитивным, контекстным, предполагая, что только система методов историко-психологического познания поможет осмыслить современное состояние и перспективы развития всей проблематики самореализации личности;

– проблема соотнесения историко-психологического и психоисторического анализов: не исключено, что психологи разных времен исследовали людей с

разной степенью выраженности у них потребности в самореализации, что эта потребность растет по мере развития «человеческого в человеке» в ходе поступательного развития цивилизации.

Последнее означает, что не только психология «дорастает» до уровня возможности постановки и решения проблем инициативного, свободного поведения, но и сами предметы исследования, люди, обретают в себе качества, наличие которых стимулирует постановку и поиск решения новых психологических проблем. И тогда историк психологии уже не имеет права судить о том, что появившиеся новые категории и принципы отражают исключительно внутреннюю логику развития науки, ведь за этой логикой может скрываться логика развития человека.

Литература

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва; Воронеж, 1996. 768 с.
2. Акылбаева Г.Ж. Особенности чувствительности к проблемам у людей с выраженными специальными способностями: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 1999. 23 с.
3. Анциферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 3–18.
4. Анциферова Л.И. Системный подход в психологии личности // Принцип системности в психологических исследованиях. М., 1990.
5. Брушлинский А.В. Взаимосвязь процессуального и личностного аспектов мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982. С. 5–50.
6. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
7. Ключко А.В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой самоорганизующейся системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2001. 21 с.
8. Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. Караганда, 1987.
9. Ключко В.Е. Историко-системный подход в психологии // Методология и история психологии: Тезисы докладов к VII съезду психологов СССР. М., 1989.
10. Ключко В.Е. Историко-системный подход в психологии и теория психологических систем // Актуальные проблемы психологии. Алма-Ата, 1990.
11. Ключко В.Е. Предмет современной психологии: Человекообразование и психологическое обеспечение смысловой педагогики // Образование и социальное развитие региона. 1995. № 3–4. С. 104–112.
12. Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 1998. № 8.
13. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
14. Коростылева Л.А. Психологические детерминанты самореализации личности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998.
15. Кочетовская Е.В. Системная детерминация чувствительности к проблемам как развивающимся свойствам личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 1999. 23 с.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
17. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994.
18. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
19. Никифорова О.В. Ценностная детерминация творческого педагогического труда в условиях перехода к новой образовательной парадигме: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 1997. 23 с.
20. Франк С.Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию. М., 1992.

SYSTEM ORGANIZATION OF SCIENCE AND PRINCIPLES OF DETERMINISM: HISTORICAL AND SYSTEM ANALYSIS
E.V. Galazhinsky (Tomsk)

Summary. Psychological science movement towards person of integrity as a subject of scientific knowledge is examined in the article. The concepts «historical and system approach» and approach «system and historical» are distinguished compared. Some methodological problems of historical and psychological research of personal self-realization are defined.

Key words: tendencies of science development, historical and system approach, personal self-realization.

АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ ГИПЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С.А. Богомаз (Томск)

Аннотация. Представлены основания для процедуры ранжирования интертипных отношений и разработки на этой основе алгоритма оценки психологических эффектов гиперсоциализации.

Ключевые слова: социализация, индивидуализация, психофизиологический и коммуникативный типы, интертипные отношения.

Известный психолог Лазарус утверждал, что тогда как интеграция психики равноценна психическому здоровью, рассогласование среди ее составляющих равносильно психопатологии, дисфункции и дистрессу [15]. В качестве одной из возможных причин такого рассогласования, очевидно, следует назвать несоответствие между требованиями социального окружения и психофизиологическими особенностями человека. К последним, в частности, как известно, относятся особенности морфофункциональной организации больших полушарий мозга человека, отражающиеся у него в характерном наборе анатомических, физиологических и психических асимметрий [4, 8, 11].

Поскольку весь этот набор обусловлен одной детерминантой (морфофункциональной организацией полушарий), то, диагностируя у человека присущие ему анатомические и физиологические асимметрии, мы можем с некоторой долей уверенности делать прогноз относительно свойственных ему психических особенностей. Учитывая, что возможные сочетания признаков анатомических и физиологических асимметрий по законам комбинаторики ограничены, эти сочетания могут быть использованы в качестве критериев для дифференциации людей на типы. Причем каждому из них можно поставить в соответствие определенное психологическое описание, включающее устойчивый набор психических и психологических черт.

Логично ожидать, что психическое развитие ребенка, подростка и юноши в соответствии со свойственной им специфической организацией полушарий мозга может быть важным условием их эффективной жизнедеятельности, поскольку подобный вариант развития будет способствовать более «тонкому» восприятию ими нюансов определенных видов информации, обеспечит оперативную оценку воспринятого и принятие адекватного, творческого решения возникшей проблемы. На основе этого решения они смогут в свойственной им специфической манере организовать собственное поведение, направленное на достижение значимых целей без существенных энергетических и временных затрат.

Отсутствие знаний о психофизиологических закономерностях развития, игнорирование этих закономерностей, а также другие возможные причины могут направить развитие молодого человека в сторону его

социализации, протекающей в ущерб становлению его индивидуальности. Можно ожидать, что в этом случае у человека, достигшего некоторого уровня социализации и не испытывающего в силу этого стресс, тем не менее будут наблюдаться дезинтеграция психики и отсутствие гармонии между ее элементами.

Для верификации этого предположения была использована оригинальная концепция о существовании психофизиологических и коммуникативных типов и алгоритм количественной оценки интертипных отношений. Этот алгоритм основывается на вычислении степени расхождения между двумя психотипами, которые можно диагностировать у одного и того же человека с использованием двух различных наборов критериев.

Один из этих наборов включает объективные показатели функциональной асимметрии человека, комбинация которых составляет индивидуальный профиль функциональной асимметрии. На основе учета этих профилей был разработан алгоритм диагностики 16 психофизиологических типов. Каждому из них был приведен в соответствие один из психологических типов из типологии К. Юнга [3, 4, 7].

Другой набор критериев типологической принадлежности человека строится на его самоотчете (с привлечением опросников или стандартизованных интервью) об индивидуальных особенностях восприятия информации, особенностях мышления и поведения. Мы считаем, что эти особенности у человека складываются в течение жизни в процессе его взаимодействия с окружающими людьми. Они либо подают некоторый пример поведения, либо предъявляют к данному человеку требования по поводу того, каким они хотят его видеть. В итоге у этого человека может сформироваться устойчивый набор признаков, который позволяет причислить его к определенному психотипу. Его психологические свойства также можно интерпретировать в рамках типологии К. Юнга. Мы назвали данный тип коммуникативным. Принадлежность конкретного человека к психофизиологическому и коммуникативному типам может совпадать или в той или иной степени различаться [7].

Степень этого различия, по нашему мнению, вносит существенный вклад в психологическое своеобразие человека. В основе этой идеи лежит представление о том, что и психофизиологический и комму-

никативный тип представляет собой 2 относительно самостоятельных механизма реализации поведения человека. Каждый из них включает в свой состав специфическую подсистему потребностей и установок, а также подсистему средств достижения (темпераментных, личностных и т.п.) предпочитаемых потребностей. Если оба этих регуляторных контура у человека в сильной степени отличаются друг от друга, то, очевидно, мы вправе говорить о дезинтеграции его психики и личности. Отсутствие этой интеграции способно в значительной степени затруднить организацию целенаправленного поведения, а также может приводить к нарушению психического и даже физического здоровья [15].

Вместе с тем следует учитывать, что в логике наших рассуждений принадлежность человека к психофизиологическому типу в большей степени детерминирует процесс его индивидуализации. В противоположность этому, принадлежность человека к коммуникативному типу детерминирует процесс его социализации. Следовательно, в случае, если коммуникативный тип в сильной степени «отклоняется» от психофизиологического, мы вправе говорить о феномене гиперсоциализации.

Степень этого «отклонения» можно оценить с использованием специального подхода, построенного на основе теории интертипных отношений. Она была предложена в рамках постюнговской типологии А. Аугустинавичюте [1]. Суть теории заключается в том, что каждый из психотипов можно рассматривать в качестве своеобразно сконструированного информационного устройства, которое специфически воспринимает информацию, определенным способом обрабатывает ее и «отображает» принятое решение. Следовательно, взаимодействие между двумя разными психотипами как разными информационными устройствами может подчиняться закономерностям информационного обмена. Поскольку в типологии К. Юнга существует 16 психотипов, то между ними могут возникать 16 типов информационного обмена. Часть этих типов обмена будет способствовать эффективному взаимодействию между представителями разных психотипов (например, интертипные отношения полудополнения и зеркальные), а часть, напротив, будет затруднять это взаимодействие (например, отношения контроля и погашения). В крайнем случае, между представителями некоторых психотипов можно наблюдать даже своеобразный барьер во взаимодействии из-за конфликтующих типов информационного обмена (например, отношения конфликта и суперэго). Считается, что информационное взаимодействие между психотипами может лежать в основе развития межличностных отношений между представителями этих психотипов [1].

Поскольку нам известны принципы «конструирования» психотипов, мы способны рассчитать теоре-

тическую эффективность информационного обмена между ними, присвоив каждому из интертипных отношений определенный численный коэффициент. Для его расчета следует учитывать, что «конструкция» каждого из психотипов в постюнговской типологии отображается в виде определенным образом систематизированного набора 8 психических функций (F1F2F3F4/F5F6F7F8). Из них две функции (F1 и F2), которые в максимальной степени определяют насыщенность информационного взаимодействия психотипа с окружающим миром, объединены в ведущий блок, а остальные функции попарно объединены в дополнительные блоки, функционирование которых вносит некоторый вклад в психическое своеобразие психотипов. Именно от «ведущих» психических функций (F1 и F2) в основном и зависят особенности информационного обмена между коммуницирующими представителями тех или иных типов.

Для процедуры ранжирования интертипных отношений важным основанием явилась идея о том, что все 16 интертипных отношений можно охарактеризовать четырьмя простыми свойствами: помощи, понимания, конфликта и подчинения [см. также 12–14]. При этом часть интертипных отношений одновременно сочетает в себе два разных свойства (табл. 1).

С учетом четырех основных свойств интертипных отношений, было решено, что наиболее комфортные отношения дополнения можно оценить в 100 условных баллов «помощи». При этом было предположено, что информационный поток от первой психической функции (F1) одного типа, направленный к пятой функции (F5) другого типа, может соответствовать 60 условным баллам «помощи», а информационный обмен между второй психической функцией (F2) и шестой (F6) – 40. В сумме они и составляют 100 баллов «помощи».

Отношения активации оказываются менее комфортными, в частности, потому, что информационные потоки от F1 и F2 одного типа направляются, перекрещиваясь, к потокам F5 и F6 другого типа. Вследствие этого информационный поток от F1 к F6 расценили в 50 условных баллов, а поток от F2 к F5 – в 30. В сумме это составило 80 условных баллов «помощи».

Далее было предположено, что противоположным свойству помощи является свойство подчинения. В максимальной степени оно выражено в интертипном отношении, которое получило название квазитожества. Соответственно этому отношению было приписано 100 условных баллов «подчинения». Эта сумма баллов распадается на 2 составляющих: информационный поток, направленный от первой психической функции (F1) одного партнера к восьмой психической функции (F8) другого партнера, оценивается в 60 условных баллов, а поток от второй психической функции (F2) к седьмой (F7) – в 40.

Распределение интертипных отношений относительно свойств понимания, помощи, конфликта и подчинения

ПОНИМАНИЕ	ПОМОЩЬ
ОТНОШЕНИЯ ТОЖДЕСТВА	ОТНОШЕНИЯ ДОПОЛНЕНИЯ
ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	ОТНОШЕНИЯ АКТИВАЦИИ
КОНФЛИКТ	ПОДЧИНЕНИЕ
КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	ОТНОШЕНИЯ ПОГАШЕНИЯ
ОТНОШЕНИЯ СУПЕРЭГО	ОТНОШЕНИЯ КВАЗИТОЖДЕСТВА
ПОНИМАНИЕ и КОНФЛИКТ	ПОМОЩЬ и ПОДЧИНЕНИЕ
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	ПОЛУДУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ДЕЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ	МИРАЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ОТНОШЕНИЯ КОНТРОЛЯ	ОТНОШЕНИЯ ЗАКАЗА
ОТНОШЕНИЯ ПОДКОНТРОЛЯ	ОТНОШЕНИЯ ПОДЗАКАЗА

В меньшей степени свойство подчинения присуще отношению погашения, поэтому ему было приписано 80 условных баллов «подчинения». При этом информационный поток от F1 к F7 был расценен в 50 условных баллов, а поток от F2 к F8 – в 30.

После того, как была произведена оценка «чистых» интертипных отношений, можно было приступить к оценке отношений, которые одновременно характеризовались комбинацией свойств помощи и подчинения.

Такие свойства сочетались, например, в интертипном отношении полудополнения. Оно, вследствие специфики направленности информационных потоков от одного партнера к другому, характеризовалось 60 условными баллами «помощи» и 30 баллами «подчинения». Отношение подзаказа оценивалось 50 условными баллами «помощи» и 40 баллами «подчинения». Миражное отношение – 40 баллами «помощи» и 50 баллами «подчинения»; отношение заказа – 30 баллами «помощи» и 60 баллами «подчинения».

Учитывая совокупность условных баллов для каждого из интертипных отношений, мы можем распределить их в линейный ряд по мере уменьшения выраженности свойства помощи и нарастания свойства подчинения: дополнение, активация, полудополнение, подзаказ, миражные, заказ, погашение, квазитождество.

Рассмотрим интертипные отношения, которые можно распределить по шкале «понимание – конфликт». В постюнговской типологии принято считать, что максимальное «понимание» наблюдается в интертипном отношении тождества. Оценим его в 100 условных баллов «понимания» и договоримся, что информационный поток от F1 одного партнера к F1 другого будет соответствовать 60, а поток от F2 к F2 – 40 условным баллам «понимания».

В зеркальных отношениях свойство понимания выражено уже в меньшей степени. В связи с этим этому типу отношений следует приписать 80 условных баллов «понимания», предполагая, что обмен информацией между F1 одного партнера и F2 другого соответствует 50, а обмен между F2 и F1 – 30 условным баллам «понимания».

Наиболее дискомфортными являются отношения конфликта. Соответственно, их необходимо оценить

в 100 условных баллов «конфликтности», принимая, что направленность информационного потока от F1 к F4 равна 60, а направленность потока от F2 к F3 – 40 баллам «конфликтности».

Менее конфликтными оказываются отношения суперэго, которым соответствуют 80 условных баллов «конфликтности». При этом договоримся, что направленность информационного потока от F1 к F3 соответствует 50, а направленность потока от F2 к F4 – 30 баллам «конфликтности».

Тогда, согласно принятым договоренностям, родственные отношения характеризуются 60 условными баллами «понимания» и 30 «конфликтности»; подконтрольные отношения – 50 баллами «понимания» и 40 «конфликтности»; деловые отношения – 40 баллами «понимания» и 50 «конфликтности»; отношения контроля – 30 баллами «понимания» и 60 «конфликтности».

Вновь, учитывая распределение баллов между интертипными отношениями, мы можем построить ряд, в котором эти отношения расположатся по мере убывания свойства «понимания» и нарастания свойства «конфликтности»: тождество, зеркальные, родственные, подконтроль, деловые, контроль, суперэго, конфликт.

Таким образом, введя условную оценку интертипных отношений, учитывающую особенности обмена информацией между коммуницирующими представителями двух типов, мы смогли все 16 отношений закономерным образом распределить в две линейные последовательности. Однако необходимо было найти некий принцип ранжирования всех интертипных отношений, который бы позволил выстроить их все в один ряд.

Такой принцип в виде закономерности обнаруживается при анализе распределения свойств помощи, подчинения, понимания и конфликта в интертипных отношениях, возникающих между всеми 16 психотипами, объединенными в 4 квадраты так, как это делается в рамках постюнговской типологии. Рассмотрим эту закономерность на примере четырех психотипов, составляющих так называемую «первую квадрату», в которую объединяются интуитивно-логический экстра-

верт (ИЛЭ), сенсорно-эмотивный интроверт (СЭИ), логико-интуитивный интроверт (ЛИИ) и эмотивно-сенсорный экстраверт (ЭСЭ). Внутри этой квадры представлены только «чистые» свойства «помощи» (отношения дополнения и активации) и «понимания» (отношения тождества и зеркальные). У представителей этой квадры с представителями третьей квадры (которую составляют логико-интуитивный экстраверт (ЛИЭ), эмотивно-сенсорный интроверт (ЭСИ), сенсорно-эмотивный экстраверт (СЭЭ) и интуитивно-логический интроверт (ИЛИ)) возможны только «чистые» отношения «конфликта» (отношения конфликта и суперэго) и «подчинения» (отношения квазитожества и погашения). С представителями двух других квадр – второй (образованной сенсорно-логическим экстравертом (СЛЭ), интуитивно-эмотивным интровертом (ИЭИ), эмотивно-интуитивным экстравертом (ЭИЭ) и логико-сенсорным интровертом (ЛСИ)) и четвертой (образованной логико-сенсорным экстравертом (ЛСЭ), эмотивно-интуитивным интровертом (ЭИИ), интуитивно-эмотивным экстравертом (ИЭЭ) и сенсорно-логическим интровертом (СЛИ)) – возможны отношения, сочетающие «понимание» и «конфликт» (родственные и деловые отношения, отношения контроля и подконтроля), либо сочетающие свойства «подчинение» и «помощь» (полудуальные, и миражные отношения, отношения заказа и подзаказа). Схожая картина наблюдается при анализе распределения отношений между представителями других квадр (табл. 2).

Учитывая закономерность распределения интертипных отношений и степень выраженности в них свойств помощи, понимания, подчинения и конфликта, легко удастся выстроить эти отношения в один ряд по мере уменьшения в них комфортности и нараста-

ния конфликтности (табл. 3). Благодаря этому было осуществлено ранжирование интертипных отношений, причем каждому из них был приписан определенный численный коэффициент.

Как следствие, диагностируя типологическую принадлежность коммуницирующих людей и устанавливая, какие интертипные отношения складываются между ними, с учетом численных коэффициентов этих отношений, можно в исследовательских и прогностических целях применять количественные, статистические методы анализа. Например, индивидуальный статус члена малой группы, в состав которой могут входить представители нескольких разных психотипов, используя коэффициенты интертипных отношений, можно вычислить по следующей формуле:

$$ИС = 1/n(n-1) \times \sum 1/A_i;$$

где ИС – индивидуальный статус члена малой группы; $\sum$ – знак суммы; A_i – коэффициент интертипного отношения i -членом группы; n – количество членов группы.

С помощью вычисленного значения ИС можно прогнозировать состояние каждого члена в группе в зависимости от сложившейся в ней системы интертипных отношений. При этом высокое значение ИС у человека будет свидетельствовать о благоприятных для него отношениях, что будет обуславливать его спокойное психоэмоциональное состояние. Напротив, низкое значение ИС будет указывать на некомфортные для человека отношения в группе, которые, скорее всего, инициируют напряженное психоэмоциональное состояние.

Вычислив индексы индивидуального статуса для каждого члена группы, можно рассчитать суммар-

Т а б л и ц а 2

Распределение свойств помощи, понимания, подчинения и конфликта между представителями разных психотипов, объединенных в квадры

Интертипные отношения																
Психотипы	ИЛЭ	СЭИ	ЭСЭ	ЛИИ	ЭИЭ	ЛСИ	СЛЭ	ИЭИ	СЭЭ	ИЛИ	ЛИЭ	ЭСИ	ЛСЭ	ЭИИ	ИЭЭ	СЛИ
ИЛЭ	Понимание	Помощь	Помощь	Понимание	Помощь и подчинение	Понимание и конфликт	Понимание и конфликт	Помощь и подчинение	Конфликт	Подчинение	Подчинение	Конфликт	Помощь и подчинение	Понимание и конфликт	Понимание и конфликт	Помощь и подчинение
СЭИ	Помощь	Понимание	Понимание	Помощь	Понимание и конфликт	Помощь и подчинение	Помощь и подчинение	Понимание и конфликт	Подчинение	Конфликт	Конфликт	Подчинение	Понимание и конфликт	Помощь и подчинение	Помощь и подчинение	Понимание и конфликт
ЭСЭ	Помощь	Понимание	Понимание	Помощь	Понимание и конфликт	Помощь и подчинение	Помощь и подчинение	Понимание и конфликт	Подчинение	Конфликт	Конфликт	Подчинение	Понимание и конфликт	Помощь и подчинение	Помощь и подчинение	Понимание и конфликт
ЛИИ	Понимание	Помощь	Помощь	Понимание	Помощь и подчинение	Понимание и конфликт	Понимание и конфликт	Помощь и подчинение	Конфликт	Подчинение	Подчинение	Конфликт	Помощь и подчинение	Понимание и конфликт	Понимание и конфликт	Помощь и подчинение

Ранжирование интертипных отношений

Коэффициент	Интертипное отношение	Коэффициент	Интертипное отношение
1	ОТНОШЕНИЯ ДОПОЛНЕНИЯ	9	МИРАЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
2	ОТНОШЕНИЯ АКТИВАЦИИ	10	ОТНОШЕНИЯ ЗАКАЗА
3	ОТНОШЕНИЯ ТОЖДЕСТВА	11	ДЕЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
4	ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	12	ОТНОШЕНИЯ КОНТРОЛЯ
5	ПОЛУДУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	13	ОТНОШЕНИЯ ПОГАШЕНИЯ
6	ОТНОШЕНИЯ ПОДЗАКАЗА	14	ОТНОШЕНИЯ КВАЗИТОЖДЕСТВА
7	РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	15	ОТНОШЕНИЯ СУПЕРЭГО
8	ОТНОШЕНИЯ ПОДКОНТРОЛЯ	16	КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ную напряженность (СН) отношений в малой группе по следующей формуле:

$$СН = 1/n \times \Sigma I/IC_i;$$

где IC_i – индивидуальный статус i -члена группы.

Высокое значение СН будет свидетельствовать о повышенной напряженности интертипных отношений в группе, а низкое значение – указывать на комфортность отношений в группе. Используя индекс СН, можно количественно сравнивать различные малые группы [2, 5], а также, преследуя цель создания рабочей атмосферы в группе, осуществлять эффективный отбор кандидатов в эту группу.

Другая возможная область применения коэффициентов интертипных отношений связана с количественной оценкой психологических эффектов гиперсоциализации. Алгоритм этой оценки состоит в следующем. У каждого участника психологического исследования с помощью двух наборов диагностических критериев (см. выше) одновременно определяется принадлежность к одному из психофизиологических и коммуникативных типов. Как уже указывалось, эта принадлежность у конкретного обследуемого лица может или совпадать, или в той или иной степени различаться. Степень этого различия можно отобразить в виде соответствующего коэффициента интертипного отношения, которое имеет место быть между психофизиологическим и коммуникативным типами у данного обследуемого. Наборы этих коэффициентов, полученные для всех участников исследования, могут быть использованы, наряду с любыми показателями психологических диагностических методик, в различных видах статистического анализа (корреляционного, дисперсионного, факторного и т.д.).

Еще раз уточним, что, с нашей точки зрения, принадлежность человека к психофизиологическому типу в большей степени детерминирует процесс его индивидуализации. Мы считаем, что развитие чело-

века в соответствии с его типологической принадлежностью к одному из этих типов следует рассматривать как природосообразное, в полной мере обуславливающее возможность раскрытия его природных потенциальных возможностей и становление его индивидуальности. Напротив, принадлежность человека к коммуникативному типу детерминирует процесс его социализации. Сочетаясь таким образом, индивидуализация и социализация могут порождать и разные типичные стратегии онтогенеза человека. Оптимальная стратегия, несомненно, будет наблюдаться только при условии баланса этих двух процессов. Логично утверждать, что преобладание любого из них чревато своими негативными психологическими последствиями для развития человека. В частности, наши экспериментальные данные свидетельствуют в пользу того, что в случае, если коммуникативный тип человека в сильной степени «отклоняется» от его психофизиологического, мы вправе говорить о феномене гиперсоциализации [9, 10].

Наша основная гипотеза заключается в том, что при наличии этого феномена у человека на фоне среднестатистических показателей тревожности и социальной адаптированности будут выявляться специфические особенности в структуре его индивидуальности. Эмпирическое подтверждение этой гипотезы и апробация разработанного типологического алгоритма оценки психологических эффектов были осуществлены в ходе психологических исследований на выборке школьников и студентов факультета психологии. Во всех случаях наша гипотеза полностью подтвердилась, а результаты исследований продемонстрировали высокую эффективность разработанного алгоритма. С его помощью был установлен ряд оригинальных фактов, указывающих на существование специфических индивидуальных особенностей у лиц, коммуникативный тип которых в сильной степени отличался от их психофизиологического.

Так, сильные отрицательные корреляционные связи были выявлены, с одной стороны, между ко-

эффицентом отклонения коммуникативного типа от психофизиологического и аналитическими способностями учащихся, их способностью к эвристическому мышлению, показателем их общего и невербального интеллекта – с другой.

В выборке студентов младших курсов в ходе корреляционного анализа нами было обнаружено, что увеличение коэффициента отклонения у обследуемых сопровождалось нарастанием ценности «Собственный престиж», оцениваемой с помощью методики «Опросник терминальных ценностей». Это означает, что молодые люди, имеющие коммуникативный тип, который значительно отличается от их психофизиологического, оказываются более зависимыми от мнения окружающих, чем их сверстники с менее выраженной разницей между психотипами. Для них в первую очередь личную значимость имеют уважение, признание и одобрение со стороны окружающих, в решении жизненных ситуаций они ищут опору прежде всего вовне, а не внутри себя. Такая ценностная ориентация может стать фактором нестабильности личности и позднее привести, например, к ее невротическому развитию. Кроме того, была обнаружена положительная корреляция между степенью отклонения и величиной «выраженности престижа в общественной жизни» Опросника терминальных ценностей. Заметим, что высокие баллы по этой шкале отражают стремление придерживаться наиболее распространенных взглядов на общественно-политическую жизнь и выражать не своё мнение, а мнение авторитетов. Для людей, получивших высокие баллы, доминирующим мотивом является не служение людям и сотрудничество с ними, а именно использование социума для реализации своих амбициозных стремлений.

Студенты, у которых в процессе социальной адаптации сформировался коммуникативный тип, в сильной степени отличающийся от их базового типа, несмотря на то, что они ориентированы на общественно-значимые ценности, жизнь оценивают как неинтересную и не имеющую особого смысла. На это указывает отрицательная корреляционная связь коэф-

фициента отклонения и показателя шкалы «Процесс жизни» методики смысловых ориентаций. Смысл жизни у человека в большей степени порождается в связи с его индивидуальными предпочтениями, поэтому социализация человека в ущерб развитию его индивидуальности, очевидно, не способствует становлению у него высшего (смыслового) уровня регуляции собственной жизнью. По-видимому, только сбалансированность процессов индивидуализации и социализации в ходе онтогенетического развития может обеспечить достижение этого высшего уровня, являющегося важным условием самореализации человека [6].

Вместе с тем, как оказалось, коэффициент отклонения значимо коррелировал с показателем шкалы «Непринятия других», диагностируемым по методике «Опросник социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда. Это означает, чем в большей степени у молодого человека различается его принадлежность к коммуникативному и психофизиологическому типам, тем более выражено у него чувство непринятия других людей. Получается, что достижение им определенного уровня социализации оборачивается формированием негативного отношения к окружающим людям [7].

Совокупность представленных данных указывает на то, что у молодых людей, достигших некоторого уровня социализации и не испытывающих в силу этого тревожных и стрессовых переживаний, в случае формирования у них коммуникативного типа, существенно отличающегося от их психофизиологического, может наблюдаться дезинтеграция структуры личности. О негативных последствиях этого для психического развития таких молодых людей пока можно лишь догадываться.

Таким образом, представление о коммуникативных и психофизиологических типах и вычисление интертипных отношений между ними позволяют осуществить важный переход к количественным измерениям психологических эффектов, возникающих в контексте проблемы соотношения индивидуализации и социализации в онтогенезе человека.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-06-06014 а.

Литература

1. Аугустинавичюте А. Теория интертипных отношений // Отдел рукописей библиотеки Литовской АН. Вильнюс, 1982. 116 с.
2. Богомаз С.А., Исаева Т.М. Исследование интертипных отношений в студенческих группах // Сибирский психологический журнал. 1996. Вып. 1. С. 40.
3. Богомаз С.А. Билатеральная модель структуры психики: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 1999. 48 с.
4. Богомаз С.А. Психологические типы К. Юнга, психофизиологические типы и интертипные отношения. Томск, 2000. 71 с.
5. Богомаз С.А. К проблеме статистической верификации концепции интертипных отношений // Личность и общество: Актуальные проблемы современной психологии (Материалы Всероссийского симпозиума). Кострома, 2000. С. 48–49.
6. Богомаз С.А., Тренякаева Н.А. Проблема смыслов сквозь призму типологического подхода // II Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 97–99.

7. Богомаз С.А., Тренькаева Н.А. Феномен «непринятия других» в юношеском возрасте в контексте проблемы соотношения процессов социализации и индивидуализации // Сибирский психологический журнал. 2005. Вып. 22. С. 111–115.
8. Лурья А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. 376 с.
9. Тренькаева Н.А. Психологические эффекты изменения типологической принадлежности человека в контексте проблемы соотношения социализации и индивидуализации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2004. 23 с.
10. Тренькаева Н.А., Богомаз С.А. Выявление и оценка психологических эффектов социализации при формировании коммуникативного типа у лиц разного возраста // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе: Сборник статей / Под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 244–253.
11. Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В., Ениколова Е.В. Нейропсихология индивидуальных различий: Учеб. пособие. М., 1997. 281 с.
12. Шепетько Е. Описание интертипных отношений // Соционика: Информационно-реферативный сборник. Новосибирск; Киев, 1991. С. 26–34.
13. Шепетько Е. Метод простой классификации // Психол. журн. «Мост». 1996. № 2. С. 16–18.
14. Шепетько Е. Метод простой классификации // Психол. журн. «Мост». 1997. № 3–4. С. 13–16.
15. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 416 с.

ALGORITHM OF THE RATING OF PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF HYPERSOCIALISATION AND ITS USE IN EXPERIMENTAL RESEARCHES

S.A. Bogomaz (Tomsk)

Summary. The bases for procedure of ranging of the intertype relationships and development on this basis of algorithm of a rating of psychological effects of hypersocialization are presented.

Key words: socialization, individualization, psychophysiological and communicative type, intertype relationships.

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. – М.: Смысл, 2005. – 248 с.

ISBN 5-89357-214-9

В монографии представлен комплекс теоретических, методологических, методических разработок и моделей автора, объединенных идеями коммуникативного подхода в психологии. На феноменологическом, теоретическом и операциональном уровнях рассмотрены коммуникативное пространство и коммуникативный мир личности; транскоммуникативный процесс и транскоммуникативный потенциал личностного роста.

Представлены авторские разработки исследовательских техник «Психо-семантический граф», «Шкалограмотный профилб коммуникабельности», «Метод моделирования коммуникативных миров» и «Тест транскоммуникативных состояний», исследования транскоммуникативных качеств личности и группы в активных образовательных, тренинговых практиках и более широких социокультурных контекстах.

Для психологов и представителей других гуманитарных специальностей.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДЪЯВЛЯЕМОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Н.В. Писаренко (Томск)

Аннотация. Обосновывается актуальность проблематики идентичности как феномена, имеющего интерсубъективную природу. С помощью статистических методов исследованы гендерные аспекты предъявляемой идентичности студентов.

Ключевые слова: идентичность, предъявляемая идентичность, интерсубъективное взаимодействие, гендер.

Актуальность исследования идентичности студентов как самоопределяющихся субъектов вызвана необходимостью изучения ее состояния с целью разработки перспективных форм образовательных практик самоидентификации в условиях размытых социальных ориентиров современного российского общества.

Объектом исследования стала идентичность как самоидентификация личности, субъективное переживание и осознание принадлежности самому себе. Идентичность является областью социально-психологического анализа взаимодействия личности и социума и выступает для человека некоторой психологической реальностью, возникающей лишь в интерсубъективном взаимодействии с «Другим». Эта психологическая реальность включает в себя практически все социально-психологические образования, обусловленные биологическими, психологическими и социокультурными факторами. Идентичность, таким образом, является социально-психологическим образованием, динамичной структурой, непрерывно обновляющейся под влиянием процессов психосоциальной среды индивида.

Идентичность как опыт переживания субъектом своего «Я» в ходе интерсубъективного взаимодействия, а точнее коммуникации, достаточно полно описана в работах зарубежных исследователей [5, 10, 17–19, 33, 36–38]. В отечественной психологии проблематику идентичности ученые открывали посредством изучения самосознания [1, 7, 8, 11, 12, 16, 23, 25, 31, 32]. Однако понятия «самосознание» и «идентичность» не являются тождественными. Методологический ключ к изучению идентичности как социально-психологического феномена – в исследовании как сознательных, так и бессознательных психических процессов переживания «Я» субъектом. В связи с расширением методологической базы понятие «идентичность» прочно вошло в категориальный аппарат отечественной психологии; предметом исследований стали как сознательные аспекты идентичности, так и нерелексивные, ускользающие от контроля самосознания личностные содержания [3, 9, 13, 15, 20, 21, 26, 27, 30].

В представленной работе социально-психологическая проблематика идентичности сфокусирована на исследовании феномена предъявляемой идентичности, который не изучался на российском исследовательском материале. Термин «предъявляемая идентичность» был предложен Реймондом Фогельсоном [28], после-

дователем методологической школы символического интеракционизма, в рамках концепции «борьбы идентичностей». По Р. Фогельсону, предъявляемая идентичность представляет собой набор стилизованных «Я-образов», которые индивид в условиях некоторого социального контекста транслирует другим, стремясь сознательно, а чаще бессознательно, скорректировать впечатление о себе и повлиять на формирующийся социально-перцептивный образ.

Таким образом, предъявляемая идентичность – это самопрезентация, самопредъявление переживаний и представлений о себе. В данной статье представлены результаты исследования гендерных аспектов предъявляемой идентичности.

Общепризнано, что гендерные отношения пронизывают все сферы жизнедеятельности человека независимо от того, к какой культуре он принадлежит. Введение в исследовательскую сферу понятия «гендер», обозначающего пол человека в социальных характеристиках и культурных значениях, явилось одним из крупнейших достижений зарубежных и российских социальных наук конца XX – начала XIX в. Гендер как социально-психологическая категория стал еще одним важным критерием различения биологического (природного) и культурного (приобретенного) в человеке. В результате не пол человека, а именно гендер как гибкая социально-психологическая категория был включен в психотерапевтические практики и практики социальных изменений.

Гендерные социально-психологические исследования в аспекте изучения идентичности освещают проблему преобразования биологического различия субъектов в полоролевые формы субъектности и фокусируют внимание на социальных нормах, предписаниях и ролях, которые «делают» поведение субъекта маскулинным или феминным. За исключением параметров, обусловленных генетической программой созревания организма, большинство наблюдаемых психологических межполовых различий и гендерный идентификационный опыт индивидов определяются влиянием социального контекста. Важность изучения гендерной проблематики идентичности определяется фундаментальным положением о том, что гендерный идентификационный опыт индивидов является одной из базовых структур самосознания субъекта и играет важнейшую роль в процессе его психосоциального развития [29].

За последние десятилетия существенно изменился социально-психологический облик российских мужчин и женщин в связи с тем, что подверглись преобразованиям социальные ожидания, роли и конвенциональные требования соответствия половой адекватности. Макро- и микроэкономические, а также социально-политические изменения в стране позволили индивидам по-новому реконструировать «Я-образ», пересмотреть усвоенные в ходе социализации маскулинные и феминные жизненные сценарии, переоценить свои возможности и притязания, определить перспективы жизнетворчества, активизировать личностные ресурсы для выбора субъективных стратегий самореализации в рамках изменившихся гендерных стереотипов.

Гендерный подход в социально-психологических исследованиях предполагает изучение социальных аспектов пола и ролевой дифференциации по половому признаку [2, 4, 14, 35].

Эмпирическое исследование проводилось автором в ТГУ, в нем принимали участие студенты Высшей школы бизнеса и Юридического института ($n = 251$ человек, из них 112 юношей и 139 девушек в возрасте 17–20 лет). Использовались качественные методы сбора информации, диагностирующие осознаваемые и неосознаваемые аспекты предъявляемой идентичности студентов: авторский метод свободного рефлексивного самоописания на тему «Мое Я» и модифицированный проективный графический метод К. Махвер «Рисунок человека» [22].

Несмотря на абстрактный характер темы сочинения, студенты, характеризуя себя, довольно конкретно описывали «Других» как «Значимых» и «Обобщенных». В русле психосемантического подхода [28] методом контент-анализа сочинений-самоописаний [6], иллюстрирующих сознательные компоненты предъявляемой идентичности, были выявлены значимые для самоопределения личности семантические темы-признаки: фигуры «Других»; социально-ролевые позиции и коммуникативно-рефлексивные характеристики личности. Коммуникативно-нерефлексивные характеристики личности, иллюстрирующие бессознательные компоненты предъявляемой идентичности, выявлялись посредством контент-анализа графических признаков проективного рисунка человека, представляемого студентами.

Обратимся к результатам статистического анализа (метод параметрического корреляционного анализа по Пирсону), выявляющего значимые корреляции заданных параметров (табл. 1).

Результаты корреляционного анализа показывают статистическую значимость двух персонажей в предъявляемой идентичности студенток-девушек: «друзья» ($r = -0,17$), «близкие» ($r = -0,12$) и трех значимых персонажей в предъявляемой идентичности студентов-юношей: «общество» ($r = 0,14$), «все» ($r = 0,20$) и «девушки» ($r = 0,18$).

Влияние гендерных особенностей респондентов на презентацию наиболее значимых социальных ролей в предъявляемой идентичности отражено в табл. 2. Наиболее значимыми социально-психологическими ролями студенток-девушек стали: «близкий человек» ($r = -0,18$), «знакомая» ($r = -0,14$), а также «подруга», «младшая» и «юрист» ($r = -0,13$).

Результаты корреляционного анализа, выявляющего влияние гендерных особенностей респондентов на презентацию ими наиболее значимых коммуникативно-рефлексивных характеристик личности коммуникативного вектора «Я – Другой» (т.е. каким я вижу себя в отношениях с другими), представлены в табл. 3. Коэффициент корреляционной взаимосвязи коммуникативно-рефлексивной характеристики «испытывающая трудности в общении» с женским полом ($r = -0,31$) свидетельствует о том, что значимым для девушек является предъявление коммуникативных проблем. Так, имеются ссылки на отсутствие коммуникативных навыков выстраивания эмоционально теплых отношений и эффективного выхода из конфликтов.

Осознание и предъявление коммуникативных проблем свойственно в большей степени девушкам. На сознательном уровне девушки, в отличие от юношей, предъявляют гуманистический характер самоидентификации. Именно для девушек коммуникативно-рефлексивная характеристика «любящая людей» имеет статистически высокий коэффициент значимости ($r = -0,23$). Для юношей данная характеристика оказывается статистически незначимой. Идентифицируясь, студентки-девушки предъявляют такую коммуникативно-рефлексивную характеристику личности, как «требовательная в отношениях», коэффициент корреляции которой является значимым ($r = -0,19$). Юноши, в отличие от девушек, не предъявляют этой характеристики, вероятно, демонстрируя меньшую чувствительность к психологическому качеству контакта.

Наряду с презентацией коммуникативных проблем девушки предъявляют коммуникативную эффективность: высокую степень коммуникабельности, наличие коммуникативных навыков налаживания контакта с незнакомыми людьми, умение слушать, понимать и чувствовать собеседника, располагать его к доверию. Об этом свидетельствует значимый коэффициент корреляции ($r = -0,18$) коммуникативно-рефлексивной характеристики личности «не испытывающая трудности в общении».

Девушки демонстрируют также стремление активно противостоять общественному мнению. Этот тезис подтверждает положение, что коммуникативно-рефлексивная характеристика личности «критик-оппозиционер», имеет для женской выборки статистически значимый коэффициент корреляции ($r = -0,18$). Для юношей аналогичная коммуникативно-рефлексивная характеристика статистически незначима, следовательно, можно предположить, что для презентации мужского самоопределения борьба с общественным мнением не характерна.

Т а б л и ц а 1

**Корреляционная матрица зависимости фигур «Других» от гендерного фактора
в предъявляемой идентичности студентов ($p < 0,1$)**

Фигуры «Других»	Коэффициент корреляции
Общество	0,14
Люди; эгоисты; компания; дети-попрошайки; бомжи; многие	-0,08
Родители; сверстники; семья	-0,01
Всякий человек; окружающие	-0,11
Любящие; злые; болтливые; богатые; единомышленники; плохие; лжецы; лицемеры; безответственные; умные одноклассники; сестра; собеседник; старики	-0,06
Кто-то	0,10
Одногруппники; большинство; будущие дети; сильные	0,01
Родственники; старшие; соседи	-0,03
Друзья	-0,17
Любимый человек	-0,05
Близкие	-0,12
Толпа; знаменитости; равные мне	0,05
Преподаватели; коллектив	0,08
Молодые люди	0,04
Все	0,20
Девушки	0,18
Знакомые	-0,07
Лидеры; остальные	0,05
Посторонние; герои произведений	-0,04
Столетние долгожители	0,07
Брат; адиктивные (хулиганы, алкоголики, наркоманы)	0,10
Будущая жена; предатели; слабые; неформалы; артисты; просящие; спортивная команда; ансамбль; гости; «банда»; незнакомцы; бизнесмены; свои; старшекурсники; бабушка; недостойные	0,07

Т а б л и ц а 2

**Корреляционная матрица зависимости социально-ролевых позиций
от гендерного фактора в предъявляемой идентичности студентов ($p < 0,05$)**

Социально-психологическая роль	Коэффициент корреляции
Близкая	-0,18
Родственница	-0,04
Подруга	-0,13
Знакомая	-0,14
Студент	0,09
Девушка	-0,10
Школьник	0,02
Имеющая семью	-0,06
Дочь	-0,08
Сверстница	-0,01
Младшая	-0,13
Взрослая	-0,03
Юрист	-0,13

Предъявляют себя «закрытыми» в коммуникациях в большей степени студентки-девушки. Так, коммуникативно-рефлексивная характеристика личности «закрытая» имеет для женской выборки значимый коэффициент корреляции ($r = -0,16$). Девушки, представ-

ляя себя, демонстрируют низкую степень «объективности» самооценок при высокой степени самодостаточности как внутренней личностной силы. Коммуникативно-рефлексивные характеристики «самообесценивающая» и «самодостаточная» имеют для респонден-

тов женской выборки значимый коэффициент корреляции ($r = -0,15$ и $r = -0,13$ соответственно). В мужской части выборки значимых корреляций в связи с презентацией коммуникативно-рефлексивных характеристик коммуникативного вектора «Я – Другой» в предъявляемой идентичности не выявлено.

Обратимся к рассмотрению результатов статистического анализа коммуникативно-рефлексивных характеристик личности по критерию «Я в восприятии Другого» (коммуникативный вектор «Другой – Я») в самоидентификационном опыте студентов. Сразу следует отметить ограниченную представленность содержательного материала, иллюстрирующего «Зеркальное Я» в предъявляемой идентичности. В свободных описаниях студенты акцентируют внимание на определении себя в контексте самовосприятия, а не рефлексивного восприятия позиции «Другого» относительно своей личности. Результаты корреляционного анализа гендерных особенностей респондентов на презентацию наиболее значимых коммуникативно-рефлексивных характеристик коммуникативного вектора «Другой – Я» (каким я вижу себя с точки зрения других) в предъявляемой идентичности студентов представлены в табл. 4.

Результаты данного этапа исследования показывают статистическую значимость некоторых коммуникативно-рефлексивных характеристик личности коммуникативного вектора «Другой – Я» в предъявляемой идентичности женской части выборки. Наиболее статистически значимыми коммуникативно-рефлексивными характеристиками у девушек стали:

«причиняющая страдания» ($r = -0,15$), а также «сложная» и «дружелюбная» ($r = -0,14$). Таким образом, девушки склонны представлять себя со стороны «Других» в негативном образе агрессора и обидчика, они считают, что «Другие» представляют их «сложными», непонятными и в то же время «дружелюбными». В мужской части выборки значимых корреляций в предъявляемой идентичности не выявлено.

Идентичность личности не тождественна ее самосознанию, поэтому наряду с вербальными формами описания самоидентификаций важно исследовать невербальные, проективные способы предъявления идентичности. Данная задача была реализована посредством использования модифицированного проективного метода К. Махвер «Рисунок человека» (2003). Модификация метода заключается в анализе личности, основанном на интерпретации «особенного» рисунка человека – предъявления *себя* в виде человеческой фигуры. Будучи проективным, данный метод помогает раскрыть глубинные, неосознаваемые и малоосознаваемые паттерны самовыражения респондентов, которые не могут открыто проявляться в сознательном самовыражении и прямой коммуникации. Таким образом, изучались глубинные, бессознательные аспекты переживания «Я» личностью. Результаты корреляционного анализа, выявляющего влияние гендерных особенностей респондентов на презентацию наиболее значимых социальных ролей в самоидентификационном опыте студентов, представлены в табл. 5.

Таблица 3

Корреляционная матрица зависимости коммуникативно-рефлексивных характеристик личности коммуникативного вектора «Я – Другой» от гендерного фактора в предъявляемой идентичности студентов ($p < 0,05$)

Коммуникативно-рефлексивные характеристики коммуникативного вектора «Я – Другой»	Коэффициент корреляции
Нетерпимая к людям	-0,12
Любящая людей	-0,23
Выдающаяся; избирательная в симпатиях	-0,03
Обычный	0,10
Привлекающая внимание	-0,06
Своеобразная; общительная; последовательная	-0,07
Испытывающая трудности в общении	-0,31
Не испытывающая трудности в общении; критик-оппозиционер	-0,18
Подверженная влиянию	-0,08
Независимый; ориентированный на социальное окружение	0,03
Использующий людей	0,06
Подстраивающийся	0,02
Неискренняя	-0,12
Аналитик	0,00
Самообесценивающая	-0,15
Закрытая	-0,16
Требовательная в отношениях	-0,19
Самодостаточная	-0,13

Таблица 4

Корреляционная матрица зависимости коммуникативно-рефлексивных характеристик коммуникативного вектора «Другой – Я» от гендерного фактора в предъявляемой идентичности студентов ($p < 0,05$)

Коммуникативно-рефлексивные характеристики коммуникативного вектора «Другой – Я»	Коэффициент корреляции
Несамостоятельная; самостоятельная; эмоциональная; спокойная; равнодушная; открытая	-0,06
Неблагополучная	-0,13
Привлекающая внимание; благополучная	-0,11
Сложная; дружелюбная	-0,14
Безответная	-0,02
Выдающаяся	-0,01
Причиняющая страдания	-0,15
Себялюбивая; энергичная	-0,10
Закрытая; неприметная; понятная; общительная	-0,03
Целеустремленный	0,01
Красивая	-0,08
Упрямый	0,07

Таблица 5

Корреляционная матрица зависимости коммуникативно-нерефлексивных характеристик личности от гендерного фактора в предъявляемой идентичности студентов ($p < 0,05$)

Коммуникативно-нерефлексивные характеристики	Коэффициент корреляции
Инфантильная	-0,07
Не придающая значимости общественному мнению	-0,27
Замкнутый	0,08
Неуверенный	0,03
Эмоционально примитивный (прямолинейный)	0,15
Придающий значимость общественному мнению	0,32
Стремящийся к доминированию	0,05
Испытывающая трудности в социальных контактах	-0,04
Демонстративная	-0,42
Высокомерный	0,03
Неискренний в общении	0,01
Активный	0,06
Негибкая в контактах (упрямая)	-0,05
Импульсивный	0,02
Уязвимый	0,21
Агрессивный	0,11
Противоречивая в стремлении к независимости	-0,04
Гибкая в контактах	-0,19
Стремящийся к более активным коммуникациям	0,09
Готовый к обороне	0,05
Общительная (речевая активность)	-0,02

Результаты данного этапа исследования показывают статистическую значимость некоторых коммуникативно-нерефлексивных характеристик личности как для женской, так и для мужской части выборки. Статистически значимыми в предъявляемой идентичности девушек стали: «демонстративная»

($r = -0,42$), «не придающая значимости общественному мнению» ($r = -0,27$) и «гибкая в контактах» ($r = -0,19$). Таким образом, подтвердились предположения о том, что бессознательное самопредъявление в контексте демонстративности характерно в большей степени для женского самоопределения.

Кроме того, для женского самоопределения характерно бессознательное стремление предъявлять коммуникативную гибкость, а также пренебрежение общественным мнением.

Наиболее значимыми коммуникативно-нерефлексивными характеристиками личности в структуре предъявляемой идентичности юношей стали: «*придающий значимость общественному мнению*» ($r = 0,32$), «*уязвимый*» ($r = 0,21$) и «*эмоционально примитивный*» ($r = 0,15$). В отличие от девушек, юноши, предъявляя идентичность на бессознательном уровне, презентуют значимость общественного мнения, проявляют внутреннюю ранимость, уязвимость и чувствительность. Однако наряду с этим они бессознательно склонны предъявлять себя эмоционально примитивными, прямолинейными и грубоватыми.

Интерпретируя полученные результаты, можно утверждать следующее:

- юноши в процессах самоидентификации ориентируются на более широкий социальный контекст макровзаимодействия с «Другими», в отличие от девушек, ориентированных на более узкий контекст микровзаимодействия;
- имеется некоторое противоречие в переживании ролевой принадлежности со стороны девушек: с одной стороны, для них значимо и психологически комфортно несколько «инфантильное» переживание себя в социально-психологической роли «младшей», с другой – в их самосознании полным ходом идет процесс кристаллизации профессиональной идентичности, судя по высокой степени значимости переживания себя в во «взрослой» профессиональной роли;
- важными для женского самоопределения, в отличие от мужского, являются эмоционально близкие

дружеские и родственные контакты, о чем свидетельствует высокая значимость социально-психологической роли «близкого человека», которую девушки активно присваивают и предъявляют в ходе самоидентификации;

- для мужской выборки в меньшей степени характерна самоидентификация в контексте формализованных социально-психологических ролей;
- на сознательном уровне девушки предъявляют себя переживающими коммуникативные проблемы, любящими людей, требовательными в отношениях, стремящимися активно противостоять общественному мнению и демонстрируют большую коммуникативную эффективность, неконформизм и гуманизм по сравнению с юношами;
- девушки демонстрируют также и большую рефлексивность, судя по тому, что, в отличие от юношей, чаще предъявляют «зеркальные» представления о себе с точки зрения «Других»;
- на бессознательном уровне юноши предъявляют себя эмоционально примитивными, прямолинейными и грубоватыми, что свидетельствует о глубоком усвоении социальной установки на «маскулинность», но при этом неосознанно проскальзывает переживание собственной ранимости, уязвимости и чувствительности, что стереотипно связывается в обществе с не поощряемыми для мужчин «феминными» качествами, поэтому почти не осознаваемыми юношами;
- наряду с типично женскими проявлениями на бессознательном уровне демонстративности и коммуникативной гибкости можно говорить о тенденциях маскулинизации девушек в связи с предъявлением себя многими из них в мужском образе.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности. М.: Московский психологический институт, 1999. 216 с.
2. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74–82.
3. Антонова И.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
4. Араканцева Т.А., Дубовская Е.М. Полоролевые представления современных подростков как действенный фактор их самооценки // Мир психологии. 1999. № 3. С. 147–155.
5. Бергер П., Лукман Т. Идентичность // Психология самосознания: Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2000. С. 567–588.
6. Богомолова Н.Н., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ: Спец. практикум по социальной психологии. М., 1992. 63 с.
7. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды. М.: НПО МОДЭК, 2001. 349 с.
8. Боева Л.П. Человек: Деятельность и общение. М.: Мысль, 1978. 216 с.
9. Буякас Т.М. О проблемах становления чувства самоидентичности у студентов-психологов // Вестник МГУ. 2000. № 1. С. 56–63.
10. Бьюдженталь Дж. Ф.Т. Предательство человечности: Миссия психотерапии по восстановлению нашей утраченной идентичности // Эволюция психотерапии. М., 1998. Т. 3. С. 180–203.
11. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5–361.
12. Гинзбург М.Р. Психология личностного самоопределения: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1996. 60 с.
13. Идентичность в норме и патологии / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. Новосибирск: НГПУ, 2000. 256 с.
14. Каган В.Е. Стереотипы мужественности-женственности и образ «Я» у подростков // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 40–57.
15. Казанская А.В. Текущая идентичность // Московский психотерапевтический журнал. 1998. № 2. С. 67–85.
16. Кун И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
17. Кохут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
18. Кун М., Макпартленд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 180–187.

19. Лэйнг Р.Д. «Я» и Другие. М., 2002. 192 с.
20. Лукьянов О.В. Динамика идентичности в образовательном опыте // Поиск идентичности – экзистенциальный опыт в образовании. Томск: Спринт, 2001. С. 11–191.
21. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.
22. Маховер К. Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 2003. 157 с.
23. Мерлин В.С. Структура личности: характер, способности, самосознание. Пермь: ПГПИ, 1990. 107 с.
24. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 226.
25. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности: Избранные психологические труды. М.: Московский Психологический институт, 1999. 635 с.
26. Орестова В.Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2001. 29 с.
27. Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М., 2001. 52 с.
28. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997. 400 с.
29. Столин В.В. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983. 284 с.
30. Сухачев В.Ю. Пределы идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. 4, № 21.
31. Хараш А.У. «Другой» и его функция в развитии «Я» // Общение и развитие психики. М.: АПН СССР, 1986. С. 31–46.
32. Чеснокова И.И. Проблемы самосознания в психологии. М.: Наука, 1997. 144 с.
33. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
34. Breakwell G.M. Coping with threatened identities. L.: Mithuen, 1986. 222 p.
35. Deaux K. Psychological constructions of masculinity and femininity / Ed. by J.M. Reinisch, L.A. Rosenblum and S.A. Sanders. Masculinity/ Femininity: Basis Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 1987.
36. Fogelson R.D. Person, self and identity. Some anthropological retrospects, circumspects and prospects // Psycho-social theories of the self / Ed by B. Lee. N.Y.: Plenum Press, 1982. P. 115–132.
37. Marsia J.E. Ego identity status: Relationship to change in Self-esteem, «general maladjustment» and authoritarianism // Journal of Personality. 1967. № 35. P. 118–133.
38. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and a review of research // Developmental psychology. 1982. Vol. 18, № 3. P. 341–358.

GENDER ASPECTS OF THE RELATIONS WITH «OTHERS» IN PRESENTED IDENTITY OF STUDENTS

N.V. Pisarenko (Tomsk)

Summary. It is motivated urgency of consideration of the problem of self-identity, as the phenomenon having intersubjective nature. Gender aspects presented identity of students are studied by means of statistical methods of the research.

Key words: identity, presented identity, intersubjective interaction, gender.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Н.А. Тренькаева (Томск)

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о взаимодействии процессов социальной адаптации и личностного самоопределения, рассматривается возможность практического разрешения этой проблемы с позиции постъюнговского типологического подхода.

Ключевые слова: социализация, социальная адаптация, личностное самоопределение, жизненные программы личности, морфофункциональная организация полушарий мозга.

Социализация – необходимый и неизбежный феномен человеческой жизни, которая социальна по своей сути. Многочисленные исследования на тему социализации, а также исследования автора убедительно показывают, что этот процесс, как и любое другое явление человеческой жизни, имеет две стороны. С одной стороны, социализация – это процесс, благодаря которому, человек становится полноценным членом общества, это способ вхождения в культуру, что является безусловной ценностью и необходимостью для любого человека. С другой стороны, социализация, это форма (способ) ограничения бытия человека рамками отдельно взятой культурной традицией и связанной с ней восприятием окружающего мира [7].

Двуединство этих аспектов процесса социализации порождает различные психолого-педагогические проблемы, которые с большим или меньшим успехом разрешаются педагогами и психологами. На сегодняшний день актуален вопрос о том, как оптимально сочетать развитие индивидуальности, чувства свободы и независимости в процессе воспитания, который можно назвать производной от более масштабного процесса – социализации, с развитием способности приспособливаться к не всегда благоприятным для человека или даже враждебным по отношению к нему воздействиям среды, в той или иной мере утрачивая свою индивидуальность. Эта проблема исследуется в рамках изучения соотношения процессов социализации и индивидуализации [4, 6, 7, 9, 11].

Наиболее ярко проблема соотношения процессов социализации и индивидуализации проявляется в подростковом и юношеском возрасте. Б.М. Мастеров [8] отличает диалектический драматизм столкновений процессов социальной адаптации и личностного самоопределения; подросток, вступивший в период освоения себя через общение со сверстниками, уже находится на пути саморазвития. Самой большой неудачей здесь может стать прекращение саморазвития, т.е. окончательного доминирования адаптивной активности над неадаптивной. В этом случае подросток становится пассивной игрушкой ролевых ожиданий социально-психологических стихий подросткового и взрослого миров или пассивным усвоителем социальных норм, конвенциональных чувств, мыслей, способов жизни. Социально та-

кая личность вполне может быть успешна, поскольку мерилom успешности будет всё та же конвенциональная нормативность. Однако индивид здесь превращается в социального функционера [8].

Можно сказать, что в настоящее время проблема соотношения процессов социализации и индивидуализации находит своё отражение в различных исследованиях, посвящённых развитию и становлению личности, например, изучение жизненных программ человека [1]. По мнению Р.А. Ахмерова, необходимо различать две основные жизненные программы, условно обозначенных им как «внешняя» и «внутренняя». Цель внешней программы – социально-психологическая адаптация к социуму. Цель внутренней программы – самореализация. Другими словами, успешная жизнь в обществе (адаптация к окружающей социальной среде), не всегда способствует самореализации. Цели во внешней жизненной программе способствуют не самореализации, а лишь адаптации. Это может проявиться в том, что наличие успешной адаптации к социуму, социально значимых достижений (по критериям общества) не приводят к переживанию удовлетворенности процессом жизни, смыслонаполненности жизни (чего-то не хватает). Этот вывод согласуется с результатами экспериментальных данных, полученных автором в рамках изучения проблемы соотношения процессов социализации и индивидуализации [10].

Р.А. Ахмеров отмечает, что выделенные два типа жизненных программ созвучны с представлениями: С. Франка (1992) – о пути мирянина и отшельника, святых; С.Л. Рубинштейна (1976) – о двух способах существования человека и отношения к жизни: (первый – жизнь не выходящая за пределы непосредственных связей, второй связан с рефлексией, выводит человека за пределы непосредственной жизни), Ю.Ф. Шрейдера (1999) – о двух способах существования человека (один отвечающий необходимости выживания, воспроизводства жизни, другой – стремлении к свободе человеческого духа, нравственности). В этом смысле К.А. Абульханова-Славская и Т.Н. Березина выделяют законы существования объективной необходимости и законы духовного осуществления человеком своей сущности (2001). Как правило, социум не создает оптимальные условия для реализации внутренней программы. В этом аспекте

А. Маслоу и Э. Фромм указывали на то, что общество не способствует полной самоактуализации личности. Наоборот, своими нормами, ценностями оно зачастую ставит ограничения личностному развитию. А. Маслоу мечтал об идеальном обществе – Эвпсихее (1999), Э. Фромм – о социальной реформе для формирования «продуктивного характера» (1990).

Аналогичную идею высказывает Д.А. Леонтьев [7] о двух путях обретения смысла в жизни, при переживании бессмысленности и неудачи в самореализации: путь адаптации – приведение смысла своей жизни в соответствие с реальностями жизни, и путь самореализации – приведение жизни в соответствии со своим смыслом. Каждому из нас, по его мнению, в поисках смысла жизни приходится выбирать или программу адаптации, или программу самореализации, или метаться между двумя программами. Редко кому удастся гармонично сочетать оба типа жизненных программ.

Таким образом, можно выделить две жизненные программы личности – социально-психологической адаптации к социуму (поощряемая обществом) и самореализации (не всегда совпадающая с программой социально-психологической адаптации личности к социуму). Программа самореализации зачастую может и не осознаваться личностью. Её жизненная активность может снизиться при переживании того, что программа адаптации не способствует самореализации, и проявляться в переживании смыслоутраты, в биографических кризисах [1].

Рассматривая эту проблему в практической плоскости, обратимся к исследованию Г.И. Марасанова и Н.А. Рототаевой [10], посвященное изучению социальной компетентности. С нашей точки зрения, социальную компетентность можно рассматривать как результат процесса социализации. Проводя параллели между социализацией и социальной компетентностью, авторы выделяют три составляющих последней – профессионализация, социальная адаптация и личностное самоопределение. Диалектическое противоречие между процессами социальной адаптации, отражающими движение субъекта к обществу, к его познанию и завоеванию, и процессами личностного самоопределения, отражающими движение субъекта навстречу себе, к самопознанию, к самопостроению личности, по мнению исследователей, разрешается в ходе процесса профессионализации. В качестве характеристик успешной социальной адаптации в подростковом возрасте исследователями выделяются:

- сформированность и системная взаимосвязанность таких основных структур Я-концепции, как позитивное самоотношение, дифференцированный образ себя, адекватная система самооценок;
- восприятие текущих личностных проблем как временных и подающихся изменениям;
- активный поиск и освоение новых для субъекта форм социального поведения, новых социальных ролей.

В качестве сущностных характеристик личностного самоопределения как слагаемого социальной компетентности выделяются следующие:

- оптимистическая личностная установка на будущее, склонность к конкретизации и планированию желаемого будущего;
- гармоничное сочетание разнонаправленных ценностных ориентаций, связанных с самореализацией в социальной сфере и одновременно с личностной независимостью от социума;
- сформированность открытой для изменений внутренней (субъективной) картины мира и начальных представлений об основных направлениях своего жизненного пути.

Целевое комплексное моделирование локальной социокультурной среды является, по мнению Г.И. Марасанова и Н.А. Рототаевой, эффективным и действенным средством развития социальной компетентности учащихся юношеского возраста. Одним из принципов моделирования социокультурной среды является принцип вариативности, предполагающий, что у любого учащегося должен быть выбор возможно большего количества вариантов самореализации. Здесь имеется в виду не только общественная жизнь, требующая развития коммуникативной компетентности, но и возможности для личностного самоопределения тех учащихся, которые не имеют сильно выраженной потребности в общении. В практическом воплощении принцип вариативности предполагает не только альтернативы в выборе общественных объединений, но и разнообразные возможности для проявления себя в индивидуальных видах деятельности [10].

Исследование Г.И. Марасанова и Н.А. Рототаевой позволяет перевести разговор о возможности оптимального (или даже гармоничного) сочетания процессов социальной адаптации и самореализации из плоскости теоретической в плоскость практическую. Иными словами, перед исследователями встаёт вопрос о том как, каким способом определить ту сферу деятельности, в которой человек может и самореализовываться, следуя своим внутренним программам, и достигать социально значимых целей.

Мы предполагаем, что существенную помощь учащимся при осуществлении выбора вида деятельности для самореализации может оказать использование информации о морфофункциональной организации и специализации полушарий мозга. В результате многолетних исследований нами было установлено, что структура функциональной асимметрии мозга значительно влияет на особенности развития личности [3, 4, 5, 11]. Морфофункциональная организация и специализация полушарий мозга имеет типическую природу, вследствие чего среди всего многообразия людей можно выделить 16 психофизиологических типов [2]. Каждый из них имеет специфический набор психологических особенностей, которые адекватно описыва-

ются в терминах типологии К. Юнга [3]. Мы считаем, что развитие человека в соответствии с его типологической принадлежностью к одному из этих типов и следует рассматривать как природосообразное, в полной мере обуславливающее возможность раскрытия его природных потенциальных возможностей и становление его индивидуальности [11].

Проведение диагностики типологической принадлежности учащихся с последующей консультативной работой может помочь ему определиться с выбором деятельности, исходя из своих собственных потребностей и возможностей, обусловленных, в том числе, и психофизиологическими особенностями. Данный подход, на наш взгляд, направлен на осуществление экологического принципа в развитии учащихся, максимально учитывающего их индивидуальные, генетически обусловленные особенности при осуществлении выбора вида деятельности с целью самореализации. Если этот выбор делается без учёта своих психофизиологических особенностей, исходя только из социальных факторов, это может препятствовать развитию личностного самоопределения как слагаемого социальной компетентности, постольку поскольку, может возникнуть конфликт между потребностями и возможностями их реализации. Подобный конфликт, в свою очередь, может привести к ситуации неуспеха и развитию таких личностных характеристик как неуверенность, низкая самооценка, тревожность [6, 7, 11].

Мы считаем, что преодолеть эту ситуацию возможно, используя данные об изначальных, базовых особенностях развития психики человека. В свою очередь, эти особенности, по нашему мнению, в значительной степени детерминируются типичными психофизиологическими способами восприятия и оценки информации, обусловленными морфофункциональной организацией полушарий мозга и их специализацией. Эти способы и связанные с ними психические установки образуют несколько типов устойчивых сочетаний, т.е. имеют типологическую природу [2].

Мы предполагаем, что учёт индивидуальных предпосылок развития, которые отражены в феномене психофизиологического типа, будет способствовать более полному развёртыванию процессов индивидуализации и личностного самоопределения.

Используя информацию о психофизиологическом типе функциональной асимметрии мозга, можно помочь молодому человеку получить доступ к своим ресурсным возможностям и, по необходимости, либо переструктурировать свою деятельность, либо вообще сменить её на более соответствующую его склонностям, обусловленным морфофункциональной организацией полушарий мозга и их специализацией. Если активность субъекта будет учитывать эти индивидуальные особенности, то, на наш взгляд, он сможет быть более продуктивным и успешным, как в ситуации социальной адаптации, так и личностного самоопределения.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-06-06014 а.

Литература

1. Ахмеров Р.А. Жизненные программы личности // Наука и практика. Диалоги нового века: Материалы международной научно-практической конференции. Набережные Челны: Изд-во Камского государственного политехнического института, 2003. Ч. 1. С. 3–4.
2. Богомаз С.А. Психологические типы К. Юнга, психофизиологические типы и интертипные отношения. Томск, 2000.
3. Богомаз С.А. Модель психических ориентаций и психофизиологические типы // Пути становления субъекта в информационном обществе: Материалы Всероссийской научной Internet-конференции (22–26 марта 2004 года). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. С. 20–26.
4. Богомаз С.А., Тренкаева Н.А. Проблема смыслов сквозь призму типологического подхода // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 97–99.
5. Богомаз С.А., Тренкаева Н.А. Психофизиологические основания типологии Юнга и представление о психофизиологических и коммуникативных типах // Вестник интегративной психологии. Ярославль, 2005. С. 67–69.
6. Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребёнка. СПб.: Речь, 2004. 268 с.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
8. Мастеров Б.М. Психология саморазвития: психотехника риска и правила безопасности. Рига; Москва, 1997. 187 с.
9. Мудрик А.В. Общение в процессе воспитания. М., 2001. 319 с.
10. Марасанов Г.И., Рототаева Н.А. Социальная компетентность. Психологические условия развития в юношеском возрасте. М.: Когито-Центр, 2003. 171 с.
11. Тренкаева Н.А., Богомаз С.А. Выявление и оценка психологических эффектов социализации при формировании коммуникативного типа у лиц разного возраста // Менталитет и коммуникативная среда в транзитном обществе: Сборник статей / Под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьёвой. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 244–253.
12. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2000. 490 с.

SOCIAL ADAPTATION AT UVENILE AGE: POSSIBILITY AND PROSPECTS OF THE STUDY
N.A. Trenkaeva (Tomsk)

Summary. Question is discussed in the paper about interaction of the processes of social adaptation and larval self-determination, is considered possibility of the practical permit of this problem with positions postjung typology of the approach.

Key words: socially-psychological adaptation, socialization, individualization, self-determination, life programs to personalities, morphofunctional organization hemisphere brain.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И БАРЬЕРЫ НЕПОНИМАНИЯ

Л.В. Шабанов (Томск)

Аннотация. Метафора часто становится причиной коммуникативных барьеров в области гуманитарных наук, превращаясь в адиафорическую игру слов.

Ключевые слова: коммуникативный барьер, метафора, модель, адиафора.

Начало III тысячелетия в научной среде России ознаменовалось становлением постсоветского поколения молодых ученых, что вызвало методологические трения между представителями «старой» (ориентированной на терминологическую коммуникацию) и «новой» (ориентированной на метафорическую коммуникацию) научных школ [1]. Конечно, говорить о банальном конфликте поколений в сфере методологических «отцов» и «детей» нельзя, т.к. нет жестких возрастных границ внутри этих двух лагерей. Но общая проблема категорий и понятий, как и проблема понимания и ответственности, порождает в области гуманитарных наук непрекращающиеся споры, которые можно было бы условно разделить на три направления:

1) в какой мере нужно использовать «точные» методы, повсеместное внедрение которых давно стало свершившимся фактом. Представители классической научной школы считают, что исследования возможны только по факту свершившегося феномена, даже опыт исследования формирования новых образований должен изучаться «по факту»;

2) склонность к исследованиям таких интимных сторон внутреннего мира личности, как любовь, вера, переживание и смысл жизни, т.е. неклассический подход, изучающий нечто прогрессивное, живое в процессе становления;

3) кроме классического и постклассического направлений, не просто существует, но и оформился как самостоятельный принцип постнеклассический метод научного исследования и анализа, обращенный к переходным фазам преобразования возможностей в действительность.

Помимо этого, за последние 30–35 лет разработаны новые методологии психологического исследования, позволяющие охарактеризовать то, как человек воспринимает и представляет мир, в котором он живет, в какой-то степени увидеть мир его глазами, отразить себя в мире и мир в себе [2, 3]. Однако конкретные результаты, полученные исследователями, остаются крайне разобщенными, а существующие теоретические подходы описывают либо «человека в мире», либо «мир в человеке». И сейчас в большей степени, чем пятьдесят лет назад, психолог «...напоминает строителя, стоящего перед грудой строительных материалов и готовых блоков, но не имеющего в голове эскиза будущего грандиозного здания» [4. С. 48].

Существующая на сегодняшний день несовместимость научных и методических подходов порождает, в частности, взаимное непонимание между психологами-исследователями и психологами-практиками, которые говорят на разных языках. Проблема социального самосознания и идентификации осознается в системе современного гуманитарного знания как одна из актуальнейших и является базовой в постановке и разрешении проблем межличностного, группового, межкультурного, межкультурного диалога, в том числе и диалога культур в пределах одного этнического сообщества.

Очень часто мы выходим на парадокс непонимания диалоговых коммуникаций именно в поле разных подходов, когда «страшно не то, что люди не понимают друг друга, а то что, при этом говорят они об одном и том же» (старинная немецкая пословица). В области психологии, которая до сих пор не преодолела статуса молодой науки, на наш взгляд, проблема заключается как раз в языке как понятийно-категориальном аппарате науки: очень часто мы сталкиваемся с явным дефицитом понятных или взаимноидентичных терминов, а также их замещением неким метафорическим языком. Ведь если мы возьмем за точку идентификации некое целое, то разрушим эту целостность на составляющие, относительно которых необходимо произвести идентификацию. Поэтому одной из важнейших составляющих самоидентификации, на наш взгляд, является сама метафоричность сознания человека и ее проявление в метафоре. Человек через метафору часто не просто самовыражается, но и идентифицирует себя с тем социумом, который склонен ожидать от этого человека именно такого метафоричного (непрямого) диалога, чтобы максимально неконфликтно фасилитировать его включение (или исключение) из собственной среды.

В современной психологии метафора интерпретируется не только как феномен языка, но и как феномен сознания, *повседневная концептуальная реальность*, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой; как бы защищаясь от возможных противоречий, не смотрим на предмет прямо, но работаем с его подобием [5]. Помимо этого, существенные изменения претерпели представления о детерминизме как в живой, так и в неживой природе в связи с открытием и изучением так называемых бифуркационных процессов, характеризующих пороговое не-

устойчивое состояние какой-либо системы, в котором осуществляется ее переход в одно из множества допустимых устойчивых состояний, причем в какое именно – предсказать невозможно [6, 7]. Явление бифуркации открывает возможность непротиворечиво включить в научную картину мира специфически человеческий феномен свободы выбора, признав за ним не только субъективную, но и объективную реальность [8. С. 79]. Ведь даже в неживой природе детерминизм не имеет всеобщего характера, он дополняется случайностью; человек же, хоть и не может избежать детерминированности, в состоянии подчинить себе случайность [9].

Своеобразной «болезнью» современных гуманитарных наук становится подмена понятий, когда в качестве итога подобного действия мы получаем вместо метафоры (*перенос значения как образное сравнение*) адиафору (*безразличное или малозначительное слово, выражение*).

В данном контексте одной из центральных точек в поле исследования становится проблема своеобразия языкового метафорического миромоделирования, наиболее скрытого, но глубинного и базисного типа, и его соотношения с другими картинами мира. Сегодня внутри гуманитарно-ориентированных наук термин «картина мира» все больше и больше уходит от социального звучания к индивидуальному (личностному). Однако очень часто это особое личностное звучание остается не только оторванным от действительности, но и полностью нивелирует ее. Личность внутри социализации начинает искать свое коллективное «Я» – новое «социальное тело», но в атомизированном обществе чаще всего человек просто не может раскрыться или выйти на прямую открытую коммуникацию.

Таким образом, вместо формулы адекватной социализации (объект социального воздействия переходит в позицию активного субъекта) в транзитивном атомизированном обществе мы видим поиск социальности как некоей социальной субкультурной ниши, которая пока не сформулировалась и выделяется из общественного фона только по некоторым признакам.

Подобного рода «оторванность» возводит массу искусственных коммуникативных барьеров, и наша социализация как адекватное включение в общество подменяется включенностью индивида в некую аудиторию на основании суммы его потребностей и немотивированного (часто неосознанного, бессмысленного) потребления. Значит, такая постановка проблемы требует обращения к методологическим установкам когнитивной психологии. При достаточной методологической сложности различения в структуре психологических школ именно когнитивных концепций [10. С. 90–96] мы можем отметить, что когнитивная лингвистика интерпретирует «воплощенное» мышление, обусловленное телесным, перцептивным, мотор-

ным опытом человека. В интерпретации когнитивной лингвистики мышление предстает как образная система, огромные смысловые пространства которой не являются непосредственным отражением действительности, но представляют совокупность метафорических и метонимических образов.

На наш взгляд, базисностью метафорического моделирования смыслов в языке в целом, генетической первичностью в выстраивании семантики естественных языков (элементы мифологического мышления) можно объяснить то, что обширные, ключевые концептосферы человека моделируются через метафорические смысловые схемы. Б. Ли Уорф, выстраивая концепцию лингвистической относительности, подчеркивал роль метафоры в процессах языкового моделирования: средством объективации многих абстрактных категорий – длительности, интенсивности, направленности и др. – является нить рассуждений собеседника, но если их уровень слишком высок, внимание слушателя может рассеяться, потерять связь с их течением [11. С. 151]. «Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке. Об этом важно помнить, если мы хотим совершенствовать теорию метафоры. Нашим методом должно стать пристальное наблюдение над умением мыслить» [12. С. 47].

Если в рамках когнитивистских теоретико-методологических установок возможна наиболее полная интерпретация метафоры, то для интерпретации подмены метафоры на адиафору, на наш взгляд, лучше обратиться к когнитивной лингвистике, которая формирует представление об «экологическом мышлении», оперирующем гештальтами. Мы получаем некоторое противоречие: с одной стороны, мы метафоричны и имеем постоянную потребность к творческому самовыражению через определенного рода коммуникативные формы, но с другой – нас преследует конкретный социальных страх, который выражается через комплекс «белой вороны». Происходит несколько видов коммуникативных нарушений: во-первых, нарушение совпадения с импульсами и частичного их торможения, необходимого в социуме; во-вторых, нарушение идентификации и систем связей, которые проявляются через дезорганизацию ориентиров идентификации и границ собственного «Я»; в-третьих, нарушение уверенности и структуры разделяемых представлений, сбой работы смысловой сферы и интерпретации [13. С. 6–7]. Именно это заставляет нас подменять полноценный диалог «косметическим» общением.

Получается явная фальсификация общения, когда мы не имеем ни цели, ни задач, ни проблемы, у нас есть немотивированная потребность общаться, потому что это принято, это необходимо, это модно. Любые метафоры внутри данного коммуникативного поля – это всего лишь дежурный набор слов, который необходимо произнести для уточнения сво-

его места в той или иной социальной нише. Позиция метафоры заменена на адиафору при попустительстве аудиторного большинства.

Принципиально иным способом интерпретируется и взаимоотношение мышления с языком. Язык рассматривается не как автономная система, а как способность, обусловленная общими когнитивными механизмами, как открытая система, свойства которой определяются общими процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого опыта; утверждается взаимозависимость, взаимовлияние разных уровней в процессе анализа человеком языковых сообщений. Метафора здесь становится ключом к пониманию основ мышления и процессов создания ментальных представлений о мире. Таким образом, метафора связана с логикой, с одной стороны, и мифологией – с другой.

Но что дает нам переход из республики метафор (а метафоры, пожалуй, самая демократичная часть языка) к диктатуре адиафор (тотальность которых закрывает и убивает язык)? Общество превращается в аудиторию, живущую по программе, общение переходит в контакт (в переводе с лат. *заражение*), педагогика – в клиентеллу (*послушание*), любовь – в консумацию (*потребляю*) и т.д. и т.п.

Интуитивное чувство сходства вроде бы похожих процессов играет огромную роль в практическом мышлении, определяющем поведение человека, и оно не может не отразиться в речи. К примеру, и американец, и англичанин, спрашивая вас: «How do you do?» – реально не интересуются вашими делами. Другой социально-антропологический пример: выражение «Make love» на русском не имеет высоких романтических интерпретаций; если француз Пьер Рулен смотрит в зеркало и видит свое отражение, то он считает, что *le miroir lui a renvoyé l'image de Pierre Roulin* (зеркало показало ему картину, изображающую Пьера Рулена). Или пример с оценочно-цветовой гаммой типа «красные чернила», когда мы можем интерпретировать фразу как нонсенс (разве может быть черное красным или красное черным?) или подойти с точки зрения более вероятного появления этого словосочетания (с точки зрения использования): чернила – красящая жидкость для письма, т.е. существительное, обозначающее вещество, которым пачкают белую бумагу (например, создают черновик статьи, а потом переписывают его набело); противоречие исчезает.

В практике жизни образное мышление позволяет человеку не только идентифицировать индивидуальные объекты (в частности, узнавать людей), не только устанавливать сходство между областями, воспринимаемыми разными органами чувств, и отражать его в речи (явление синестезии: холодный ветер и холодный взгляд), но и улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом (человек идет, дождь идет, время идет, жизнь

идет). Влияние такого мировосприятия на характеристики воспринимаемых и осознаваемых нами ситуаций иллюстрирует пример, который приводит В.Н. Тростников: «Разве Ньютон видел то же самое, что и другие, созерцая сложную картину окружающего мира, когда с дерева упало яблоко? Ведь он, вероятно, видел в этот момент не только яблоко, но и часть поверхности другого тела – огромной Земли, в то время как другие в аналогичных случаях видели лишь яблоко и траву под яблоней» [13. С. 88].

Взаимосвязь личности и внешней по отношению к ней системы (среды) воздействий возникает только в процессе деятельности (творение мира вокруг себя). Являясь формой взаимосвязи субъекта с объектом, деятельность выступает как механизм детерминирующего воздействия на личность. А.Н. Леонтьев считает, что сами предметы способны приобретать качества побуждений, целей, орудий только в системе человеческой деятельности; изъятые из связей этой системы, они утрачивают свое существование как побуждения, как цели, как орудия [6].

С этой позиции даже неодушевленный предмет обретает чисто человеческие (личностно-значимые) качества: «Помнит лодка причал, а весло помнит воду реки. Помнит бумага перо, а перо помнит тепло руки. Стены и двери помнят людей, каждого в свой срок. Помнит дорога ушедших по ней. Помнит выстрел курок» (А. Макаревич, 1987). У стола появляются свои ожидания, потому что любой предмет, попадая в поле человеческого, приобретает и человеческие качества (Постулирующий метод К. Леви-Стросса). Если же я откажусь от своей проекции – видеть в некоем наборе разнокалиберных деревяшек стол, я выключу его из реальности, т.е. действительности нет (концепт методики В.Е. Ключко).

Естественная наука, становясь все более и более гуманистичной, говорит о необходимости аккуратного отношения к целостности, в то время как гуманитарные сферы, получается, забыли о том, что греки не только называли человека микрокосмосом, но и космос – макантропом.

Аналогии, основанные на ключевой метафоре, вводит в свою систему автор теории фреймов (сценарии, в контексте которых изучаются предметные и событийные объекты) М. Минский [14]. Такие аналогии позволяют увидеть предмет или идею «с качествами» другого предмета или идеи и применить знания и опыт, приобретенные в одной области, для решения других проблем. Метафора, по Минскому, способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой.

Обратимся к некоторым аспектам эффективности метафор. Пьер Маранда в статье «Метаморфные метафоры» анализирует некоторые из них. Во-первых, в метафорах содержатся прагматические программы, которые навязывают адресату некоторые изменения

модели поведения. Он же отсылает нас к работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем»: если мы правы, предполагая, что наша концептуальная система преимущественно метафорична, тогда наш образ мыслей, переживания и повседневные действия в высокой степени определяются метафорой [4. С. 115]. Во-вторых, прагматика, в свою очередь, порождает метафоры. Метафоры имеют дело с прагматическим программированием, поскольку, говоря метафорически, горнилом для метафоры является прагматика. И наоборот, метафоры имеют обратную связь с прагматикой, т.к. имплицитно определяют действие.

В этих последних случаях человек не столько открывает сходство в пространственном и временном континууме, сколько создает его [15]. Метафоры возникают в любых видах дискурса, что связано прежде всего с особенностями сенсорных механизмов и их взаимодействием с психикой, позволяющим человеку сопоставлять, казалось бы, несопоставимые понятия. Развитие всегда начинается с творческого акта. В акте метафорического творчества участвуют всегда двое – создатель метафоры и его слушатель (партнёр по общению). Но что будет происходить и что происходит, когда слушателем выступает аудитория, а создателем метафоры – лидер влияния?

Из тезиса о внедренности метафоры в мышление была выведена новая оценка ее познавательной функции, ее суггестивность, ее моделирующая роль: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. По когнитивной функции метафоры делятся на ключевые (базисные) и побочные (второстепенные). Ключевые метафоры, определяющие способ мышления о мире (картину мира) или о его фундаментальной части («Что наша жизнь? Комедия страстей, а наши радости – антракты в ней». В. Шекспир), ранее изучавшиеся преимущественно этнографами и культурологами, вошли в круг интересов специалистов по психологии мышления и методологии науки.

Однако XX в. явился, по образному определению С. Московичи, веком толп [16, 17], а закончилось III тысячелетие как «царство аудиторий», состоящих из недифференцированного большинства атомизированных, отчужденных друг от друга индивидов с крайне низкими интеллектуальными и морально-нравственными показателями (постулат Р. Мертона).

Аудитория всегда имеет средние когнитивные величины, влиять на такую массу не может ни интеллект (он непонятен большинству), ни эксперт (он слишком многого требует от организации «тела» большинства), только лидер-либерал (попуститель и популист), который подстраивается под большинство. Именно поэтому он и лидер. Что это значит? С появлением нового типа социального пространства появился новый лидер этого пространства, в его задачи не входят ни призывы к бунту, ни борьба с революциями, а только степень потребления и кредитности аудитории (и в первую очередь к нему самому). Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор; если не ценить редких предметов, то не будет воров; если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца. Поэтому, управляя, совершенномудрый делает сердца подданных пустыми, а желудки – полными. Его правление ослабляет волю и укрепляет кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющиеся знания не могли бы действовать.

Так или иначе, метафоры продолжают использоваться в науке и обыденной жизни. Они отвечают способности человека улавливать и создавать сходство между, казалось бы, несхожими индивидами и объектами. Однако если метафора знаменует собой начало мыслительного процесса, обращение к личному опыту каждого и всей системе знаний о мире в целом, то адиафора наоборот, переводит мыслительный процесс в точку воспроизведения клише, личный опыт заменяет опытом популярного лицедея с его системой потребностей и картиной мира. На стыке новых межэтнических и интернациональных связей в науке именно метафора очень часто становится причиной коммуникативных барьеров внутри научной «диаспоры» (в переводе с гр. дословно *расеянное проживание*). В итоге мы получаем вместо метафоры адиафору, попадая в двоякость толкования между буквальной передачей текста и его контекстным содержанием. А это значит, что перед нами встает проблема качества человеческой деятельности в условиях ускользающей социальности, и в связи с этим отчуждением наука должна не путать буквальную коммуникацию с метафорической, превращая знаки в игру словами, а задуматься над перспективами общественного развития.

Литература

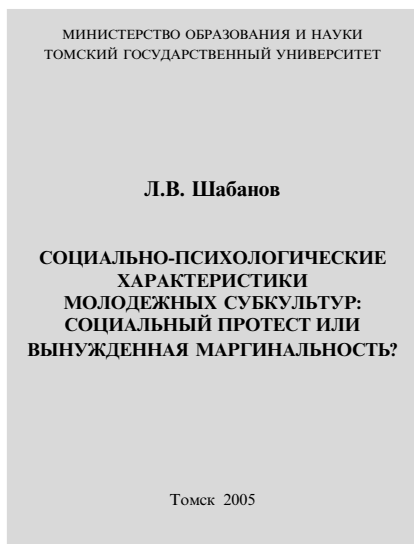
1. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 256 с.
2. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1986. 498 с.
3. Тростников В.Н. Конструктивные процессы в математике (философский аспект). М., 1975. 255 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник статей / Сост. Н.Д. Арутюнова. М., 1990.
5. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987. 236 с.
6. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 11–13.
7. Минский М. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-3251.htm>

8. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник статей / Сост. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 44–68.
9. Леонтьев А.Н. Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 48–56.
10. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 288 с.
11. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М., 1984. 161 с.
12. Каэс Рэне. Теория психоанализа групп. М.: АСТ-Сатрель, 2005. 160 с.
13. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92–101.
14. Московичи С. Машина, делающая богов. М.: Изд-во ИП РАН «КСП+», 1998. 640 с.
15. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. 431 с.
16. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987. 304 с.
17. Московичи С. Век толп. М.: Изд-во ИП РАН «КСП+», 1998. 480 с.
18. Лао Цзы. Дао Дэ Цзын. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

METAPHORICAL MODELLING OF SOCIAL PSYCHOLOGY'S PROCESS AND HIM ADIAPHORICAL REFLECTION
L.V. Shabanov (Tomsk)

Summary. The metaphor frequently becomes the reason of communicative barriers inside humanitarian area of a science, we have faced with a problem of quality of human activity in conditions of an escaping sociality, alienation when metaphors turn adiphorous game by words.

Key words: communicative barrier, metaphor, model, adiphorous.

Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность. – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 399 с.

ISBN 5-7511-1213-X (2)

В монографии выявлены, изучены и описаны социально-психологические характеристики, которыми определяются молодежные неконформистские объединения (МНКО) и которые позволяют идентифицировать их как маргинальные образования в обществе. Проблема молодежных субкультур рассматривается с точки зрения концепции «вынужденной» маргинальности, когда возникновение МНКО объясняется тем, что общество само «подталкивает» молодых людей к объединению в подобные группировки. Такой взгляд позволил автору отойти от устаревших подходов (болезнь роста, конфликт поколений и т.д.) и перевести проблему в сложившееся коммуникативное пространство диалогического общения, как противовес существующему авторитарному стилю работы в сфере молодежной политики.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

Н.В. Козлова, Д.В. Пусев (Томск)

Аннотация. Анализируются критерии компетенций современного образования. Одним из условий профессионализма выступает управленческий потенциал, возможность его изучения и развития. Рассматривается выраженность управленческого потенциала в разных группах студентов, завершающих профессиональное образование.

Ключевые слова: признаки элитного специалиста, управленческий потенциал, факторы, определяющие управленческую деятельность.

Ведущие вузы передовых стран мира всегда были нацелены на подготовку элитных специалистов, поскольку выпуск последних значительно повышает их конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. Реализация такого образования в России была поддержана на международном симпозиуме «Элитное техническое образование», проводимом в Москве в ноябре 2003 г., где ректоры ведущих российских вузов заявили, что, лидеры высшего образования, такие как МГУ, СПГУ, МФТИ, МГТУ, ТПУ и др., способны выпускать одних из лучших технических специалистов в стране, и лучших из этих специалистов можно назвать элитными.

В этом же докладе были озвучены следующие определяющие признаки элитного технического специалиста [8]:

1) Способность к точным наукам, талант, изобретательность.

2) Фундаментальное образование, прежде всего, в области математики, теоретической и экспериментальной физики, а также квантовой химии, молекулярной биологии, компьютерных наук, глобальной экономики; приобретенное на этой базе умение логически мыслить, рассуждать и вычислять на уровне, который достигнут в области точных наук; владение современными компьютерными технологиями, методами математического моделирования и натурного экспериментального макетирования сложных систем и технологических процессов, включая нелинейные динамические.

3) Умение ставить и решать технические и технологические проблемы, доводить разработки до совершенства, обеспечивать их конкурентоспособность.

4) Способность к инновационной деятельности на базе междисциплинарного образования и культуры, умение доводить новые разработки до полного внедрения в производство и привлекать инвестиции.

5) Высокая гуманитарная культура, позволяющая понимать, оценивать и учитывать интересы партнеров и конкурентов, в том числе зарубежных. Владение иностранными языками. Умение работать в команде.

Очевидно, начав работать на каком-либо предприятии или в фирме, элитный специалист должен через некоторое время положительно зарекомендовать себя и начать восхождение по карьерной лестнице. Выделяется горизонтальное и вертикальное

восхождение. Первое характеризуется тем, что специалист, не меняя должности, совершенствует свои знания и умения, в результате чего ему повышают разряд. Вертикальное же восхождение характеризуется сменой должности: обычный инженер становится ведущим инженером, начальником сектора или отдела и т.п. В данном случае он будет занимать управляющую должность. Здесь специалист сможет использовать свои неординарные способности с большей эффективностью, т.к. будет выполнять более важные и ответственные задачи.

Таким образом, можно назвать ещё один признак элитного технического специалиста – высокий управленческий потенциал. Важность этого утверждения подтверждается и образовательным стандартом высшего профессионального образования, где среди квалификационных требований отмечается, что элитный специалист готов к работе в коллективе исполнителей, знаком с методами управления и организации работы такого коллектива, знает основы организации труда и управления коллективом исполнителей, а также умеет применять методы организации работы в коллективах исполнителей.

В работе представлена попытка оценить управленческий потенциал студентов старших курсов и выпускников Томского политехнического университета (ТПУ), на этом основании попытаемся ответить на вопрос о соответствии выпускников ТПУ элитным специалистам по данному критерию.

Теоретический анализ позволил выделить факторы, которые будут влиять на управленческую деятельность в ближайшие десятилетия [3, 5, 6, 9]. Среди них:

1. Стрессы, давление и неопределенность во все большей мере присутствуют в современном мире, поэтому от менеджеров требуется способность эффективно управлять собой и своим временем.

2. Эрозия общественных традиционных ценностей привела к серьезному расстройству личных ценностей, поэтому от современных менеджеров требуется способность их определения.

3. Имеется возможность выбора, поэтому от управляющих требуется четко определить как цели выполняемой работы, так и собственные.

4. Организационные системы не в состоянии обеспечить все возможности для обучения, требующиеся современному руководителю, поэтому каждый ме-

неджен должен сам постоянно поддерживать собственный профессиональный рост и развитие.

5. Усложнение проблем, в то время как средства их решения зачастую более ограничены. В связи с этим способность решать проблемы быстро и эффективно становится все более важной частью управленческих навыков.

6. Постоянная борьба за рынки сбыта, энергетические ресурсы и прибыльность делают необходимыми выдвижение новых идей и постоянное приспособление, поэтому руководители должны быть изобретательными и способными гибко реагировать на изменение ситуации.

7. Традиционные иерархические отношения затрудняются. Эффективное управление предполагает использование навыков влияния на окружающих, без прямых приказов.

8. Многие традиционные школы и методы управления исчерпали свои возможности и не отвечают вызовам настоящего и будущего, поэтому требуются новые, более современные управленческие приемы, и многие менеджеры должны освоить иные подходы в отношении своих подчиненных.

9. Большие затраты и трудности связаны с использованием наемных работников. В связи с этим от каждого руководителя требуется более умелое использование человеческих ресурсов.

10. Возрастающие масштабы изменений требуют освоения новых навыков, развития иных подходов и борьбы с возможностью собственного «устаревания». Поэтому менеджерам требуется умение помочь другим в быстром изучении новых методов и освоении практических навыков.

11. Сложные проблемы все в большей мере требуют объединения усилий нескольких людей, совместно осуществляющих их решение. Менеджер должен уметь создавать и совершенствовать группы, способные быть креативными и результативными в работе.

Таким образом, управленческая деятельность XXI в. потребует: способность управлять собой; разумные личностные ценности; четкие личные цели; упор на постоянный личный рост; навык решения проблем; изобретательность и способность к инновациям; высокую коммуникативную способность; знание современных управленческих подходов; способность формировать и развивать эффективные рабочие группы [1].

Исследование проводилось в течение 2005 г. на базе ТПУ, выборку представили старшекурсники технических специальностей (всего 143 человека), среди которых: 101 юноша (72%) и 42 девушки (28%); 70 человек обучаются по программе магистра (49%), 73 – по программе дипломированного специалиста. Вся выборка представлена двумя группами: 71 пятикурсник (32 магистра и 39 инженеров), 72 шестикурсника (41 магистр и 31 инженер).

Методика изучения управленческого потенциала состояла из следующих тестов:

- смысловых ориентаций, включающего, наряду с общим показателем осмысленности жизни, субшкалы, отражающие конкретные смысловые ориентации и два аспекта локуса-контроля. Этот показатель представляет собой концентрированную описательную характеристику наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта [4];

- определения степени рефлексивности в предметной сфере, предназначенного для выявления уровня рефлексивности респондента (отражения личностных смыслов и принципов действия посредством установления связей между конкретной ситуацией и мировоззрением личности);

- определения представления респондента о себе как о лидере или управленце;

- определения склонности респондента к определенному стилю управления.

Данные тесты определены на основании выявленной совокупности психических явлений и отношений в организации, в частности: психологических факторов эффективной деятельности менеджеров; психологических особенностей принятия индивидуальных и групповых решений; психологических проблем лидерства; психологических проблем взаимоотношений между руководителем и подчиненными и др. [2, 7].

Все показатели, полученные при психологическом исследовании, подвергались статистической обработке и многомерному анализу данных с использованием кластерного анализа (метод Уорда). Однородные группы выделены в результате кластерного анализа, позволившего получить информацию о взаимосвязанности изучаемых переменных и проанализировать их как единое структурное целое. Для сравнения групп нами использовался метод дисперсионного анализа (критерий Фишера), позволяющий оценивать влияние фактора образовательной среды («магистрант» и «инженер») на показатели выраженности управленческого потенциала.

В результате проведенного исследования проявилась достаточно определенная тенденция, характеризующая недостаточную готовность к управленческой деятельности студентов, завершающих образование. Так, только четверть респондентов (26%) обладают высоким управленческим потенциалом. При этом группа не имеет гендерных различий, в ней в равной мере представлены как юноши, так и девушки (рис. 1).

Группа со средним уровнем управленческих способностей состоит из более чем половины респондентов (55%). В большей мере она представлена девушками (67% против 52% у юношей). Группу с низким управленческим потенциалом составили 19% респондентов (среди них всего одна девушка). Таким образом, при общем недостатке управленческого потенциала

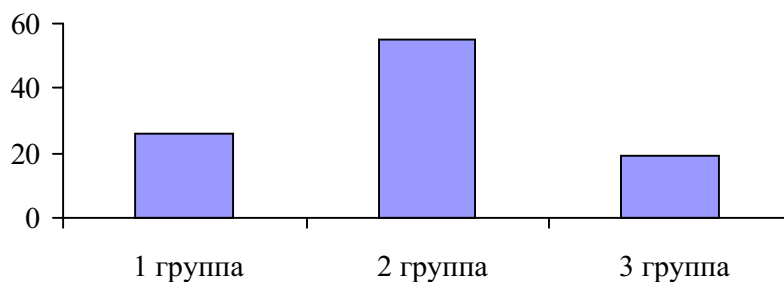

Рис. 1. Степень выраженности управленческого потенциала у респондентов, %

девушки обладают несколько более высоким показателем управленческих способностей (в основном за счет группы со средним потенциалом).

Характеристиками группы с низким уровнем управленческого потенциала стали: размытые личностные ценности, недостаточность твердых оснований для суждений, которые могут восприниматься окружающими как необоснованные, непризнание права на реализацию потенциала других людей, низкая готовность к нововведениям. Поскольку управленцы во многом влияют на ход своей деловой и личной жизни, оценивая имеющиеся возможности и выбирая те или иные альтернативы; представители данной группы испытывают затруднения не только в определении целей, но могут стремиться и к недостижимым либо нежелательным целям, которые несовместимы с тенденциями современности. Они достаточно часто недооценивают альтернативные варианты и поэтому упускают большие возможности, а на решение незначительных вопросов тратят много времени и сил. Подобные управленцы обычно с трудом достигают успеха и неспособны оценить успех других. Для данной группы характерна сложность в преодолении своих слабостей, а как следствие, они склонны избегать конфликтов, не развивают собственные способности, теряют природную отзывчивость, их деловая жизнь превращается в рутину тем больше, чем чаще они в интересах личной безопасности исключают из своей деятельности риск. Значительной проблемой для представителей данной группы является недостаточность навыка решения проблем, они редко выдвигают новые идеи, не способны стимулировать других быть творцами и использовать новые подходы в профессиональной деятельности.

Значимость подобных характеристик связана с тем, что управленцам подобного типа сложно оценить эффективность того, как они управляют другими людьми. Они не стремятся устанавливать обратные связи, недостаточно понимают мотивацию работников, часто неэтичны или негуманны, ограничены недостаточным пониманием сути управленческого труда. Когда руководителю не удастся превратить группу в квалифицированный и результативный коллектив, ее рабо-

та обычно сопровождается трудностями или не дает отдачи. Когда же не создаётся благоприятный климат, можно говорить о низком умении формировать группы профессионалов.

При анализе групп студентов по критерию уровня их управленческого потенциала было выяснено, что у магистров он выше, чем у инженеров (в основном за счет группы со средним уровнем способностей). Наиболее проблемной группой в отношении управленческого потенциала оказались инженеры-пятикурсники (рис. 2).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что управленческий потенциал молодых специалистов выражен в основном средними и низкими показателями, и, следовательно, не отражает требования к компетенциям современного специалиста.

В качестве способов повышения управленческих способностей студентов представляется необходимым введение в учебные занятия методов инновационного инженерного образования (применяемых в известных западных вузах). Такими методами, на наш взгляд, могут быть специальные учебные занятия, построенные на принципах современных гуманитарных технологий и представляющих собой групповые дискуссии, тематизированную терапию, рефлексивные практики, самодиагностику личностно-профессионального потенциала, продуктивные интенсивно-игровые психотехнологии, деловые и ролевые игры, тренинги.

Примерами использования гуманитарных технологий, направленных на развитие управленческих способностей, могут стать программы, разработанные нами и реализуемые в практиках психологической работы с различными профессиональными группами:

1. Программа «Развитие и коррекция потенциала управленцев», ориентированная на развитие личностных ресурсов и выявление трудностей в профессиональной деятельности управленцев-специалистов, на формирование профессиональных личностно-значимых целей и средств их достижения, на развитие эффективных навыков саморегуляции и совладания с психоэмоциональной напряженностью.

2. Программа «Управление человеческими ресурсами как важнейшее звено в сфере управления про-

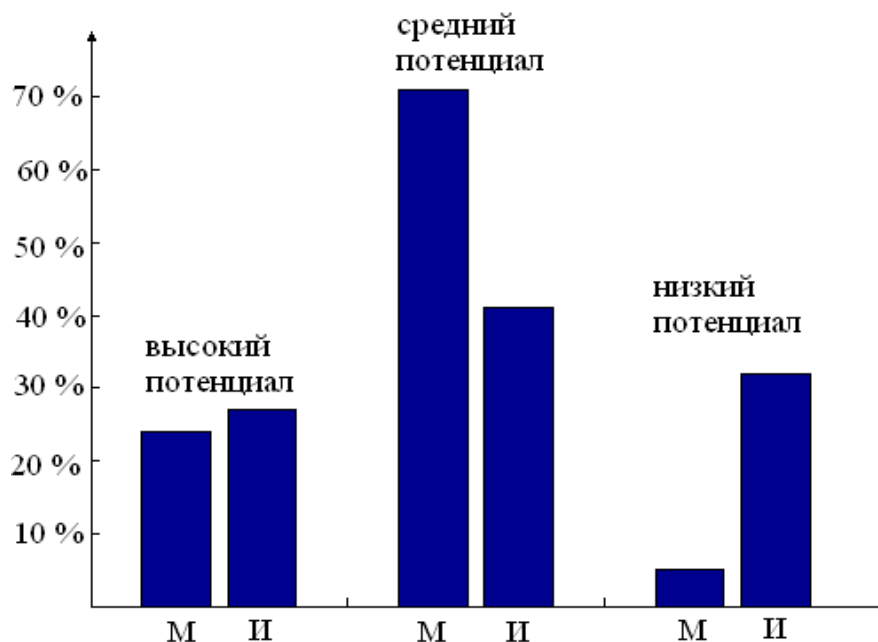

Рис. 2. Сравнение управленческого потенциала инженеров и магистров

изводством», цель которой – обучение будущих управленцев основным стратегиям управленческой деятельности, развитие профессиональных ценностей (творческого профессионального взаимодействия, ценности личностного роста и саморазвития).

3. Программа «Развитие рефлексивной культуры», направленная на постановку личностных и профессиональных целей (рефлексия целей и их нахождение, рефлексия сильных и слабых сторон собственной личности, ситуации и окружения), на планирование целей и умение соотносить их с ценностями и приоритетами (вуза, компании и т.д.), на формирование и развитие психологической готовности и способности к изменениям, на расширение репертуара средств и способов разрешения социально-психологических проблем и профессиональных трудностей.

4. Программа «Повышение ответственности и самоорганизации в деятельности», способствующая расширению области полномочий в принятии решений и наиболее полной реализации своего творческого потенциала в управленческой деятельности.

5. Тренинг развития профессионального сознания, целью которого является формирование карты самооценки профессионального познания и развития профессионально важных качеств.

6. Тренинг «Развитие мыслеречетворчества», направленный на развитие когнитивной флексибельности, психологической готовности и способности к изменениям, на совершенствование использования личностно-средовых ресурсов путем направленно-

го формирования когнитивного компонента поведения и оценки.

7. Тренинг «Развитие деловой эффективности и коммуникативной компетентности», способствующий развитию социально-коммуникативной компетентности во всех областях жизнедеятельности (в том числе умение работать в команде).

8. Тренинг «Основы психической саморегуляции», развивающий стратегии преодоления проблемных ситуаций и выработку направлений повышения собственной стрессоустойчивости.

9. Тренинг «Возможности самопознания и актуализации, трансформации личностных резервов», направленный на выявление личностных ресурсов в соответствии с будущими профессиональными задачами: личностными, коммуникативными, мотивационными особенностями, умением работать в команде, поведением в условиях риска и стрессовых ситуациях, умением генерировать идеи и принимать решения и предоставление кратких психологических заключений и рекомендаций по реализации профессиональных возможностей.

Результатом внедрения специальных учебных занятий станет сформированность у студентов комплекса компетенций, включающих не только фундаментальные и технические знания, но и умение анализировать и решать проблемы с использованием междисциплинарного подхода, владение методами проектного менеджмента, готовность к коммуникациям и работе в команде.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 06-06-00582 а.

Литература

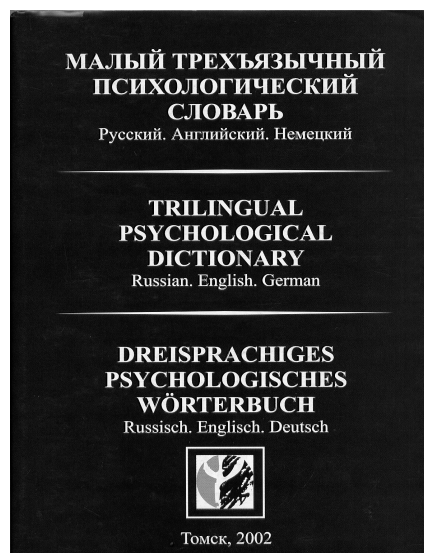
1. Белков И.Г. Личность руководителя и стиль управления. М., 2002.
2. Борисова Е.М., Логинова Г.П., Мдивани М.О. Диагностика управленческих способностей // Вопросы психологии. 1997. № 2.
3. Залевский Г.В., Галажинский Э.В. Фиксированные формы поведения в динамике организационных культур // СПЖ. 1998. Вып. 8–9. С. 87–94.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций: Методическое пособие. М.: СМЫСЛ, 1992. 16 с.
5. Чернилевский Д.В., Морозов А.В. Креативная педагогика и психология. М., 2001.
6. Шипунов В.Г., Кишкель Е.Н. Основы управленческой деятельности. М.: Высшая школа, 2000.
7. Шмелев А.Г. и др. Валидность теста менеджера потенциала // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1993. № 3.
8. Элитное техническое образование: Труды международной конференции в рамках симпозиума. Томск: Изд-во ТПУ, 2003.
9. Инкубатор для управленцев (интервью с Андреем Волковым). <http://www.soob.ru/n/2002/7-8/c/16>

ADMINISTRATIVE ABILITIES AS CRITERION OF COMPETENCE OF MODERN SPECIALIST

N.V. Kozlova, D.V. Pusev (Tomsk)

Summary. The criteria of competence modern education are analyzed. One of the conditions of competence is administrative potential opportunity to study and develop it. The evidence of administrative potential in different students' groups is regarded professional education.

Key words: signs of elite specialist, administrative potential, factors, determining administrative activity.

Малый трехязычный психологический словарь: русский, английский, немецкий / Сост. Г.В. Залевский, Е.И. Залевская, В.Г. Залевский. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 380 с.

ISBN 5-7511-1492-2

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и для всех тех, кто так или иначе связан с чтением и переводом психологической литературы.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ МЕНЕДЖЕРОВ НА ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Т.Ю. Осипова (Кемерово)

Аннотация. Определены особенности и направления изменений организационной культуры современного предприятия, раскрыто влияние личностных качеств руководителей на особенности организационной культуры предприятия.

Ключевые слова: организационная культура, изменения, ригидность, коммуникативная креативность.

Под организационной культурой понимается совокупность коллективно разделяемых ценностей, символов, убеждений, образцов поведения членов организации. Она проявляется в манере их действий и внешней атрибутике, например интерьерах, одежде и пр. [1, 2].

Культура организации – явление сложное. Во-первых, она состоит из культур отдельных подразделений или направлений и форм деятельности организации. Они могут подчиняться как общей культуре, так и противоречить ей. Во-вторых, культуры различаются по силе воздействия, которая определяется глубиной проникновения, шириной распространения и степенью охвата членов организации, ясностью провозглашаемых культурой ценностей и норм [3, 14].

Организационная культура складывается из субъективных элементов, проявляющихся в поведении людей, и объективных, накладывающих отпечаток на материальные условия их деятельности [13].

К объективным элементам культуры можно отнести символику организации, товарную марку, товарный знак, оформление интерьеров, окраску стен, мебель, внешний вид сотрудников.

К субъективным относятся прежде всего организационные ценности, т.е. свойства тех или иных предметов, процессов, явлений, позволяющие им служить образцами, ориентирами поведения членов организации. Согласно исследованиям, проводимым в западных фирмах, сегодня все большую роль играют такие ценности, как коллективизм, ориентация на потребителя, личное творчество, служение обществу [7, 13].

Существующие в организации цели, ценности, традиции и обычаи, стиль работы и имидж сформированы на основе предыдущего опыта. Именно поэтому при анализе организационной культуры необходимо обращаться к важнейшему источнику ее формирования – топ-менеджерам (менеджерам высшего уровня управления) предприятия. Г. Форд («Ford Motor Company»), Т. Ватсон (IBM), У. Дисней («Disney Co.») и Д. Пакард («Hewlett Packard») являются яркими примерами личностей, повлиявших на становление и дальнейшее развитие организационных культур известных во всем мире фирм [6–8]. Воплощая свою мечту, основатели фирмы пытаются создать идеальный образ будущей организации. Выдвигая привлекательную идею, которая оказывает

большое влияние на других людей, они создают сплоченную организацию с сильной культурой.

Когда организационная культура уже сформировалась, очень важно обеспечить ее дальнейшее поддержание и развитие. Решающая роль в этих процессах также принадлежит менеджерам высшего уровня управления [7].

Многие отечественные и зарубежные исследователи изучали личностные характеристики лучших менеджеров, определяли индивидуальные особенности их поведения, пытались составить психологический портрет идеального руководителя [12, 13]. Исходя из специфики управленческого труда, значительное место в этом портрете отводится коммуникативным навыкам руководителя и его способности гибко реагировать на изменяющуюся ситуацию.

Неспособность изменять свое мнение, поведение или отношение к кому-либо (чему-либо) даже при необходимости в психологии получила название ригидности. Если личность обладает высокой степенью выраженности данного качества, то она характеризуется излишней внимательностью к деталям, педантичностью, медлительностью в принятии решений и сдержанностью [4]. Менеджер, имеющий высокий уровень ригидности, консервативен, не терпит беспорядка, критичен и воздерживается от изменений, он может проявлять агрессивность по отношению к зависимым от него людям. Мы предполагаем, что такая личность будет стараться поддерживать на предприятии ценности организационной культуры иерархического типа [5] и неосознанно препятствовать их изменениям в направлении, диктуемом рыночной экономикой.

Слабая выраженность ригидности лежит в основе творческих способностей человека (креативности). Традиционно креативность как способность к созданию нового относят к интеллектуальной сфере деятельности. Однако творческие способности могут проявляться в любом виде деятельности, в том числе в общении.

Креативность в общении раскрывается как осознание и преодоление барьеров и стереотипов, поведенческих шаблонов, как пластичное изменение репертуара коммуникативного поведения сообразно ситуации и партнеру. В итоге личность способна выдвинуть и реализовать разнообразные варианты действия, оригинальна и конструктивна в решениях, быстро и лег-

ко отказывается от неадекватных стратегий в общении, гибка в использовании стилей и в ролевом поведении, может стать лидером [9]. Мы предполагаем, что креативные в общении менеджеры создают в организации доброжелательную и дружескую обстановку. Они являются примером для подчиненных в умении устанавливать продуктивные взаимоотношения как внутри, так и вовне организации.

Изучение влияния ригидности и коммуникативной креативности сотрудников на особенности организационной культуры предприятия проводилось на базе МУП «Фея» (г. Кемерово), основным направлением деятельности которого является оказание населению банно-прачечных услуг. Предприятие имеет следующие структурные подразделения: административно-управленческий аппарат, 4 бани и 1 прачечная. Численность работающих 103 человека.

С целью изучения особенностей организационной культуры МУП «Фея» в качестве инструментария нами были использованы следующие методики:

1) анкета «Диагностика предприятия по главным параметрам его организационной культуры» (Г. Хофштеде, Д. Боллинже) [10];

2) опросник «Культура Вашей организации» (К.С. Камерон, Р.Э. Куинн) [5];

3) тест «Томский опросник», которой состоит из шкал СКР, АР и ШР «Томского опросника ригидности Г.В. Залевского» [4];

4) тест «Креативность коммуникативная» (КРК) (Т.Ю. Осипова) [9].

По каждой методике были опрошены 25 сотрудников МУП, в том числе 7 руководителей, 11 рабочих, 7 служащих.

Опрошенные руководители предприятия – женщины, средний возраст которых 44,7 года; из них имеют стаж работы на данном предприятии до 5 лет – 1 человек (14%), от 6 до 10 лет – 1 человек (14%), более 11 лет – 5 человек (71%), т.е. состав руководителей стабилен. Среди рабочих предприятия (специальности прачка, слесарь, гладильщица и т.п.) 10 женщин (91%), 1 мужчина (9%). По стажу работы на предприятии опрошенные распределены по следующим группам: до 5 лет – 4 человека (36%), от 6 до 10 лет – 7 человек (63%). Средний возраст респондентов – 48,3 года.

Служащие предприятия (бухгалтер, инженер МТС, инженер и т.п.) – женщины (7 чел.); средний возраст 45,9 лет. В МУП «Фея» от 6 до 10 лет проработали 2 человека (28%), от 11 до 15 лет – 2 человека (28%), от 16 до 20 лет – 1 человек (14%), более 20 лет – 2 человека (28%).

Анкета «Диагностика предприятия по главным параметрам его организационной культуры» позволила определить следующие параметры организационной культуры МУП «Фея»:

- дистанция власти;
- стремление к избеганию неопределенностей;

- индивидуализм – коллективизм;
- мужественность – женственность [10].

Итак, дистанция власти большинством сотрудников (52%) определена как высокая, что означает признание неравенства между руководителями и исполнителями, неоспоримости иерархического устройства организации, труднодоступность руководства для подчиненных. Сотрудники опасаются выражать свое мнение, высказывать несогласие и неохотно доверяют друг другу. В организации преобладает мнение, что руководитель должен быть жестким, иначе он не добьется успехов в управлении.

Необходимо отметить, что сотрудников, оценивших дистанцию власти как среднюю, значительное количество (40%). Представляется, что вышеприведенная характеристика ценностей и норм организации должна быть несколько мягче. Однако преобладание авторитарного стиля управления несомненно.

Второй важный параметр, отражающий характер организационной культуры предприятия, – «стремление к избеганию неопределенности». Согласно данным табл. 1, подавляющее большинство членов организации считают его высоким. Таким образом, работники испытывают большую тревогу за свое будущее, сильно сопротивляются изменениям, стараются как можно дольше работать в этой организации. Как правило, эти особенности организационного поведения связаны с высокими возрастными показателями руководителей и их личностными свойствами (психическая ригидность). У членов организации отмечается низкая мотивация к достижению цели, боязнь риска и неуспеха. Как руководители, так и подчиненные стремятся избежать конфликтов, которые, как известно, могут способствовать улучшению деятельности организации. Конкуренция между подчиненными ради достижения целей предприятия не приветствуется.

В организации с высоким значением параметра «стремление к избеганию неопределенности» руководители в большей степени заняты частными вопросами и деталями, а не стратегией развития предприятия. Они ориентированы на выполнение задания, постоянны в своем стиле управления, не любят принимать рискованных решений и брать на себя ответственность. Низкая текучесть кадров рассматривается как показатель эффективного управления.

Определенную трудность в характеристике организационной культуры МУП «Фея» представляет третий параметр – «индивидуализм – коллективизм». Поскольку большинство респондентов (52%) считают, что культуру организации предприятия нельзя отнести ни к индивидуалистическому, ни к коллективистскому типу, то присутствует смешение данных характеристик. Итак, основным принципом построения внутри-организационных отношений и взаимодействия с внешней средой, в первую очередь с клиентами, явля-

Таблица 1

Данные опроса сотрудников МУП «Фея»
по методике «Диагностика предприятия по главным параметрам его организационной культуры»

Основные параметры организационной культуры	Степень выраженности параметров, %		
	низкая	средняя	высокая
Дистанция власти	8	40	52
Избегание неопределенности	20	–	80
Индивидуализм	–	52	28
Коллективизм			20
Мужественность	–	–	32
Женственность			68

ется формально-деловой. Сотрудники считают необходимым иметь достаточно времени для личной и семейной жизни. Они ориентированы на хорошие условия труда (освещение, вентиляция помещений и т.п.), а также получение удовлетворения от своей работы. Отношения руководителей и подчиненных основываются на учете личного вклада сотрудника. Продвижение по службе осуществляется внутри организации.

Четвертый параметр организационной культуры – «мужественность–женственность» – отражает мотивацию либо на достижение цели, либо на выполнение задания.

Согласно данным табл. 1, ведущими характеристиками предприятия являются следующие параметры организационной культуры «женственного типа»: дружеские взаимоотношения в коллективе, наличие приемлемых условий труда и возможность оставаться на данном рабочем месте длительное время, а также позитивные взаимоотношения с руководителями. Руководители постоянно проявляют внимание к сотрудникам и поддерживают хорошие отношения между членами коллектива. При решении сложных задач они опираются на собственную интуицию и групповое мнение. Конфликты в организациях с культурой женственного типа часто носят скрытый характер, их разрешение осуществляется не силовыми методами, а в процессе дискуссий и переговоров. Разумеется, вышеприведенные характеристики присущи коллективам, в которых женщины составляют подавляющее большинство.

Нами проанализированы также различия во взглядах руководителей, рабочих и служащих на особенности организационной культуры МУП «Фея». Согласно полученным данным, все без исключения руководители проявили большую сопротивляемость изменениям (боязнь неуспеха, неготовность к риску и нежелание принимать на себя ответственность, тревога за будущее и стремление сохранять работу как можно дольше).

С другой стороны, рабочие (63%) больше ориентированы на успех и готовы достигать целей даже в рискованных ситуациях. Они оказались более готовыми, нежели руководители, к достижению компромиссов с окружающими и хотели бы посоревноваться с коллегами.

Такие нормы организационной культуры, как неготовность рисковать, воспринимать новые идеи,

идти на компромисс, объясняются объективными и субъективными факторами. К первым относятся особенности истории формирования и сферы, в которой оперирует предприятие. Будучи наследницей государственного монополиста на оказание банно-прачечных услуг и не имея достойных конкурентов, оно слабо ориентировано на изменяющиеся рыночные условия и запросы клиентов. Субъективными факторами, препятствующими востребованным переменам в организации, является то, что руководители формировались как специалисты в условиях плановой экономики и многим из них присуще такое личностное качество, как ригидность.

Этот же факт можно констатировать и в отношении «женственности» организационной культуры исследуемого предприятия. Для руководителей и служащих более, чем для рабочих, оказались значимыми некоторые черты «мужественной» организационной культуры: хорошая оплата работы, возможность повышения квалификации и обучения, продвижение по службе, а также знание технических новшеств в сфере своей деятельности.

Методика К.С. Камерона и Р.Э. Куинна [5] только начинает использоваться в отечественной науке и практике. Она позволяет определить тип культуры предприятия (иерархия, рынок, клан, адхократия) и направление ее изменений, ожидаемое сотрудниками.

Согласно полученным при опросе сотрудников МУП «Фея» данным (табл. 2), организационная культура этого предприятия относится к типам «клан» и «иерархия».

У сотрудников много общего, что объясняется, в том числе, близостью их возраста. Место работы характеризуется ими как дружественное. Руководители организации воспринимаются как воспитатели (родители). Организацию скрепляют традиции. Большую ценность представляют сплоченность коллектива и хороший социально-психологический климат. В организации поощряются групповая (бригадная) работа, согласие. Успех деятельности предприятия определяется внимательным отношением к клиентам и персоналу.

Из характеристик иерархического типа организационной культуры присутствуют следующие: организацию объединяют формальные правила, обязатель-

Данные опроса различных категорий сотрудников МУП «Фея» по методике «Культура Вашей организации»

Тип организационной культуры (ОК)	Выражение <i>настоящего</i> типа ОК, усл. ед.			Выражение <i>предпочтительного</i> типа ОК, усл. ед.		
	Руководители	Рабочие	Служащие	Руководители	Рабочие	Служащие
Клан	61,47	51	53,07	53,35	44,18	59,28
Адхократия	21,4	20,8	29,83	39	38,48	32,57
Рынок	23,55	21,36	17,5	23,21	27	20,4
Иерархия	43,57	42,18	35,75	36,85	32,59	28,87

ные для исполнения каждым ее членом; руководители чаще заняты оперативным управлением, координацией и организацией деятельности подчиненных. Значимой ценностью управления считаются стабильность развития, рентабельность и поддержание достигнутых результатов. Для исполнителей важны гарантии занятости и предсказуемость поведения организации.

Полученные данные позволяют определить направления изменений типа организационной культуры предприятия. Предпочтительными изменениями респонденты считают ослабление показателей иерархического типа организационной культуры и усиление параметров адхократии (табл. 2).

Статистическая зависимость сдвигов предпочтений опрошенных от степени выраженности иерархии в сторону усиления адхократических черт организационной культуры была рассчитана нами по критерию знаков G [11. С. 77–87]. Результаты позволяют утверждать, что большинство членов коллектива действительно хотят снижения формализации отношений на работе (уровень статистической значимости $p \leq 0,01$).

Статистически достоверно ($p \leq 0,01$) стремление персонала иметь более предпринимательское и динамичное место работы, сотрудники готовы идти на риск, действовать в соответствии с изменяющимися условиями внешней среды и на передовых рубежах своего рынка услуг. Респонденты считают, что в организации необходимы изменения и инновации. При этом сотрудники готовы взять на себя ответственность и пойти на риск ради успеха организации, который связывается ими с лидерством на рынке банно-прачечных услуг, в том числе за счет обретения новых ресурсов, роста предприятия и разработки новаторских услуг для потребителей. От своего предприятия работники хотели бы получить поощрение за личную инициативу и персональный вклад в достижение общего успеха.

В ослаблении иерархических черт организационной культуры заинтересованы руководители ($p \leq 0,05$) и рабочие ($p \leq 0,01$).

В группе служащих стремление к изменениям не нашло статистически достоверного подтверждения; большинство высказалось за еще большее снижение адхократических элементов в организационной культуре (сдвиг значений отрицательный, $p \leq 0,05$).

Рабочие в подавляющем большинстве предпочли бы трудиться в более динамичной, новаторской, быс-

тро приспособляющейся к условиям рынка организации (сдвиг значений положительный, $p \leq 0,01$).

В группе руководителей стремление к большей гибкости и мобильности организации не нашло статистически достоверного подтверждения.

Итак, позиция руководителей МУП «Фея» оказалась главным фактором, препятствующим изменениям в организации. Поскольку мы предположили, что это объясняется личными свойствами лидеров, обратимся к данным, полученным с помощью тестовых методик «Томский опросник Залевского» и «Креативность коммуникативная» (табл. 3).

Все руководители предприятия имеют высокий уровень психической ригидности, что обуславливает их консерватизм, неготовность и нежелание изменить организационную культуру. Они неосознанно стараются сохранить устаревшие правила, нормы, ценности иерархического типа, в том числе авторитарный стиль управления. Ригидность как личностное свойство вызывает большую тревогу о будущем предприятия. Это в свою очередь затрудняет видение конструктивных сторон возникающих в организации конфликтов и построение стратегии управления, ориентированного на запросы потребителей услуг.

Как отмечалось выше, именно рабочие предприятия ориентированы на проведение изменений, позволяющих проявлять личную инициативу и расширять спектр услуг населению (адхократический тип организационной культуры). Согласно полученным нами данным, это обусловлено более низким уровнем психической ригидности в этой категории сотрудников по сравнению с руководителями или служащими.

Второй яркой особенностью организационной культуры предприятия, отмеченной в нашем исследовании, является дружеская атмосфера в коллективе, позитивные взаимоотношения руководителей и исполнителей, стремление разрешать конфликты посредством дискуссий, переговоров, а не силового давления. Представляется, что эта особенность обусловлена наличием у руководителей и сотрудников МУП «Фея» выраженной креативности в общении.

Согласно полученным данным, в коллективе преобладают личности, имеющие высокий или средний уровень креативности в общении, причем во всех трех категориях сотрудников. В группе рабочих отмечается наибольшее количество людей, гибко реагирующих на поведение партнера, умеющих найти выход из слож-

Таблица 3

Данные тестирования уровней психической ригидности коммуникативной креативности сотрудников МУП «Фея», %

Уровень психической ригидности	Руководители	Рабочие	Служащие
Высокий	100	63	71
Умеренный	–	36	28
Низкий	–	–	–
Уровень коммуникативной креативности			
Высокий	33	25	33
Средний	33	50	33
Низкий	33	25	33

ных ситуаций в общении (75%). Однако тех, кто способен находить множество вариантов разрешения проблем, в том числе конфликтов, глубже понимает и учитывает особенности поведения партнера и ситуацию общения, инициативен, гибок в контактах и доброже-

латель, больше всего в группе руководителей и служащих (33%). Следовательно, руководящий состав организации обладает значительным творческим потенциалом в разрешении проблем, ежедневно возникающих в процессе управленческого общения.

Литература

1. Веснин В.Р. Основы менеджмента: Учебник. М.: Институт международного права и экономики; Триада Лтд., 1996. 384 с.
2. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: Учебник. 3-е изд. М.: Гардарики, 1998. 528 с.
3. Дафт Р.Л. Менеджмент. СПб.: Питер, 2000. 832 с.
4. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 272 с.
5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ.; Под ред. И.В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
6. Карташова Л.В., Никонова Т.В., Соломанидина Т.О. Поведение в организации: Учебник. М.: ИНФРА-М, 1999. 220 с.
7. Лукашевич В.В. Управление персоналом (предприятий торговли и общественного питания): Учеб. пособие для средних специальных учебных заведений. М.: Деловая литература; ГЕЛАН, 2001. 253 с.
8. Лютенс Ф. Организационное поведение: Учеб. для вузов / Пер. с англ. 7-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999. 692 с.
9. Осипова Т.Ю. Психологические условия развития коммуникативной креативности у студентов технического вуза (на материалах спецкурса «Психология общения»): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2000. 26 с.
10. Радугин А.А., Радугин К.А. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. Воронеж: Высшая школа предпринимателей, 1995. 195 с.
11. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 349 с.
12. Менеджмент организации: Учеб. пособие / Под ред. З.П. Румянцевой, Н.А. Саломатина и др. М.: ИНФРА-М, 1996. 432 с.
13. Спивак В.А. Организационное поведение и управление персоналом. СПб.: Питер, 2000. 416 с.
14. Спивак В.А. Корпоративная культура. СПб.: Питер, 2001. 352 с.

THE INFLUENCE OF MANAGERS' PERSONAL CHARACTERISTICS ON THE ORGANIZATION CULTURE FEATURES OF PRESENT-DAY ENTERPRISE.

T.U. Osipova (Kemerovo)

Summary. We have learned the peculiarities and directions of changing organizational culture of a modern enterprise. We have researched the readiness of managers and executors for changing. We have found out the influence of managers personality on the character of organizational culture of an enterprise.

Key words: organizational culture, changes, rigidity, communicative creativity.

ОПТИМИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАБОТЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В ВУЗЕ

В.А. Непомнящая (Томск)

Аннотация. Обсуждаются возможности использования категории «субъективное качество жизни» в контексте решения возрастных задач развития в молодости в системе психологического сопровождения студентов вуза.

Ключевые слова: субъективное качество жизни, задачи развития в юности и молодости, психологическое сопровождение студентов.

Одним из важнейших аспектов деятельности психолога в системе высшего образования является, на наш взгляд, содействие формированию «личностной компетентности» студентов, понимаемой как ценностно-смысловая надстройка над собственно профессиональной компетентностью. Основные критерии оценки студента в рамках высшего образования – освоенные знания и навыки. Решение же возрастных задач развития личности молодого человека связывается не только с учебно-профессиональной деятельностью, но и с самоопределением в личной жизни, уточнением и реализацией жизненного замысла, формированием устойчивой системы ценностей, продолжающимся обособлением от родителей и т.п. Именно поэтому весьма актуальным для психологической службы вуза представляется поиск возможностей и направлений развития личностной компетентности студенческой молодежи.

Полагаем, что одним из таких направлений может стать содействие оптимизации субъективного качества жизни молодых людей. Субъективное качество жизни (СКЖ) определяется как восприятие человеком себя и своего положения в контексте культуры и общества, как результат деятельности по преобразованию среды и самого себя [1, 2, 4]. СКЖ как интегральная характеристика жизнедеятельности оценивается в следующих сферах: физическое здоровье, психологическое благополучие, социальные контакты, параметры жизненной среды, духовные ценности человека.

С позиций системного подхода к развитию качество жизни выражает взаимодействие объективного и субъективного в жизненном мире человека, оно системно детерминировано внешним (окружающей средой), внутренним (человеком) и деятельностью. Качество жизни человека в контексте теории психологических систем (ТПС) может быть представлено как результат этого взаимодействия, выраженный в качестве действительности человека, в которой он живет и действует, которую сам формирует. Одновременно СКЖ является возрастным новообразованием, отправной точкой для дальнейшего развития многомерного мира личности. Как новообразование СКЖ выражает самодетерминированность, управляемость и осмысленность жизни, являясь «элементом порядка» психологической системы [4].

Возможно также обозначение субъективного качества жизни как индикатора, отражающего состояние и особенности многомерного мира личности в молодости. В ТПС указывается, что в процессе взросления происходит смена детерминаций развития в онтогенезе (образ жизни начинает определять качество многомерного мира) и молодые люди открывают возможность строить жизненный мир согласно собственным замыслам и предпочтениям, реализуя возможности саморазвития и самоорганизации. Следовательно, низкий уровень СКЖ у молодых людей может свидетельствовать о несостоявшейся смене детерминаций, равно как и о необходимости психологической поддержки [3, 4].

Все вышесказанное делает рефлексию собственно качества жизни весьма значимой для молодежи. Нами разработана и реализована программа психологического тренинга «Оптимизация субъективного качества жизни», цель которой – создание условий, содействующих существованию и развитию субъекта. Кроме анализа уровня и структуры СКЖ, направлениями тренинговой работы являются оформление и развитие смысловой сферы личности участников, движение к большей степени открытости и осознанию ответственности за собственную открытость. На этой основе молодые люди получают возможность создавать более эффективные способы жизнепрживания, что, в свою очередь, улучшает качество жизни.

Использование категории «субъективное качество жизни» как темы психологического тренинга в рамках психологического сопровождения студентов вуза может быть интересно по нескольким причинам.

1) В данной программе реализуются тенденции развития современной психологии, ориентированной уже не столько на решение традиционных задач преодоления стресса, тревоги, жизненных трудностей, сколько на помощь молодым людям в их стремлении жить «хорошей, достойной жизнью». Цель тренинга формулируется позитивно – улучшение субъективного качества жизни, т.е. более полная, интересная, осмысленная и счастливая жизнь; все вопросы, возникающие в процессе тренинга, рассматриваются с точки зрения их роли в достижении «хорошей» жизни.

2) В рамках тренинга предоставляется возможность отнестись не к отдельным сторонам жизни или отдель-

ным свойствам личности (общению, планированию карьеры, профессионально важным качествам, особенностям познавательных процессов, эмоциям и пр.), а ко всей жизни как к целостности. Как уже упоминалось, СКЖ анализируется в сферах физического здоровья, социального и психологического благополучия, духовных ценностей и средовых характеристик; каждая из них содержит несколько субсфер. Такой детальный анализ собственной жизни помогает обнаружить «слабые звенья» в качестве жизни, а также установить закономерности взаимосвязи и взаимовлияния между отдельными сферами и аспектами жизнедеятельности.

3) В процессе работы с субъективным качеством жизни определяются наиболее значимые сферы жизни, а также выясняется, какими ее сторонами человек пренебрегает и почему это происходит. Выявление значимых жизненных аспектов, «слабых звеньев» и особенностей взаимосвязи между сферами и субсферами СКЖ создает возможность осознанной интеграции различных аспектов жизнедеятельности.

4) В процессе рефлексии субъективного качества жизни затрагиваются вопросы управления жизнью, авторства собственной жизни. Полагаем, что именно работа с данной категорией дает уникальную возможность наглядно установить связь основ жизни (смыслов, ценностей и принципов) и результата жизнедеятельности, выраженного в СКЖ. Определив имеющийся на данный момент уровень СКЖ, молодой человек вплотную подходит к анализу причин, которые привели к сложившейся жизненной си-

туации. Осмысление качества жизни как результата собственной деятельности является основой для внесения желаемых изменений в собственную жизнь.

В ходе тренинга участники получают рефлексивный материал, необходимый для рассмотрения вопроса об индивидуальных способах жизнедеятельности, лежащих в основе актуального качества жизни, т.е. о «техниках жизнепроживания» [5]. Это один из важнейших этапов предлагаемого тренинга, который дает участникам возможность осознания собственных техник проживания жизни, их сильных сторон и ограничений. Работа в группе позволяет увидеть и изучить способы жизни других людей, что существенно расширяет представления молодых людей о выборе жизненных стратегий.

5) Категория «субъективное качество жизни» тесно связана с понятием «личного успеха» [1]. В ходе тренинга участники формируют и уточняют собственные представления о составляющих жизненного успеха, путях его достижения, психологических основаниях успешной жизни. Наличие таких представлений содействует самоопределению и самопродвижению молодых людей в современной высококонкурентной жизненной среде.

Таким образом, использование понятия «субъективное качество жизни» в практике психологического сопровождения в высшем учебном заведении содействует решению возрастных задач развития молодых людей и способствует формированию личностной компетентности и жизненному самоопределению.

Литература

1. Алферова М.Н., Бабинцев В.П., Белов А.А., Гармашев А.А. и др. О возможном подходе к разработке региональной концепции и программы улучшения качества жизни населения // Технологии качества жизни. 2002. Т. 2, № 2. С. 1–10.
2. Использование опросника качества жизни (версия ВОЗ) в психиатрической практике (Пособие для врачей и психологов) / Сост. Г.В. Бурковский и др.; Под ред. проф. М.М. Кабанова. СПб., 1998. 52 с.
3. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 154 с.
4. Непомнящая В.А. Особенности становления личности на этапе изменения социальной ситуации развития: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2005. 22 с.
5. Практикум по социально-психологическому тренингу. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. Б.Д. Парыгина. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2000. 352 с.

OPTIMIZATION OF SUBJECTIVE QUALITY OF STUDENTS' LIFE AS ONE OF THE WORK LINES OF PRACTISING PSYCHOLOGIST AT INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION
V.A. Nepomniacshaya (Tomsk)

Summary. Application possibilities of subjective quality of life category is discussed in age development problems context.

Key words: subjective quality of life, age development problems, adolescence.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ О ПРОЕКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

А.В. Уткин (Томск)

Аннотация. В свободной логике эссе ставится вопрос о направлениях, предмете и методах исследования Интернет-коммуникации. В ходе рассмотрения вопроса, где Интернет полагается значимым культурным феноменом, оказывающим влияние на мир человека, в качестве предмета исследования предлагается ответственность участника web-форума, а в качестве метода исследования – герменевтический метод как родственный методу в «Психологии искусства» Л.С. Выготского, но модернизированный с учетом критики со стороны концепций «постмодернистского лагеря». В качестве основы концептуализации предлагается коммуникативный подход.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, ответственность, культурно-историческая теория, коммуникативный подход, герменевтика, постмодернизм.

В первых предложениях научных статей принято говорить об актуальности исследования. Но кажется чуть ли не банальным говорить об актуальности исследований Интернета (online-словарь, не смотря на английское «сеть», выдал мужской вариант). Так казалось и нам до тех пор, пока детально не углубились в проблему. Оказалось, что за последние 5–7 лет кандидатских и докторских диссертаций, посвященных проблемам Интернета и опосредованной им коммуникации, написано немного (список в конце статьи). Это было одно из первых удивлений в череде других, ожидавших нас уже на стадии определения предмета и методов, т.е. на стадии методолого-методического проектирования исследования. И т.к. некоторые предполагаемые ходы показались нетривиальными, то и логика для их представления потребовалась нетрадиционная. Можно было бы, наверное, и воздержаться от публикации, но (убедите нас в обратном) уже на этой стадии исследования есть что обсуждать, о чем поспорить, а потому эта публикация, предупредительно квалифицированная как эссе, представляется нам оправданной.

Начнем, пожалуй, с характеристики самого объекта (Интернета) и опосредованной им коммуникации (здесь слово «объект» следовало бы поставить в кавычки, и не только потому, что исследовать собираемся не технологию, но и потому, что Интернет «ведет» себя как некоторый «субъект», в некотором смысле формируя мнения о себе и отношения к себе и изменяясь, в свою очередь, в соответствии с мнениями и отношениями). Попробуем охарактеризовать «объект» (в смысле «исследование объекта») тремя взаимосвязанными атрибутами:

- актуальность;
- парадоксальность;
- уникальность.

Актуальны исследования Интернета, потому что появился он недавно (лет 20 назад вряд ли готовы были говорить что-либо определенное)¹, и не мешало бы понять, что он нам несет – пользу или вред, и что в связи с этим можно и нужно сделать.

Парадоксальна ситуация исследований Интернета тем, что Интернет, появившись недавно, распространился повсеместно и стремительно и стал привычным и обыденным².

И этим парадоксальным сочетанием супернового и привычно обыденного Интернет уникален, хотя это не главное из составляющих уникальности. (Могут возразить, что у нас все сейчас и новое и обыденное, но, трезво оценив ситуацию, приходим к выводу, что ничего принципиально нового, кроме компьютера и Интернета, вторая половина XX в. не принесла, все остальное есть только лишь усовершенствование изобретений конца XIX начала XX в.) Рискнем утверждать, что именно эта парадоксальность явления приводит к сравнительно малому количеству квалификационных исследований (сравнительно с нашим стереотипом, что многие и много сейчас пишут и говорят об Интернете).

Утверждаем связь парадоксальности и малого количества квалификационных исследований, руководствуясь примерно следующей логикой: и исследование нового, и исследование обыденного предполагают определенные сложности. Но трудности в этих двух случаях в некотором смысле носят взаимоисключающий характер.

Новое привлекает исследователей, т.к. сама новизна предмета и объекта обещает новизну ответов

¹ А.Е. Войскунский пишет о 1970-х гг. как периоде первых публикаций – речь в них шла о локальных сетях, об опосредованной ими коммуникации. А тема компьютерных сетей как источника информации и особой игровой среды появляется только в 90-е, тогда же, когда появляется название «Интернет». В эти годы увеличивается количество гуманитарных исследований, расширяется и обновляется их проблематика. Но это на «Западе». В России же «фронт», как пишет автор, гуманитарных исследований складывается лишь в 1990-е гг. Начало же было положено именно психологическими исследованиями еще в первой (!) половине 80-х, но в силу социально-политических причин они не получили должного развития [1].

² О.Н. Арестова: «Теперь людям ясно, что Интернет не совершил переворот в области мышления и взаимодействия; это просто очередная новая технология. Да, она изменила и временные и пространственные границы в общении людей, но ничего принципиально нового в сам процесс она не внесла. С этой «печальной» мыслью приходится смириться, и это происходит именно сейчас. Наступило время, когда мы должны стать исследователями уже обыденной реальности» [8].

и выводов, особенно в случае такого культурально насыщенного явления, как Интернет. Но не созданы еще методы, следуя которым можно прийти к новым выводам, и необходим даже поиск нового на уровне подходов, с позиции которых только и станут возможными новые ответы. И тот, кто находит новые методы и новые подходы, добивается успеха. Поэтому «просто» публикаций о проблемах Интернета заметно больше, чем квалификационных работ. Видимо, исследовательскую дерзость могут позволить себе либо «уже» кандидаты наук, либо «еще» студенты-дипломники.

В отношении явлений привычных и обыденных ситуация противоположная. Известны методы и подходы, освоен круг вопросов, и кажется, что исследовать нечего, все и так понятно. И только тот, кто сможет задать новый вопрос, заметить странное и неоднозначное в привычном и наскучившем, будет вознагражден каскадом перспективных гипотез.

Что касается Интернета, то в силу вышеназванной парадоксальности явления приходится сталкиваться с обоими типами проблем: ни методов и подходов, адекватных явлению, найти еще не успели и пришли к мнению, что искать и исследовать здесь нечего, все и так понятно. Исследовательская интрига такова: как относиться к объекту? Как к явлению новому, следовательно, искать (создавать!) новые методы для его исследования? Или как к явлению обыденному, а следовательно, искать стереотипы, неосознаваемые допущения и строить исследование на «расколдовывании» магии обыденности? А может, есть какой-то иной вариант, парадоксальный, соединяющий и то и другое, ведь объект-то парадоксален. Таковы предварительные вопросы относительно объекта.

Теперь о предмете. Публикации об исследованиях Интернета (имеются в виду исследования, близкие к психологической проблематике; вопросов сугубо технических и программистских мы не касаемся) можно поделить, основываясь на не претендующем ни на авторитетность, ни на объективность наблюдении, на два типа: 1) интересные, смелые, изложенные ярким языком исследования, в которых выдвигаются большие культуральные и социопсихологические гипотезы; 2) простые, несколько скучноватые (извините), использующие традиционные вопросники и статистические процедуры.

И хотя вы почувствовали, что наши симпатии на стороне первого типа исследований, к ним у нас есть серьезные претензии. Ведь исследования первого типа

ограничиваются, если можно так выразиться, культурологическим предметом, в них предполагается, что читатель сам поймет, о чем идет речь, а если не поймет, значит «не дорос». В исследованиях этого типа нас не устраивает отсутствие конкретного, документально или вещно представленного материала; предмет в них философско-культурологический, а метод умозрительный.

Исследования второго типа, в отличие от первых, оперируют конкретным материалом. Обозначим такой предмет как традиционно-психологический, и методы будут также традиционными – вопросники, тесты, анализ продуктов деятельности.

Для того чтобы преодолеть недостатки и воспользоваться достоинствами исследований обоих типов, нам нужно найти такой предмет, который был бы одновременно конкретным, вещным и в то же время предполагал обобщения общекультурного уровня. А метод должен быть одновременно и строгим, процедурно регламентированным и гибким, способным улавливать не только заданное «настройкой фильтра», но и новое, заранее не предполагаемое. Также мы должны увязать предмет и метод между собой, что, может показаться, задачу усложняет, но на самом деле упрощает.

Наша задача – найти предмет, который являлся бы одновременно и психологическим, и культуральным. Возможность оформления такого предмета есть, и представляет ее именно российская-советская психология: культурно-историческая теория Выготского (мы считаем это подходом), которая как раз демонстрацией изоморфизма социокультурного и психологического, в значении «высшего психического», совершила переворот в психологии³.

Но метод, который первым приходит на ум в связи с этим подходом (формирующий эксперимент), кажется неуместным. Он используется там, где нужно нечто сформировать, а что нужно сформировать в Интернет-коммуникации, если только она не осуществляется на образовательном (жестче – обучающем!) сайте? Хотя по первоначальному плану исследования мы действительно хотели формировать у участников web-форума ответственность, чем загнали себя в концептуальный тупик.

Второе соображение не столько методологическое, сколько интуитивно-стилистическое: Интернет, в соответствии с идеологическими упованиями, считается зоной свободы (этих зон свободы в нашем «видимо»

³ «Дело в том, – пишет А.Е. Войскунский – что для приверженцев культурно-исторической школы Л. Выготского, одной из ведущих в отечественной психологической науке, изучение деятельности человека в Интернете не выглядит случайной или надуманной темой. С психологической точки зрения Интернет представляется современным этапом знакового (семиотического) опосредствования деятельности» [1. С. 245]. И далее: «В соответствии с положениями культурно-исторической теории развития психики постоянно усложняющиеся знаки и семиотические системы способствуют развитию и трансформации высших психических функций... Проблематика развития и усложнения строения высших психических функций в результате освоения и применения человеком компьютеров была поднята А. Леонтьевым [4], О. Тихомировым [9, 10] и другими отечественными и зарубежными учеными, эмпирическому и экспериментальному исследованию особенностей этого процесса был посвящен ряд теоретических и экспериментальных трудов» [1. С. 246].

свободном мире остается все меньше и меньше). И подходить к исследованию Интернет-коммуникации с позиции экспериментатора, контролирующего переменную, представляется неадекватным, неаутентичным, неэкологичным и даже неэтичным. Не удастся отделаться от впечатления, что в этом случае то, что исследуем, не будет относиться к предмету Интернет-коммуникации в каких-то принципиальных моментах. Конечно, соображения такого толка постоянно сопровождают психолого-исследовательскую рефлексия; провести «стерильное» исследование никогда не удастся и говорить об этом мы не стали бы, если бы, по нашему мнению, Интернет-коммуникация в силу своей специфики и культурной уникальности не представляла нам иных методов.

Однако пора определить позицию исследователя. Любое исследование диктуется практической, прагматической целью; даже такая милая мотивация, как «поиск истины», не свободна от персонального самоутверждения исследователя и оправдания исследовательского сообщества (можно вспомнить замечания О. Хабермаса о науке, которая заняла место идеологии⁴). В большинстве же исследований «заказ» вполне различим. Мы решили, совместив приятное с полезным, работать в интересах «участника web-коммуникации», т.е. в «своих» интересах, если придется стать участником, в «ваших» интересах и т.д.

Но вернемся к вопросу о методе, адекватном культурно-историческому подходу. На наш взгляд, ответ зависит от того, что в историческом смысле считать подходом, какие исторические «рамки» ему отводить. По мнению некоторых психологов, с которым мы согласны, все творчество Выготского проникнуто идеей этого подхода, вначале имплицитно и только затем артикулированно. Приведем мнение А.А. Пузыря: «...анализ “Психологии искусства” обнаруживает не только целый ряд мыслительных ходов, уже совершенно *параллельных* ряду принципиальных положений культурно-исторической психологии Выготского (особенно в том, что касается *метода* исследования, но также – видения природы объекта изучения), но, что, может быть, не менее важно, – позволяет зафиксировать наиболее глобальные и фундаментальные для всего мышления Выготского, для всей его работы в психологии, – *цели и ценности*, установки и ориентации его как исследователя, мыслителя и личности» [6].

Сам метод в цитируемой работе обозначается так же, как у Выготского – объективно-аналитический (Выготский же ссылается на Мюллера-Фрейенфельса⁵).

Но на вопрос о том, какова процедура метода, ответить тем более не просто, что мы знаем только одно исследование, где он был применен, – «Психология искусства»! Выскажем свое мнение в виде гипотезы, которую еще только предстоит положительно аргументировать; метод этот, безусловно, по духу своему родствен герменевтическому⁶. От признания его герменевтического родства мы не выиграем многого – герменевтический метод остается крайне редким для психологических исследований, даже несмотря на то, что еще в 1988 г. М.С. Роговин и Г.В. Залевский поставили его на почетное первое место в перечне методов психологического исследования [7. С. 77]. Но кое-что выиграем, потому что герменевтическая традиция, вероятно, древнейшая из дисциплин, все же предоставляет нам более чем достаточный методолого-методический материал, опираясь на который мы можем попытаться реконструировать метод «Психологии искусства», вернее, некоторые его элементы, достаточные для исследования Интернет-коммуникации. А то, что понимание текста является «модельной» ситуацией для герменевтики, уже чисто «количественно» дополняет аргументы в пользу герменевтики при выборе основного метода исследования Интернет-коммуникации, где сам характер материала, сама «ткань» коммуникации, если можно так выразиться, имеет текстовый характер.

Итак, метод, который мы собираемся использовать в исследовании, будет «герменевтическим», но может в итоге сильно отличаться от классической герменевтики. Преобразят его два «вливания», два влияния: культурно-историческая теория и постмодернизм.

Постмодернизм как «лагерь постмодернизма» в целом, включающий концепции дискурса, деконструкции, языковых игр, нарратива и т.п., выдвигает серьезную критику в адрес традиционных интерпретационных методов, которую мы не можем игнорировать, т.к. собираемся исследовать Интернет, провозглашенный чем-то вроде образцового (парадигмального) выразителя постмодернистской идеологии.

Предмет культурно-исторической теории для герменевтики не традиционен, культурно-историческую теорию интересует «форма» высших психических функций, а не содержание, которое определяется ситуацией. Нас тоже интересует «форма» Интернет-коммуникации, ее «жанр», говоря гуманитарным языком, а не содержание, то, «как», а не то, «о чем» говорят.

Но «оболочка» метода должна остаться герменевтической. Постмодернизм имеет явные антирациональные установки и постоянно провозглашает «ко-

⁴ Б.В. Марков в послесловии к изданию работ Ю. Хабермаса пишет: «...наука и техника составляют основу легитимации господства в современном обществе» [11. С. 295].

⁵ «...новый метод психологии искусства, который в классификации методов Мюллера-Фрейенфельса получил название «объективно-аналитического метода» [2. С. 31].

⁶ Выготский в сноске обозначает основные принципы объективно-аналитического метода, а В.В. Умрихин в комментариях к «Психологии искусства» характеризует Мюллера-Фрейенфельса как автора концепции «психологии жизни», что явно ассоциируется с «философией жизни» В. Дильтея, классика герменевтической традиции. Вопрос располагает к детальному исследованию [2. С. 452].

нец» науки, поэтому для исследования мало подходит; а метод «психологии искусства» методически не разработан. Герменевтика же способна модернизироваться (постмодернизироваться), в чем современная герменевтика нуждается, сохраняя при этом свой методический арсенал, позволяющий ей оставаться в границах рациональности и постоянно претендовать на место основной гуманитарной парадигмы. Нам, модернизирующим метод герменевтики, представляется поэтому более важным сохранить не «букву», а «дух» герменевтики, тем более что для честной (не риторической) герменевтики следование «духу», т.е. традиции, является ключевым.

Почти уже определившись с методом, нужно добавить несколько комментариев к вопросу об увязке метода с предметом. Дело в том, что не все жанры Интернет-коммуникации одинаково благодарно отзываются на методы, рассчитанные на работу с текстом. Если классифицировать их следующим образом: электронная почта, ICQ, чат, видеоконференция, Форум (он же телеконференция), то только последний на герменевтику отзывается.

Аргументация будет примерно такой: среди коммуникативных Интернет-жанров есть такие, которые будут «нетекстовыми», например видеоконференция. А есть текстовые, но не специфичные для Интернета, исследование которых мало даст нового, например электронная почта, которая не отличается от «бумажной». Из оставшейся тройки нам, безусловно, интересен чат, но в нем текстовость все же подавляется скорострельностью ответов. А ICQ менее показателен в свете темы ответственности, являясь интимным жанром, который заведомо строится на условиях доверия. Поэтому основной акцент в исследовании будет сделан на жанре web-форума (он же Интернет-форум), где оптимально (позвольте аргументацию не приводить) соотношение текстовости и скорости ответа, где материал висит месяцами, перерастая в собственно тексты, в сравнении с (сию)минутным чатовским шелканьем по клавиатуре (почему и «болтовня»).

Одним из принципиальных моментов для герменевта является понимание задаваемого вопроса. Вопрос, конечно, может много раз меняться, но каждый раз на этапе предпонимания интенция вопроса должна осознаваться четко и... с предвосхищением ответа. Поэтому нам нужно определиться с тем, что в Интернет-коммуникации нас интересует, какой вопрос и как будем задавать.

Многие авторы, в том числе и те, на работы которых мы здесь ссылаемся, с различной степенью полноты перечисляют темы исследований Интернет-коммуникации. Не случайно заметное место в этом ряду занимают проблемы самопрезентации и идентичности: Интернет, как выразитель постмодернистских идеологем, провоцирует на заданные там проблемы, среди которых деконструкция «личности» для

психологии, пожалуй, самая чувствительная. S. Kvale, исходя из того, что идея психологии как науки изначально базировалась на представлении об индивидуальном субъекте, наделенном ментальным аппаратом и внутренними психологическими механизмами, подчеркивает, что постмодернизм провозгласил смерть индивидуального «Я», растворяющегося в лингвистических конструкциях и конгломератах социальных отношений [5]. Мы пришли к выводу (и можем здесь представить только аргументацию результата, путь к которому пока остается неясным), что собственно предметом исследования внутри проблематики Интернет-коммуникации должна стать ответственность. Ведь, говоря об идентичности, мы невольно будем «соскальзывать» к установке, что идентичность – это «норма», в норме должна быть одна основная идентичность (например, «примордиальное Я» – *primordial Self* [11]); равномножественная, не имеющая главного ядра идентичность Интернет-коммуникатора будет «отклонением» (а «сетевая» идентичность рифмуется с «сетевым» принципом организации). Но нас не оставляет дерзкая идея, что действительно возможна множественная идентичность, и то, что сейчас отличает «продвинутых» Интернет-коммуникаторов от большинства, в недалеком будущем может стать «нормой» для культуры. Примерно так, как письменная речь сейчас воспринимается как образец, «норма», и с ней сравнивается речь устная, разговорная или внутренняя.

Конечно, настолько далеко в своем исследовании мы не будем заходить (поскольку это означало бы перейти от исследования к производству), но, увидев такую перспективу, должны включить ее в свой горизонт. Можно сказать, что поскольку мы не способны «ощутить» отсутствие единой идентичности на себе (отсутствие единой идентичности, но присутствие деятельной социальности), то ставим вопрос исследовательски, а не (авто)биографически (а кто сможет гарантировать, что этого вскоре не произойдет, как произошло уже с «двухголосыми» героями Достоевского?). Игнорировать возможность иных способов идентичности нельзя, поскольку сам факт наличия вопроса об идентичности переводит его в разряд актуальных вопросов.

Означив постмодернистскую проблему избыточности категории индивидуальной идентичности, мы, кстати, получаем еще дополнительный аргумент в пользу метода «Психологии искусства», ведь только там, пишет Выготский, мы «...пытаемся изучить чистую и безличную психологию искусства безотносительно к автору и читателю, исследуя только форму и материал искусства. Поясним: по одним басням Крылова мы никогда не восстановим его психологии; психология его читателей была разная – у людей XIX и XX столетия и даже у различных групп, классов, возрастов, лиц. Но мы можем, анализируя басню, вскрыть

тот психологический закон, который положен в ее основу, тот механизм, через который она действует, – и это мы называем психологией басни» [2. С. 8]. Мы исследуем психологию коммуникации, тот механизм, через который она действует, а не психологию коммуникатора. А ответственность, видимо, по-особому проявленная в Интернете, будет тем фактором, который все же коммуникацию удерживает. Ведь, если не будет «коммуникаторов» – не будет коммуникации. Но если будет «ответственность», то будут «ответы» (и, соответственно, вопросы). Пока это высказывание превышает возможности языка, но сейчас, когда собственно исследование еще длится и не завершено, гипотеза наша существует в таком виде.

Чувствуя, как опасно разрастается количество побочных ответвлений темы, попробуем перейти к выводам, тем более что в отведенных для них абзацах можно контрабандой провести еще парочку заманчивых идей. Неоднократно возникала мысль, что для статьи об Интернете больше подошла бы форма гипертекста, так много хотелось сказать (и идея о гипертекстовой форме изложения материалов исследования является одной из таких сопутствующих идей). А теперь выводы:

1. Исследование Интернет-коммуникации может оказаться перспективным и продуктивным, если рассматривать ее не как вариант «отклонения», а как вероятную «зону развития», тем более, что есть основания считать Интернет значительным культурным явлением (не в смысле «совершенства», а в смысле чреватости). Если принять положение о нем как «выразителя» постмодернистской идеологии, то напрашивается тема «Смерть индивидуального Я» как чувствительный для современной психологии постмодернистский вызов.

2. Сочетание коммуникативного «материала» и «личностной» проблематики идентичности дает основание определять исследование в русле коммуникативного подхода, разрабатываемого В.И. Кабриным⁷. Этот момент в тексте мы не обсуждали, но он сам по себе убедителен.

3. В качестве собственно исследовательского предмета предлагается «ответственность участника web-коммуникации», т.к. в этом случае есть шанс найти тот фактор, который обеспечивает коммуникативность (ответность), в то же время элиминируя «личностные» категории, такие как идентичность, «примордиальное» Я и другие. То есть если рассматривать ответственность как свойство коммуникатив-

ной ситуации, то она становится конституентом «участника коммуникации», не апеллируя к его «подлинной» личности.

4. Методом, адекватным заявленному предмету, можно считать метод «Психологии искусства» Л.С. Выготского как вариант герменевтического метода, для методической конкретизации которого предполагается использовать герменевтическую традицию и критику со стороны концепций дискурса, деконструкции и «всего постмодернистского лагеря» в адрес традиционных смыслораскрывающих методов.

И уже в качестве совсем финальных комментариев приведем следующие: некоторые темы были лишь слегка затронуты в эссе, их разработка осталась за рамками текста. Это и тема «постмодернистского» понимания ответственности, и способы подробной процедурно-методической конкретизации герменевтического метода, и характеристика жанров Интернет-коммуникации, и некоторые дополнительные причины выбора Интернет-форума в качестве основного материала.

Мы не приведем подробного анализа других работ по исследованию Интернета, отчего выбор проблематики идентичности выглядит случайным; а ведь герменевтический метод, красноречиво замалчиваемый в современных исследованиях, дает возможность распространить квалификацию «эмпирических» разделов и на главы, обозревающие литературу (тем более, что сейчас «наивные» пользователи могут выступать в качестве экспертов, а эксперты – в роли испытуемых). Остаются также вопросы, к решению которых только предстоит приступить, главный из них – совместимость коммуникативного подхода В.И. Кабрина и семейства герменевтических методов.

Несмотря на эту неизбежную неполноту в условиях конечности текста (в отличие от неконечности жизни), будем надеяться, что публикация вызовет интерес и послужит поводом для конструктивных диалогов.

Так как квалификационные работы, посвященные исследованиям, связанным с Интернетом, из полнотекстового электронного каталога РГБ за период 1997–2005 гг. были только упомянуты, но совершенно никак не рассмотрены в статье, то их список приведен отдельно от списка литературы:

– Вербицкая Т.А. Влияние системы Интернета на психосемантическое пространство пользователя. М., 2002 (к. психол. н.).

⁷ В.И. Кабрин, обосновывая коммуникативную природу личности, пишет: «Минимальное обобщение, которое здесь было бы уместным, – это представить личность как иерархию внешних и внутренних коммуникаций, динамически интегрирующих все перечисленные выше компоненты (мотивации, черты, склонности, способности. – V.A.) в новое качество – коммуникативный мир. Важно то, что в феномене и понятии коммуникации главное (в чем сходятся все концепции) – это передача информации, имеющей жизненный смысл. В нашем случае – это передача смысла себя (как способ выхода за собственные пределы), акцентирующая децентрацию личностной структуры, ее “несамодостаточность” и “несамостоятельность” и поэтому ориентированность на самореализацию и саморазвитие в пространстве коммуникативного мира человека» [3. С. 7].

– Жичкина А.Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста. М., 2001 (к. психол. н.).

– Ложкина Е.Р. Социально-психологические аспекты междисциплинарного подхода к проектированию современного компьютерного интерфейса. Ярославль, 2001 (к. психол. н.).

– Шевченко И.С. Вариативность самопрезентации личности в Интернет-общении. Казань, 2002 (к. психол. н.).

– Романов И.В. Влияние интернет-среды на индивидуально-психологические качества пользователей научно-информационных сайтов. Иваново, 2005 (к. психол. н.).

Литература

1. Войсунский А.Е. Исследования Интернета в психологии // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова. М.: Гэндалф, 2002. С. 235–251.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 480 с.
3. Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие: Психология коммуникативного развития человека как личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 255 с.
4. Леонтьев А.Н. Автоматизация и человек // Психологические исследования. 1970. Вып. 2.
5. Якимова Е.В. Постмодернизм и психологическая наука (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 2003. № 2. С. 126–143.
6. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология: Учебное пособие по курсу общей психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 117 с.
7. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988. 230 с.
8. Тема Интернет-реальности перестала вызывать эйфорию: Интервью с О.Н. Арестовой, канд. психол. наук, доц. каф. общей психологии. Интервью взяла Валентина Шевяхова // <http://flogiston.ru/interview/arostova>
9. Тихомиров О.К. Информационный век и теория Л. С. Выготского // Психол. журн. 1993. № 1.
10. Тихомиров О.К. Л.С. Выготский и современная психология // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1981. С. 151–154.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
12. Normand Gingras. On the Self: An existential-phenomenological-hermeneutic study. Towards a new understanding of the Self. Thèse soumise à l'École des Études Supérieures de l'Université d'Ottawa en vue de l'obtention du diplôme de Ph.D. en Psychologie. Ottawa: Université d'Ottawa, 2000.

METHODOLOGICAL ESSAY ABOUT PROJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH OF INTERNET-COMMUNICATION A.V. Utkin (Tomsk)

Summary. With free logic of an essay a question about directions, subject and methods of research of the Internet-communications is raised in the article. To examining a question, considering the Internet as the significant cultural phenomenon influencing the human world, responsibility of the participant of a web-forum is offered as a subject of research and hermeneutical method as related to a method in «Psychology of Art» by L.S. Vygotsky and modernized by consideration of criticism from concepts of «postmodernist camp» is offered as a method of research. The communicative approach is offered as a basis of conceptualization.

Key words: Internet-communications, responsibility, the cultural-historical theory, the communicative approach, hermeneutics, postmodernism.

ИНФОРМАЦИЯ

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

I. В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 30 мая 2003 г. № 509-дс открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.04 – медицинская психология, 19.00.05 – социальная психология.

Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский, заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор В.И. Кабрин, ученый секретарь – кандидат психологических наук Т.Г. Бохан.

23 декабря 2005 г. в диссертационном совете были защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук:

Литвиной С.А. «Установки на патернализм по отношению к политической власти как транскомуникативные образования и их взаимосвязи с элементами социального мира в ментальности россиян» – по специальности «социальная психология». Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент О.И. Муравьева.

Косовой Е.Г. «Психическая ригидность как фактор развития посттравматического стрессового расстройства у сотрудников оперативных подразделений, перенесших боевой стресс» – по специальности «медицинская психология». Научный руководитель – профессор Г.В. Залевский.

5 мая 2006 г. в диссертационном совете была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Шелеховым И.Л. «Влияние типа акцентуации личности и структуры ценностей на формирование материнской функции беременных женщин» – по специальности «медицинская психология». Научный руководитель – профессор Г.В. Залевский.

*Ученый секретарь совета
кандидат психологических наук, доцент
Т.Г. Бохан*

II. В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 30 мая 2003 г. открыт диссертационный совет К 212.267.08 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 19.00.13 – акмеология и психология развития, психологические науки; 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования, педагогические науки.

Председатель диссертационного совета – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой управления образованием ТГУ Г.Н. Прокументова, заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский, ученый секретарь – кандидат педагогических наук И.Ю. Малкова.

26 декабря 2005 г. в диссертационном совете была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук

Нагорняк А.А. «Актуализация творческого потенциала учителя средствами андрагогики (в условиях деятельности учреждения дополнительного профессионального образования)» – по специальности «общая педагогика, история педагогики и образования, педагогические науки». Научный руководитель – профессор В.А. Доманский.

*Ученый секретарь совета
кандидат педагогических наук, доцент
И.Ю. Малкова*

РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ ОБРАЗОВАНИЕ: САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Выставка «УЧСИБ-2006»

10–12 марта 2006 г. в новосибирском выставочном комплексе «Сибирская ярмарка» состоялась международная выставка обучающих средств, оборудования, материалов, инновационных идей и опыта «УЧСИБ-2006», в которой принял участие и факультет психологии Томского государственного университета. Объединяющей все образовательные выставки, которые ежегодно проходят на Сибирской ярмарке, является идея непрерывного образования в современном мире.

Тема выставки 2006 г. – «Развивающееся образование: саморазвитие личности в условиях взаимопроникновения культур и цивилизаций». Для факультета психологии ТГУ, где проблема саморазвития и самореализации личности является одной из ведущих, участие в данном форуме сибирского образования было весьма интересно и продуктивно.

На стенде были представлены информационные материалы о существующих специальностях, содержании обучения, о кадровом составе и перспективах развития факультета, которые вызвали большой интерес у молодежи – потенциальных абитуриентов факультета. Монографии и сборники материалов конференций, подготовленные психологами Томского государственного университета, авторские методические пособия по базовым учебным дисциплинам, а также Сибирский психологический журнал глубоко заинтересовали коллег-психологов из разных уголков Сибирского региона. За три дня выставки наш стенд посетило более двухсот человек.

В рамках УЧСИБа-2006 состоялись международная конференция «Национальные и этнические приоритеты в развитии мировой культуры и цивилизации», международный семинар «Межкультурные коммуникации в условиях открытого образовательного пространства», региональная студенческая конференция «Информационные технологии: тенденции развития и применения», а также многочисленные круглые столы, презентации и мастер-классы по проблемам развития личности в различных образовательных контекстах.

Одним из наиболее значительных мероприятий УЧСИБа является конкурс «Золотая медаль сибирской ярмарки». Факультет психологии ТГУ представил Сибирский психологический журнал в номинации «Учебная книга», поскольку это издание является одним из системообразующих факторов подготовки специалистов-психологов. В условиях динамично развивающейся современной психологии именно такая форма подачи материала, как журнал, периодическое издание, позволяет постоянно быть в курсе последних достижений, новых направлений теоретических и прикладных исследований.

Сибирский психологический журнал объединяет психологов Сибири и Дальнего Востока, создает пространство для диалога и взаимопонимания профессионалов различных научных школ и направлений, предоставляя возможности для развития научного творчества молодым специалистам в области психологии. Главный научный сотрудник института психологии РАН доктор психологических наук, профессор В.В. Знаков оценивает Сибирский психологический журнал как авторитетный научный журнал, дающий представление о состоянии профессионального сибирского сообщества психологов, отмечая поступательный рост качества публикаций в нем. В отзыве заместителя директора Института психологии РАН доктора психологических наук, профессора А.В. Юревича указывается, что Сибирский психологический журнал, несомненно, содействует интеграции современной психологии, поскольку в нем обсуждаются проблемы, относящиеся к различным уровням психического, в нем широко представлены работы как академических, так и практических психологов. Журнал создает широкие возможности для саморазвития профессионалов-психологов, а также для всех читателей, что вызывает к нему доверие и уважение.

По итогам конкурса факультету психологии Томского государственного университета присуждена Большая золотая медаль Сибирской ярмарки за высокий научно-методологический уровень издания Сибирского психологического журнала.

От всей души поздравляем основателя и бессменного главного редактора журнала члена-корреспондента РАО, доктора психологических наук, профессора Г.В. Залевского, редакционный совет, всех многочисленных авторов и читателей журнала с этим высоким достижением, отражающим признание его значимости для сибирского региона и российской науки!

ДИПЛОМ

Конкурс ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ Сибирской Ярмарки

УЧСИБ - 2006

УЧЕБНАЯ КНИГА

БОЛЬШОЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ

награждается Факультет психологии ТГУ
за высокий теоретико-методологический уровень
издания Сибирского психологического журнала

Президент Сибирской Ярмарки

Якушин С.Б.

Директор выставки

Черник Б.П.

Председатель жюри

Ковешникова Е.Н.

РЕЦЕНЗИИ НА «СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

«Сибирский психологический журнал» начал выходить в Томске с 1995 г., но широкому профессиональному психологическому сообществу он стал известен несколько позже. Как и всякому новому интеллектуальному продукту, возникшему благодаря инициативе и активности томских психологов-энтузиастов, ему нужно было время для «созревания». К настоящему времени оформилось оригинальное «лицо» этого журнала, сложилась его структура, определились основные области его интересов. Образно можно сказать, что из разряда «оригинального» он превратился в авторитетный научный журнал. Поданные в него авторские работы проходят серьезную процедуру рецензирования, что способствует поступательному росту качества публикаций. Не случайно в нем публикуются не только психологи региона Сибири, но и известные психологи европейской части России (из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля и др.). Благодаря редакционному коллективу, сложившемуся на факультете психологии Томского госуниверситета, возглавляемому членом-корреспондентом РАО, профессором, доктором психологических наук Г.В. Залевским, «Сибирский психологический журнал» прошел российскую и международную регистрацию, стал периодическим. Журнал с интересом читают многие психологи, поскольку он позволяет быть в курсе не только отдельных научных работ сибиряков, но и способствует пониманию состояния профессионального сибирского сообщества. О том, что эта цель успешно достигается, можно судить хотя бы по выпуску журнала, посвященному Сибирскому психологическому форуму, который психологи Томского госуниверситета организовали и провели в 2004 г. и на котором в полной мере были представлены все основные психологические направления – от Сибири до Дальнего Востока. Замечателен журнал и тем, что он создает условия для профессионального развития и становления молодых психологов, которые могут представить для обсуждения экспертному сообществу результаты своих научных работ. В журнале находится место даже для студентов-психологов, пожелавших попробовать свои силы на поприще научных исследований. Представляется несомненным, что миссия «Сибирского психологического журнала» для сибирского региона в полной мере совпадает с тематикой выставки – образованием и наукой.

*Главный научный сотрудник Института психологии РАН,
доктор психологических наук, профессор
В.В. Знаков*

Знакомство с материалами, опубликованными в «Сибирском психологическом журнале», показывает, что стратегической целью данного издания является объединение психологического сообщества Сибири и Дальнего Востока.

За почти десятилетний путь своего развития «Сибирский психологический журнал» превратился в авторитетное научное издание, прошел российскую и международную регистрацию и стал известен широкой психологической общественности не только в сибирском регионе, но и в России в целом. В нем представлены работы известных психологов Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Ростова, активно печатаются сибирские авторы из Томска, Барнаула, Бийска, Иркутска, Улан-Удэ, Благовещенска и других городов.

Важно подчеркнуть роль «Сибирского психологического журнала» в развитии психологического образования в регионе: на страницах журнала молодые психологи (студенты, аспиранты, соискатели) получают уникальную возможность познакомить научную общественность с собственными идеями и практическими разработками различных сферах современной науки.

Одной из научных проблем, регулярно обсуждаемых в журнале, является саморазвитие и самореализация человека в современном обществе. В фокусе обсуждения находятся методологические проблемы самореализации, ее возрастная специфика, профессиональные аспекты саморазвития, самореализация в различных жизненных средах и т.п., что создает необходимые предпосылки для саморазвития и самореализации профессиональных психологов сибирского региона. Следует отметить, что «Сибирский психологический журнал», несомненно, содействует интеграции современной психологии, поскольку в нем обсуждаются проблемы, относящиеся к различным уровням психического (психофизиологические, социальные, духовные и пр.); на страницах журнала создается пространство для интеллектуального взаимодействия профессионалов, принадлежащих к различным научным школам и направлениям; широко представлены работы как академических, так и практических психологов.

В заключение можно сказать, что «Сибирский психологический журнал», безусловно, создает широкие возможности саморазвития как для становящихся, так и уже для состоявшихся профессионалов-психологов, а также для всех читателей журнала, что вызывает к нему доверие и уважение.

*Заместитель директора Института психологии РАН,
доктор психологических наук, профессор
А.В. Юревич*

НАШИ АВТОРЫ

Богданович М.Д.

Студентка 5-го курса факультета психологии Томского государственного университета (Томск)

Богомаз С.А.

Доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Галажгинский Э.В.

Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой психологии личности Томского государственного университета (Томск)

Долганов Д.Н.

Соискатель кафедры социальной психологии и социальной работы Кемеровского государственного университета (Кемерово)

Залевский Г.В.

Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной Федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Козлова Н.В.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогических измерений Томского политехнического университета (Томск)

Левицкая Т.Е.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Непомнящая В.А.

Кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Орёл В.Е.

Доктор психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета (Ярославль)

Осипова Т.Ю.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры менеджмента Кемеровского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета (Кемерово)

Пакулов М.С.

Аспирант кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Писаренко Н.В.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск)

Пусев Д.В.

Магистрат факультета автоматики и вычислительной техники Томского политехнического университета (Томск)

Скавинская Е.Н.

Старший преподаватель кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск)

Степаненко Н.П.

Кандидат медицинских наук, заведующая детским отделением НИИ курортологии и физиотерапии (Томск)

Тренькаева Н.А.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск)

Уткин А.В.

Ассистент кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск)

Шабанов Л.В.

Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и гуманистической психологии Томского государственного университета (Томск)

Шульмин М.П.

Аспирант кафедры социальной и гуманистической психологии Томского государственного университета (Томск)

Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»

1. Рукопись объемом до двенадцати страниц должна быть представлена в напечатанном виде на лазерном принтере в формате А4 (2 экз.) и на 3,5-дюймовой дискете в формате WinWord версии 6, 7, 97, 2000 или в формате rtf. Формат страницы А4; поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм. Параметры абзаца: выравнивание по левому краю, отступ слева и справа – 0; первая строка – 10 мм; интервал: до и после – 0 пт; межстрочный – полуторный. Параметры шрифта: Times New Roman, кегль – 12 пт., интервал – масштаб 100%, обычный, смещения нет. Нумерация страниц с первой, кегль 12 пт., с установкой внизу, по центру, отступ от края текста до нижнего колонтитула – 1,25 мм (по умолчанию). Автоматический перенос выключен. Нумерация строк и абзацев, установка маркеров – выключен.

2. В начале статьи указывается ее название, затем полностью фамилия, имя, отчество каждого автора, место работы, ученое звание, степень и должность, адрес, телефоны, факс, адрес электронной почты (E-mail).

3. Ниже располагаются краткая аннотация статьи (2–3 предложения) и список из 5–7 ключевых слов.

4. В конце статьи помещается информация на английском языке: название статьи, фамилии авторов, аннотация и ключевые слова.

5. Все аббревиатуры в статье должны быть расшифрованы.

6. Текст должен содержать не более двух рисунков (графиков) и не более трех таблиц, которые в электронной версии расположены внутри текстового файла.

7. Список литературы должен быть пронумерован. Его оформление должно соответствовать общепринятым требованиям. Литературные ссылки в тексте даются только в квадратных скобках в алфавитном порядке. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

8. При оформлении рукописи **нельзя** использовать табуляции, устанавливать свои стили абзацев (кроме принятых по умолчанию), расставлять автоматические списки (нумерации строк и абзацев), ставить двойные, тройные и т.д. пробелы между словами. Рекомендуется использовать только один тип кавычек (“ ”) или (« »). Необходимо различать дефис (-) и тире (–). Тире в WinWord набирается клавишами «Ctrl+-» (клавиша «-» – справа на клавиатуре, вверху) или Alt+0150 при включенной клавише NumLock. В тексте, в таблицах и в подписи к рисункам при записи десятичных дробей – ставить запятую (а не точку). Рекомендуется во избежание ошибок и опечаток проводить проверку орфографии средствами редактора WinWord.

9. Представлять электронные версии статей на новых (чистых) дискетах после обязательной проверки на наличие вирусов. Желательно обеспечить дублирование файлов на этой же дискете, но в другой директории. Допускается упаковка файлов архиваторами WinZip, WinRar последних версий.

10. При использовании дополнительных шрифтов необходимо иметь их копии на отдельной дискете.

11. Бумажный вариант должен быть подписан всеми авторами статей.

Внимание! Рукописи, оформленные с нарушением вышеперечисленных правил, не публикуются

Со всеми вопросами о публикации, размещении рекламы и приобретении журнала обращаться в редакцию по адресу:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефон (3822) 52-95-80. Факс (3822) 52-97-10

E-mail: den@psy.tsu.ru

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 23. 2006 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Сибирский психологический журнал
Телефон редакции (3822) 52-95-80; Факс (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Издание
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Редактор К.Г. Шилько
Корректор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки В.Г. Караваева

Подписано к печати 14.04.2006 г.
Формат 60x84/8. Бумага белая офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Ризография. Печ. л. 12. Уч.-изд. л. 11,16. Тираж 1000 экз.

Журнал отпечатан на оборудовании
редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, Московский тракт, 2 е, каб. 011
тел.: 52-98-49